

P. O. rel.

Biblioteka

2908-5

<36626944620012

S

<36626944620012

Bayer. Staatsbibliothek

**Международная
Беллетристическая Библиотека
на русскомъ языкѣ,**

издаваемая
Карломъ Малькомесомъ.

**Собраніе романовъ, повѣстей и рассказовъ
новѣйшихъ писателей всѣхъ странъ.**

I. Серія.

Томъ V.

Цѣна 2 марки, въ изящномъ переплетѣ 2½ марки.

**I. Н. Потапенко, Звѣзда.
А. Чеховъ, Жена.**

Стутгартъ,

Карлъ Малькомесъ.

Прага,

Эдуардъ Валечка.

Женева,

Р. Буркгардтъ.

Миланъ,

Ульрикъ Гёпли.

Софія,

Горови и Комп.

Букарестъ,

Іг. Герцъ.

**I. N. Potapenko, Ein Stern.
A. Tschelow, Die Gattin.**

672

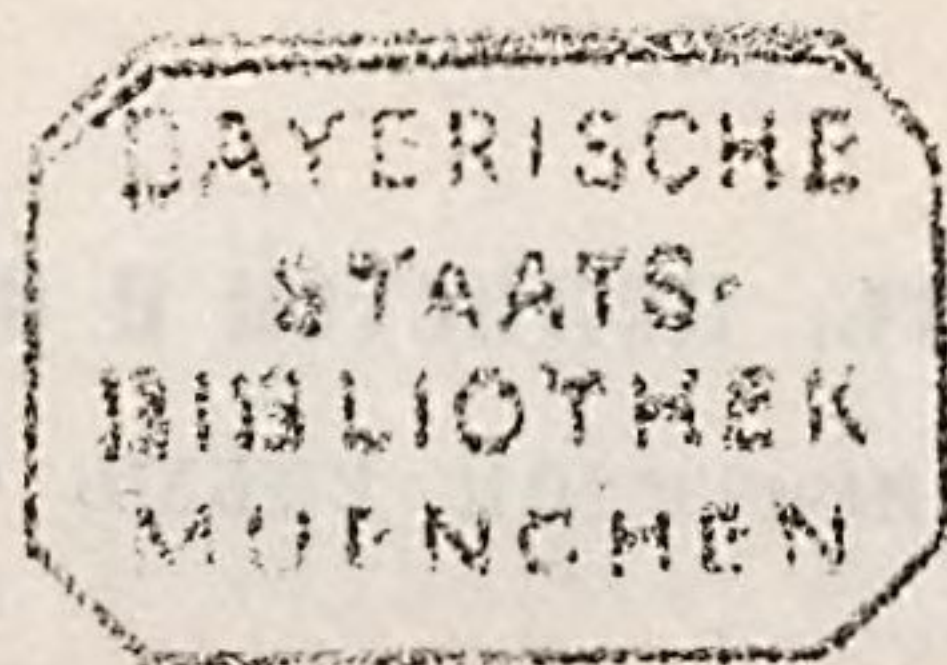
3/3.94

Международная Беллетристическая Библіотека на русскомъ языкѣ,

издаваемая
Карломъ Малькомесомъ.

Собраніе романовъ, повѣстей и рассказовъ новѣйшихъ писателей всѣхъ странъ.

Программа настоящей библіотеки видна изъ ея названія. Уже давно замѣчается недостатокъ въ изданіи хорошихъ русскихъ и иностранныхъ (на русскомъ языкѣ) беллетристическихъ произведеній, **отдѣльными книгами**. Всѣ лучшія произведенія не только Русскихъ, но и заграничныхъ авторовъ, печатаются въ Россіи преимущественно въ толстыхъ ежемѣсячныхъ журналахъ, которые частью недоступны, а въ особенности неудобны, по своему формату, въ дорогѣ. Поэтому-то бóльшая часть русскаго читающаго міра, особенно изъ живущаго за границею, не могла знакомиться съ русскими произведеніями и слѣдить за новой русской и иностранной литературой. — Настоящая библіотека поставила себѣ цѣлью пополнить этотъ про-

**Международная
Беллетристическая Библіотека**
на русскомъ языкѣ,

издаваемая

Карломъ Малькомесомъ.

**Собраніе романовъ, повѣстей и разсказовъ
новѣйшихъ писателей всѣхъ странъ.**

I. Серія.

Томъ V.

I. Н. Потапенко, Звѣзда.

А. Чеховъ, Жена.

Стутгартъ.

Изданіе

Карла Малькомеса.

Въ

Международной Беллетристической Библіотекѣ,
будетъ въ скоромъ времени
напечатанъ послѣдній ро-
манъ

Фридриха Шпильгагена:
Безмолвіе неба.

Единственное авторомъ
разрѣшенное изданіе.

Für die

Internationale Russische
Unterhaltungs-Bibliothek
befindet sich in Vorbereitung
der **neueste** Roman von

Friedrich Spielhagen:
Die Stumme des Himmels.

Einzige vom Verfasser
autorisierte russische Aus-
gabe.

Vertre
Vertre
Vertre
Vertre

ЗВѢЗДА.

Романъ

І. Н. ПОТАПЕНКО.

ЖЕНА.

Разсказъ

АНТОНА ЧЕХОВА.

Стутгартъ.

Изданіе

Карла Малькомеса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ обширныхъ свѣтлыхъ комнатахъ, уставленныхъ мягкой, уютной мебелью, быть можетъ, нѣсколько строгаго, но чрезвычайно спокойнаго тона, стоялъ невообразимый шумъ. Трое дѣтшекъ бѣгали, хохотали, падали, дрались, плакали и кричали. Со стороны можно было подумать, что здѣсь цѣлая школа или какой-нибудь доморощенный дѣтскій садъ, биткомъ набитый ребятами. Единственное взрослое существо во всей восьмикомнатной квартирѣ, кромѣ кухарки и горничной, сидѣвшихъ на кухнѣ, была старая нянька, вспотѣвшая, покраснѣвшая и запыхавшаяся, благодаря необходимости гоняться разомъ за тремя питомцами, изъ коихъ каждый представлялъ необыкновенно самостоятельный характеръ, выражавшійся въ своеобразныхъ капризахъ, дикихъ выходкахъ и настойчивости.

Старуха была не изъ тѣхъ развалинъ, которымъ лѣнь или тяжело подняться съ мѣста, потому что у нихъ „все болить и всю разламываетъ“. Нѣтъ, она еще была достаточно бодра

и добросовѣстно старалась выполнить свои обязанности, тѣмъ болѣе, что ей надо было лучше зарекомендовать себя на новомъ мѣстѣ, — она только вчера поступила въ домъ доктора Бравина, — но ей это совсѣмъ не удавалось: дѣти не хотѣли признавать ее.

— Ну, и сорванцы же, Господи, прости мои прегрѣшенія! Истинно сорванцы! шептала она ежеминутно, вытирая съ лица потъ передникомъ.

Въ тотъ моментъ, когда, послѣ зычнаго звонка въ передней, въ квартиру вошелъ самъ докторъ Бравинъ, ребята устроили настоящую свалку и, хотя каждый безпощадно обижалъ другого, но всѣ ревѣли изо всѣхъ силъ.

— Что тутъ случилось? спросилъ онъ у няньки.

Нянька стояла передъ нимъ на вытяжку съ видомъ безконечно виноватаго человѣка.

— Никакого сладу съ ними нѣтъ!.. Всячески унимала, не слушаются!.. промолвила она дрожащимъ голосомъ.

— А барыня? Развѣ барыни нѣтъ дома?

— Съ утра нѣту ихъ... Какъ выѣхали съ утра, такъ и не бывали...

Онъ нахмурилъ брови и больше ни слова не сказалъ нянькѣ. Дѣтишки уже отъ одного его появленія въ квартирѣ успокоились и смолкли. Они вовсе не были заправскими буянами, и ихъ чрезмѣрная рѣзвость была скорѣе про-

тестомъ противъ того, что ихъ оставили однихъ съ почти совершенно незнакомой женщиной.

— Дѣти, ведите себя тише и не деритесь! Не хорошо драться! сказалъ Бравинъ, стараясь говорить ласково, но въ его голосѣ недоставало именно ласковыхъ нотъ.

Тѣмъ не менѣе, дѣти, послѣ этого краткаго внушенія, окончательно успокоились. Бравинъ пошелъ къ себѣ въ кабинетъ и разлегся во весь свой длинный ростъ на мягкомъ диванѣ, обитомъ темнокоричневой кожей. Кабинетъ представлялъ собой обширную, почти квадратную комнату, съ тремя высокими окнами, выходившими на улицу. Мартовское солнце заливало его своими лучами. Но обстановкѣ трудно было догадаться, что это кабинетъ врача, гдѣ онъ принимаетъ больныхъ. Развѣ вотъ эти вдѣланные въ стѣну длинныя полки, тѣсно уставленные книгами въ солидныхъ „ученыхъ“ переплетахъ, да стоявшій на маленькомъ столикѣ, изъ темнаго мрамора, ящикъ съ электрической машинкой, могли свидѣтельствовать объ этомъ; но съ другой стороны, тутъ же въ углу стоялъ другой ящикъ, говорившій объ иныхъ вкусахъ хозяина, именно — большой футляръ отъ віолончели.

„Какъ это Оленька рѣшается оставлять дѣтей съ новой нянькой! думалъ онъ, лежа лицомъ вверхъ. — До какой степени поглощаютъ ее эти музыкальныя занятія! Да и нельзя довѣрять

дѣтей грубой прислугѣ . . . Они усваиваютъ грубые вкусы и манеры . . . Надо бы къ нимъ бонну приличную взять, что-ли. И вообще безпорядокъ, неурядица какая-то . . . Вотъ и обѣдать пора, пять часовъ, ѣсть хочется, а ея нѣтъ . . . Не нравится мнѣ это . . . У меня отъ семи часовъ пріемъ . . . Когда я успѣю отдохнуть ?“

На порогѣ кабинета появилась горничная.

— Прикажете подавать обѣдъ ? спросила она.

— Какъ обѣдъ ? Развѣ барыня пріѣхала ?

— Барыня просили безъ нихъ обѣдать. Онѣ могутъ опоздать ! . .

„Вотъ и еще нововведеніе ! Терпѣть не могу обѣдать одинъ . . . У меня даже аппетитъ пропадаетъ въ такихъ случаяхъ“.

— Что же ? барыня сказала, въ которомъ часу пріѣдетъ ?

— Нѣтъ, только сказали, что поздно будутъ !

Бравинъ тяжело повернулся на бокъ, такъ что изнутри дивана слышался протяжный заунывный звонъ потревоженной пружины.

— Ну, давайте, что-жъ ? Дѣти обѣдали, надѣюсь ?

— Нѣтъ, дѣти не обѣдали . . .

— Почему же дѣтей не накормили ? Вѣдь, они всегда обѣдаютъ въ четыре часа . . . Что за безпорядокъ у васъ, право ? Я этого терпѣть не могу . . .

Горничная пожала плечами.

— Новая нянюшка... Она, конечно, не знаетъ порядковъ!...

— Давайте обѣдъ! сердито сказалъ Бравинъ и поднялся съ дивана.

Это былъ высокій плечистый мужчина, съ виду гигантъ и здоровякъ. Грубоватыя крупныя черты его лица, густо обросшаго свѣтлорусыми волосами, были нескладны, нѣсколько угрюмы, но, несмотря на это, сразу производили благопріятное впечатлѣніе. Говорилъ онъ густымъ голосомъ, отрывочными фразами, какъ будто сердился, но для всякаго было ясно, что онъ вовсе не сердится, а это у него была такая манера. Андрея Дмитріевича Бравина всѣ знали за человека мягкаго, стоворчиваго, добродушнаго, и рѣшительно никто не вѣрилъ его суровой внѣшности и грубоватому голосу.

Въ столовой уже сидѣли дѣти — старшая дѣвочка лѣтъ шести, съ золотистыми кудрями и большими голубыми глазами, Люба, и сестра ея, годомъ моложе и совсѣмъ другого типа — тоненькая, съ продолговатымъ блѣднымъ личикомъ, съ нѣжными правильными чертами, съ задумчивыми темными глазками — обѣ на высокихъ стульяхъ, а мальчуганъ лѣтъ двухъ, съ разгильдяйскимъ видомъ и разбойничьими замашками, на рукахъ у няни. Онъ-то, главнымъ образомъ, и мутилъ всю компанію, отнимая у дѣвочекъ ложки и вцѣпляясь обѣимъ имъ въ волосы, от-

чего тѣ подымали ревъ. Кромѣ того, онъ не хотѣлъ признавать новой няньки и настойчиво требовалъ маму.

Андрей Дмитріевичъ искоса поглядывалъ на это оригинальное общество и чувствовалъ, что аппетитъ его, обыкновенно, образцовый аппетитъ, покидаетъ его. Онъ выпилъ рюмку водки, закусилъ грибомъ и началъ, было, ѣсть супъ, но сейчасъ же оставилъ ложку, потому что нужно было утѣшать младшую дѣвочку, которую чѣмъ-то обидѣла старшая.

— Люба, ты, вѣдь, старшая, какъ тебѣ не стыдно! сурово укорялъ онъ ее, вмѣсто того, чтобы приласкать, но это, разумѣется, не помогло. Дѣти плакали, въ столовой стоялъ гвалтъ.

Кое-какъ онъ довелъ обѣдъ до конца, ушелъ въ кабинетъ и сердито завалился на диванъ. Съ дѣтьми онъ рѣшительно не умѣлъ обращаться. Онъ любилъ ихъ самою нѣжною любовью, но они имѣли полное право сомнѣваться въ этомъ и немного даже дичились его. Ихъ приводилъ въ недоумѣніе его слишкомъ твердый голосъ, отрывочность и краткость рѣчи и рѣзкія манеры. Теперь онъ лежалъ и думалъ о томъ, какъ бы заснуть хоть полчаса, но немолчные крики дѣтей, глухо доносившіеся сюда, мѣшали ему. Ему мѣшало собственно не то, что дѣти шумятъ, — онъ могъ засыпать подъ грохотъ пушекъ, что и случалось, когда онъ лѣтъ десять тому назадъ

былъ военнымъ врачомъ, — но ему все казалось, что дѣти чѣмъ-то обижены, и что онъ противъ нихъ не правъ, не обладая способностью утѣшить ихъ.

Изрядно провалявшись, онъ, наконецъ, заснулъ, а когда горничная, вошедшая въ кабинетъ, чтобъ зажечь свѣчи, разбудила его, оказалось, что въ пріемной уже ждутъ три паціента.

— А барыня пріѣхала? спросилъ онъ, промывая лицо холодной водой изъ крана, устроеннаго тутъ же въ кабинетѣ.

— Нѣтъ, не пріѣхали! отвѣтила горничная тономъ, въ которомъ слышалось нѣкоторое удивленіе.

Андрей Дмитріевичъ сердито фыркнулъ и обрызгалъ стѣну водой.

— Пригласите больныхъ! сказалъ онъ, и, окончательно приведя себя въ порядокъ, началъ пріемъ. Но на этотъ разъ онъ былъ менѣе внимателенъ къ своимъ больнымъ, чѣмъ всегда. Онъ прислушивался то къ дѣтскому крику, то къ звонку. Звонки раздавались довольно часто, но онъ сейчасъ же узнавалъ, что это были паціенты. Ольга Сергѣевна звонила два раза подрядъ. Это было условлено. Онъ безпокоился. Обыкновенно, она уходила въ музыкальную школу часовъ въ одиннадцать утра и возвращалась къ четыремъ. Этого было совершенно достаточно, чтобъ взять урокъ пѣнія. И это его не стѣсняло, потому что онъ, уходя изъ

дому въ больницу, или уѣзжая на частную практику, — часовъ въ 9 утра, оставлялъ ее дома, а, пріѣзжая домой, находилъ ее съ дѣтьми. Что дѣлалось дома въ этотъ промежутокъ времени — онъ не зналъ, но былъ совершенно увѣренъ, что тамъ все идетъ хорошо. Это первый разъ, что она такъ страшно запоздала, и онъ совсѣмъ случайно узналъ, что дома стоитъ неумолкающій ревъ. Въ первый разъ онъ подумалъ, что, можетъ быть, это такъ бываетъ каждый день. Онъ считалъ своихъ дѣтей тихими и миролюбивыми, а оказывается, что они драчуны и капризники. Ясное дѣло, что они успѣли испортиться за эти два года, когда Оленька стала посѣщать музыкальную школу. Очевидно, прислуга оказываетъ на нихъ дурное вліяніе, и объ этомъ надо поговорить съ Оленькой. Надо принять какія-нибудь мѣры. Если она не можетъ посвящать имъ больше времени, онъ не настаиваетъ, онъ никогда не стѣснялъ ее. Это ее забавляетъ, развлекаетъ, пусть. Онъ всегда держался мнѣнія, что скучающая жена — самое несчастное существо въ мірѣ. Скука плодитъ фантазіи, которыя гораздо хуже болѣзней. Но тогда пусть возьметъ къ дѣтямъ хорошую, приличную и надежную женщину.

Двойной звонокъ. Ольга Сергѣевна пріѣхала. Но она, очевидно, не одна. Онъ прислушивается. Она ушла въ спальню, и тотчасъ же дѣтскій крикъ прекратился. А въ залѣ остались гости,

повидимому, двое мужчинъ и одна дама. Они разговариваютъ, словъ онъ не разбираетъ, а слышитъ только звуки. Его комната соединена съ залой дверью, но дверь заперта и завѣшана плотной портьерой. Одинъ говоритъ густымъ басомъ, другой звонкимъ теноромъ, а у дамы низкій грудной голосъ. Это — пѣвцы. Ну, пусть себѣ. Теперь онъ спокоенъ и съ обыкновенною внимательностью будетъ заниматься своими больными, которыхъ хватить до девяти часовъ. Только бы они не вздумали пѣть. Рояль стоитъ подъ самой дверью. Это неловко и будетъ мѣшать ему...

II.

— Ну, господа, не знаю, какъ вы, а я голодна страшно! Мои ребята унялись. Наплакались, бѣдные! У Нюты расцарапанъ носъ, это — сынъ, онъ у меня разбойникъ! Пойдемте обѣдать! Лиза, надѣюсь — супъ не простылъ!...

Ольга Сергѣевна говорила все это живымъ, веселымъ, нервнымъ голосомъ, и вся ея фигура, лицо, вся она была оживлена и какъ-то насквозь проникнута волненіемъ.

Пока она была въ дѣтской, гости дѣятельно разсматривали кипу нотъ, лежавшихъ на роялѣ и привели ее въ страшный беспорядокъ. Дама

— это была высокая, полная женщина съ широкимъ четырехугольнымъ лицомъ и съ высшей степени увѣреннымъ, побѣдоноснымъ взглядомъ, — присѣла къ клавишамъ и однимъ пальцемъ, и притомъ фальшиво, играла что-то изъ Шумана по раскрытой тетрадки. Господинъ съ тонкимъ голосомъ былъ совсѣмъ коротенькій, въ коротенькомъ пиджачкѣ, съ лицомъ маленькимъ, безволосымъ, обильно уснащеннымъ прыщами. На головѣ у него высилась кипа густыхъ черныхъ волосъ, которой онъ видимо гордился, часто взъерошивалъ и явно думалъ, что ради этой кипы ему должны быть прощены всѣ недостатки его наружности. Ходилъ онъ на тоненькихъ ножкахъ, въ маленькихъ сапожкахъ, съ высочайшими каблуками, и былъ глубоко убѣжденъ, что это послѣднее обстоятельство дѣлаетъ его человекомъ большого роста. Вообще, изъ всего можно было заключить, что онъ о своей наружности весьма благосклоннаго мнѣнія. Костюмъ его былъ сильно потертъ, внизу брюкъ можно было разглядѣть бахрому, воротничокъ и манжеты явно просились въ стирку, а носовой платокъ онъ вынималъ изъ кармана только тогда, когда былъ гдѣ-нибудь въ углу и убѣдившись, что на него никто не смотритъ. Но всѣ эти обстоятельства не мѣшали ему пахнуть духами, довольно скверными, ароматъ которыхъ сбивался на камфару съ деревяннымъ масломъ.

Что касается другого гостя, то весь его

внѣшній видъ говорилъ, что онъ бась, разсматриваетъ себя, только какъ баса, желаетъ пѣть басомъ, и въ этой скромной роли видитъ все свое назначеніе. Онъ былъ плечистъ, угловатъ, на спинѣ его рельефно выступали обѣ лопатки, руки и ноги его были крупныя, шея длинная съ большимъ острымъ кадыкомъ, одежда широка. Онъ часто откашливался съ такимъ видомъ, словно у него въ горлѣ засѣла кость, говорилъ умышленнымъ басомъ, всячески избѣгалъ длинныхъ фразъ, предпочитая имъ отрывочныя слова, которыми выпаливалъ точно изъ пушки. При этомъ и выраженіе лица у него было мрачное, какъ у тѣхъ оперныхъ заговорщиковъ, которыхъ ему придется во всю жизнь играть.

Гости оказались столь же голодными, какъ и хозяйка. Бась ѣлъ совершенно откровенно и вышилъ двѣ рюмки водки, дама же дѣлала видъ, что ей достаточно одной тарелки супу, чтобъ насытиться. Это было въ явномъ противорѣчій съ ея наружностью, которая краснорѣчиво говорила о хорошемъ аппетитѣ и о недурномъ питаніи. Впрочемъ, когда завязался живой разговоръ, она нѣсколько увлеклась филеємъ по-англійски и очень успѣшно не только догнала, но и опередила баса.

— Что же вы такъ мало ѣдите, Подпоркинъ? спросила хозяйка у тенора, который своими маленькими рученками разрѣзалъ мясо на крошечные кусочки и препровождалъ ихъ въ

ротъ съ такимъ видомъ, какъ будто они были окроплены святой водой.

— Нельзя... это тяжело для голоса! отвѣтилъ теноръ. — Мнѣ одинъ докторъ сказалъ, что чистота голоса зависитъ отъ желудка...

Онъ не пилъ ни водки, ни вина, не курилъ, не ѣлъ соленого, кислаго, боялся перцу, какъ огня, чай остуживалъ до того, что онъ дѣлался совсѣмъ холоднымъ, воду согрѣвалъ, носилъ фу-файку и кашне, по утрамъ собственноручно масси-ровалъ горло, на улицѣ упорно молчалъ, однимъ словомъ, жилъ на свѣтѣ въ честь своего голоса. Онъ очень хорошо сознавалъ, что голосъ можетъ сдѣлать его человѣкомъ, а кромѣ голоса у него ничего нѣтъ, и безъ него онъ — нуль. Поэтому вся его жизнь, духовная и матеріальная, заклю-чалась въ этой драгоцѣнности, которую природа случайно вложила въ его горло.

Если бы посторонній, и притомъ не посвя-щенный, человѣкъ, случайно вошелъ въ столовую и на три минуты остался невидимъ, то онъ былъ бы пораженъ страннымъ явленіемъ. Онъ слышалъ бы русскую рѣчь, въ которой упо-требляются все знакомыя ему слова, но ничего не понималъ бы, точно это былъ языкъ шифра, условленнаго между этими четырьмя личностями, столь мало похожими одна на другую.

— Нѣтъ, я хотѣла бы посмотрѣть, что это была бы за Розина! промолвила пѣвица съ че-

тырехугольнымъ лицомъ. — Что бы она дѣлала на верхахъ...

— Кто? Тигрова? выпалилъ басъ. — Фіаско! Проваль!

— Верхи ничего... Съ верхами ея еще можно жить... замѣтила Ольга Сергѣевна. — Но колоратура, вотъ несчастье! Она мажетъ!...

— Проваль! Полный проваль! повторилъ басъ, которому, очевидно, очень нравилось это слово, какъ дающее просторъ его громоносному голосу.

— Какъ иногда бываетъ полезно во-время заболѣть! воскликнула Ольга Сергѣевна.

— Вы думаете, она заболѣла? Пустяки. Видитъ, что дѣло плохо, ну, и... завязала горло.

— Нѣтъ, я видалъ ее на пріемѣ у горлового врача... воскликнулъ теноръ.

— Ну, рассказывайте! Вы за нею ухаживаете... Оттого и защищаете!

Теноръ взъерошилъ свои волосы.

— Что вы? У нея есть мужъ!..

При этомъ онъ ухмыльнулся, какъ бы давая ей знать, что о такихъ нескромныхъ вещахъ нельзя говорить, но въ то же время прямо не отрицая факта.

— Ха, ха, ха! весело разсмѣялась Ольга Сергѣевна, — да вы, Подпоркинъ, ей по плечо!

Подпоркинъ выпрямился и поднялъ голову.

— Это ничего не значить!... самоувѣренно объявилъ онъ. — Ростъ не играетъ важной роли...

Хозяйка смѣялась. Вообще, она держалась среди этого общества непринужденно. Съ ними у нея не было ничего общаго, кромѣ той оперы, которую они будутъ вмѣстѣ пѣть; она отлично понимала, что басъ Кряковъ совершенно первобытенъ, контральто Оглоблина взята чуть-ли не прямо изъ-за стойки табачной лавочки, а Подпоркинъ готовился въ понамари, но кто-то надоумилъ его, что въ оперѣ можно больше денегъ заработать, чѣмъ въ понамаряхъ, и потому онъ избралъ карьеру артиста. Всѣ трое смотрѣли на нее, какъ на образецъ ума, хорошаго тона и воспитанности и, что бы она ни сказала, считали верхомъ остроумія. Это доставляло ей удовольствіе и было какъ бы отголоскомъ или продолженіемъ того безсмѣннаго торжества, какое она вотъ уже въ теченіе двухъ лѣтъ испытывала въ школѣ.

Разговоръ ни на минуту не прерывался. Это былъ странный разговоръ, постоянно пересыпаемый вокальными цитатами изъ оперъ, цитатами, которыя пѣлись вполголоса или даже полнымъ голосомъ.

— Такъ помните же, Подпоркинъ, вы должны начинать піаниссимо и идти все кресчендо, кресчендо вотъ такъ: „нѣтъ выше радости, нѣтъ

выше сча-а . . .“ и тутъ уже развернуть голосъ во всю ширь! говорила и пѣла Ольга Сергѣевна.

— Ну, вотъ, повторите!

Подпоркинъ повторялъ, держа на вилкѣ кусочекъ курятины.

— Мнѣ бы только эту сцену по-русски перевести какъ-нибудь, а то ничего не понимаю, басиль Кряковъ и тутъ же цитировалъ сцену: — „signor ne il chiesi! A voi presente un uom'sispa-da-sta . . .“ Чортъ его знаетъ, что оно значить! . .

Обѣдъ затянулся. Ольга Сергѣевна заявила, что въ залѣ пѣть нельзя, пока не кончится приѣмъ. Но въ этомъ и особенной надобности не было, потому что за обѣдомъ, среди разговоровъ, и затѣмъ за чаемъ было снѣто, между прочимъ, нѣсколько сценъ изъ нѣсколькихъ оперъ.

Послѣ девяти часовъ въ столовую пришелъ Андрей Дмитріевичъ. Видъ у него былъ усталый, и онъ посмотрѣлъ на гостей какимъ-то уныло-удивленнымъ взоромъ. Оглоблину онъ зналъ, она была у нихъ уже раза два, когда Ольга Сергѣевна разучивала дуэтъ изъ „Пророка“. Оглоблина пѣла Фидессу. Но видъ Крякова и Подпоркина поразилъ его, главнымъ образомъ, неожиданнымъ контрастомъ. Когда же пѣвцы оба поднялись, и маленькій теноръ нѣжно заявилъ, что онъ Подпоркинъ, а громоздкій басъ грузно выпалилъ, что онъ Кряковъ,

онъ сразу развеселился и чуть не прыснулъ отъ смѣха.

— Это все наши будущія звѣзды! сказала Ольга Сергѣевна съ тонкой ироніей, которую, впрочемъ, замѣтилъ только ея мужъ, остальные же приняли это за чистую монету. Подпоркинъ тряхнулъ своей кипой волосъ и не возразилъ, а Кряковъ заявилъ со скромностью, свойственной всѣмъ, вообще, басамъ:

— Я-то звѣзда? Ха, ха! Мнѣ бы хоть на вторыя роли попасть! Я на полтораста въ мѣсяцъ бью, больше мнѣ не надо!...

— Какъ? Развѣ вы не претендуете на славу? спросилъ Бравинъ, съ удовольствіемъ принимаясь за чай.

— Слава? Ха, ха! Какая тамъ у чорта слава? Басамъ не бываетъ славы... Это вотъ имъ, сопранамъ да контральтамъ, да тенорамъ... А нашему брату — заговорщиковъ, да патеровъ играть, — какая-же тутъ слава? Я, вѣдь, профундо! Басъ кантабиле еще можетъ сорвать хлопки, а профундо — никогда!... Нѣтъ, мнѣ бы только обезпечить себя и дѣтей...

— У васъ семейство? спросилъ хозяинъ.

— А какъ же? Четверо! Я и то колеблюсь... Выгодныя условія предлагают...

— Гдѣ?

— Да вотъ одинъ староста церковный говоритъ мнѣ, не хочу-ли къ нимъ въ протодіако-

ны . . . Что-жъ, тамъ доходы хорошіе и прочность . . . это надо подумать . . .

Андрей Дмитріевичъ пилъ чай, молча, внимательно вслушиваясь въ рѣчи гостей и своей жены. Повидимому, эти люди были насквозь проникнуты заботой о судьбѣ разныхъ графовъ Монтероне, де-Луна, Неверовъ, Сень-Бри и менѣе родовитыхъ героевъ и героинь, какъ Риголетто, Марсель, Джильда, Маргарита, Фидесса. Всѣ ихъ интересы были сосредоточены на этихъ личностяхъ, о которыхъ они, впрочемъ, не имѣли ни малѣйшаго понятія, на выходахъ, сценахъ, ригурнеляхъ, дуэтахъ и квартетахъ. Слушая ихъ и то, какъ они по-оперному трактовали исторію, можно было подумать, что вся исторія человечества была пропѣта всѣми этими героями и графами подъ аккомпаниментъ оркестра. И, кажется, Подпоркинъ и Кряковъ были именно такого мнѣнія.

Ждали баритона Огузкова, но онъ не пришелъ. Перешли въ залу, а Андрей Дмитріевичъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ, опять, по-прежнему, разлегся на диванъ и тоскливо слушалъ, какъ въ залѣ нестройно и нескладно разучивали „Риголетто“. Грустные мысли роились въ его головѣ. Оленька проводитъ цѣлый день, все свое время съ этими господами. Здѣсь ихъ трое, но въ школѣ, должно быть, неисчислимое множество, и всѣ, понятно, болѣе или менѣе, на одинъ ладъ, т. е. всѣ такъ же первобытны, какъ

Кряковъ, Подпоркинъ и Оглоблина. Самъ онъ очень любитъ музыку, не слишкомъ скверно играетъ на віолончели и даже съ Оленькой познакомился на почвѣ музыки. Оленька такъ мило пѣла цыганскіе романсы, русскія пѣсни и студенческіе чувствительно-гражданскіе стихи на мотивъ изъ „Лукреціи“. Это было давно, онъ тогда былъ еще студентомъ медицины. Но онъ никогда не имѣлъ въ виду, что музыка сдѣлается единственнымъ занятіемъ Оленьки, поглотитъ ее и изгонитъ изъ ея души всѣ другіе интересы. Оленька никогда не отличалась серьезностью, особеннымъ стремленіемъ къ образованію, къ книгѣ, къ умственнымъ интересамъ. Но все же она любила и новую книжку просмотрѣть, и журнальную статью пробѣжать, и выслушать ту или другую общественную новость. Но вотъ года четыре назадъ кто-то изъ знакомыхъ сказалъ ей, какъ всегда говорятъ въ такихъ случаяхъ, что „съ ея стороны преступленіе — не учиться пѣть“, при чемъ были упомянуты такіа слова, какъ „успѣхъ, фуроръ, слава, украшеніе сцены, искусство“, пошли профессора пѣнія, которые мѣнялись каждые полгода, потому что знакомые рекомендовали новыхъ, и, наконецъ, — музыкальная школа, которая окончательно поглотила Оленьку. О томъ уже и говорить нечего, что дѣти почти не видятъ ее и грубѣютъ съ каждымъ днемъ, что ему едва удастся поболтать съ нею полчаса въ день; но онъ просто замѣ-

чаетъ, что умственный уровень Оленьки явно понижается. Она ровно ничего не читаетъ, ну, хоть бы романъ какой взяла, и того нѣтъ, — ни о чемъ съ нею говорить нельзя, — она всегда переходитъ на однѣ и тѣ же темы — объ операхъ, объ артисткахъ, о профессорахъ, о постановкѣ голоса, о нюансахъ. И теперь вотъ это общество: въ первое время, когда она приходила изъ школы, она была разстроена и жаловалась:

— Боже мой, какъ они всѣ первобытны — эти пѣвцы и профессора! Съ ними рѣшительно ни о чемъ нельзя говорить! Они точно не знаютъ о существованіи другого міра, кромѣ опернаго!

А теперь она ужъ не жалуется на это и чувствуетъ себя въ этомъ обществѣ не дурно. Но, вѣдь, это обидно! Оленька — не глупая, очень даже не глупая женщина, она оживляла общество своей веселой, нервной, остроумной болтовней, обладая замѣчательной способностью обо всемъ говорить умно и дѣльно. А теперь, если при ней заговаривать о чемъ-нибудь, не относящемся къ музыкѣ, пѣнію, сценѣ, у нея дѣлается какой-то уныло-подавленный, скучающій видъ, она молчитъ или уходитъ.

И какъ они дерутъ тамъ — эти пѣвцы, особенно, Подпоркинъ, который вретъ какъ-то самоувѣренно. И голосъ у него препротивный,

сдавленный, кошачій. Ну, вотъ, слава Богу, кончили и расходятся.

— Смотрите же, завтра въ одиннадцать часовъ у меня! сказала на прощанье Ольга Сергѣевна. — И Огузкова привезите! Скажите, если не придетъ, я разсержусь! Мы пройдемъ „Риголетто“ отъ начала до конца!

„Ого! Завтра, значить, цѣлый день у насъ будетъ стоять вой нестерпимый“, подумалъ Андрей Дмитріевичъ; но тутъ же рѣшилъ ни однимъ словомъ не высказывать Оленькѣ своего недовольства. Когда она вошла въ кабинетъ и присѣла около него на диванѣ, онъ почувствовалъ, что все озлобленіе его прошло. Такъ рѣдко они бывали вмѣстѣ, вдвоемъ, такъ рѣдко музыка отпускала ее ему.

— Ахъ, какъ я устала сегодня! промолвила она, сонливо потягиваясь. — У насъ теперь идутъ репетиціи... Тромбони ставятъ для меня „Риголетто“. Теперь два мѣсяца у насъ будетъ горячка... репетиціи въ классѣ, потомъ съ оркестромъ, потомъ съ хоромъ, затѣмъ перейдемъ въ театръ и тамъ репетиціи... я въ восторгѣ... Ахъ, ты не можешь представить себѣ, въ какомъ я восторгѣ... Всѣ говорятъ, рѣшительно всѣ говорятъ, что я буду блестящая Джильда... Вся школа только объ этомъ и говоритъ... Директоръ жметъ мнѣ руку, всѣ заискиваютъ...

Андрей Дмитріевичъ взялъ ея руку и, самъ не понимая почему, почувствовалъ, что она въ

эти минуты далека отъ него. Она говорила долго, долго, ея усталость и сонливость прошли, она оживилась, ея хорошенькіе темные глазки блестѣли, а онъ слушалъ ее, молча, и въ сердцѣ его впервые въ этотъ вечеръ зарождалось какое-то новое чувство унынія, одиночества, — то чувство, которое испытываетъ человѣкъ, когда на глазахъ у него мало-по-малу отъ него ускользаетъ нѣчто дорогое, любимое, святое... Но онъ ни слова не сказалъ ей ни о дѣтяхъ, ни о глупомъ обществѣ. Зачѣмъ? Она такъ восторженно жила въ своихъ радужныхъ мечтахъ о славѣ, а онъ такъ нѣжно любилъ ее... Зачѣмъ?

III.

Въ театральной залѣ было совсѣмъ темно. Дневной свѣтъ, проходившій черезъ узенькія окна высоко-высоко надъ галлереей, едва освѣщалъ только портреты драматурговъ и композиторовъ на потолкѣ, а начиная съ четвертаго яруса, все погружалось въ тьму. На сценѣ горѣли дешевыя лампы, привѣшенныя къ кулисамъ съ обѣихъ сторонъ, да около суфлерской будки стояли зажженные свѣчи. На самой сценѣ бродили тускло освѣщенныя фигуры, очевидно, безъ всякаго дѣла; за кулисами толкались десятки другихъ личностей, которымъ тоже нечего было

дѣлать; наконецъ, и въ партерѣ, несмотря на мракъ, можно было разглядѣть въ различныхъ пунктахъ какое-то движеніе головъ и слышать сдержанный шопотъ.

Репетиція еще не началась. Въ оркестрѣ было пусто, на сценѣ не было никого изъ учащихъ, тѣмъ не менѣе народу набралось много, и толкался онъ здѣсь съ утра.

Съ тѣхъ поръ, какъ начались репетиціи ученическихъ спектаклей въ театрѣ, вся музыкальная школа какъ-бы ошалѣла. Ужъ нечего говорить о пѣвицахъ и пѣвцахъ. Въ классѣ пѣнія все было поглощено предстоящимъ спектаклемъ. Тѣ, кто участвовалъ, не могли ни о чемъ другомъ думать по причинѣ крайняго волненія. Тѣхъ-же, кому не привелось получить хоть маленькую роль, влекли въ театръ столь благородныя чувства, какъ зависть и злоба противъ болѣе счастливыхъ товарищей, и надежда увидѣть ихъ сорвавшимися, оскандалившимися, провалившимися сквозь подмостки и переломавшимися себѣ ноги. Но такъ или иначе, а волненіе было общее, и о систематическомъ ученіи не могло быть и рѣчи.

Волненіемъ заразились и другіе классы. Вѣдь, съ утра до обѣда приходилось торчать въ театрѣ, въ оркестрѣ и дуть въ трубы, иногда, благодаря немзыкальности пѣвцовъ, повторять одну и ту же фразу по десять разъ. Тѣ же, кто не участвовалъ въ оркестрѣ, просто не хотѣли ничего

дѣлать. Таково уже было общее настроеніе. Все сосредоточивалось вокругъ сцены, — этихъ подмостковъ для добыванія славы, всѣ глядѣли туда, одни — съ упованіемъ завоевать славу въ самомъ близкомъ будущемъ, другіе съ отдаленной надеждой когда-нибудь уловить хоть тѣнь ея, третьи съ мучительнымъ сожалѣніемъ о томъ, что она пройдетъ мимо нихъ, а они своимъ трудомъ и способностями будутъ только пролагать дорогу другимъ. Трубачъ, контрабасистъ и барабанщикъ, которымъ не зачѣмъ ходить на сцену, и никогда они не пойдутъ туда, а будутъ занимать свои скромныя мѣста въ оркестрѣ и всю жизнь добросовѣстно выполнять свои маленькія, незамѣтныя роли, — но и они смотрятъ на сцену, на эту пустую дыру, тускло освѣщенную свѣтомъ двухъ грошевыхъ лампъ, пустынную и холодную.

Но вотъ въ оркестрѣ появились ученики съ инструментами, благородныя віолончели и тучныя контрабасы заняли свои мѣста, флейтисты раскрыли свои изящныя ларцы, началась настройка и проба . . . Въ партерѣ публика прибываетъ, но разсаживается по угламъ, разговаривая шопотомъ и дѣлая видъ, что ея здѣсь нѣтъ. Здѣсь чуть-ли не вся школа, сюда перешелъ центръ тяжести.

На сценѣ теперь хозяйничаетъ Тромбони, сѣдобородый толстякъ съ зычнымъ голосомъ и съ манерами итальянскаго булочника. Нѣкогда

онъ блисталъ, въ качествѣ звѣзды первой величины, и оставилъ за собой славу создателя цѣлой сотни баритонныхъ ролей, но это было очень давно, онъ уже двадцать лѣтъ неуклонно занимается приготовленіемъ звѣздъ для русскихъ сценъ, и старая слава его забыта, или, лучше сказать, заслонена сотней новыхъ звѣздъ, возшедшихъ послѣ него и надѣлавшихъ столько-же славныхъ подвиговъ съ картонными мечами.

Онъ выступаетъ увѣренно, съ видомъ диктатора, которому всё здѣсь должно подчиняться. И дѣйствительно, по его мановенію сцена преобразилась, появились декораціи, построились хоры, дирижеръ замахалъ своей палочкой, и началась опера. Все идетъ такъ, какъ въ настоящемъ представленіи, — пѣвцы жестикулируютъ, становятся на колѣни, ломаютъ руки, контрабандная публика слушаетъ, оркестръ играетъ, — одинъ только Тромбони ходитъ по сценѣ среди пѣвцовъ, громко кричитъ на нихъ на своемъ какомъ-то необыкновенномъ языкѣ, хватаетъ ихъ обѣими руками за плечи и швыряетъ на другой конецъ сцены, а пѣвцы послушно выполняютъ всё его приказанія.

— На колѣнъ! А genou! Со слеза въ горло! Лѣвый рука въ сердце, не правый! Обнимайтъ! Mezzo voce, mezzo voce... какъ одинъ шопоть... Зачѣмъ кричать? Ne criez-pas, какъ извозчикъ! Гордый осанка и пошелъ вонъ!... Монтероне — графъ, а нѣтъ — cocher!...

Всѣ эти восклицанія свободно раздавались на сценѣ, заглушая и оркестръ, и пѣвцовъ, и никого они не шокировали и не обижали. Тромбони здѣсь царилъ, ему, его извѣстной опытности каждый довѣрялъ всѣ свои силы, всѣ свои способности, въ полной увѣренности, что онъ-то и проведетъ самой вѣрной дорогой къ славѣ.

Еще одна большая репетиція, и, наконецъ, приблизился день спектакля. Уже за двѣ недѣли передъ этимъ истинные любители музыки и покровители искусства начали дѣлать набѣги на музыкальную школу и записываться на мѣста. Такихъ любителей и покровителей всегда оказывается очень много, когда мѣста объявлены даровыми; ихъ берутъ съ бою, и потому ко дню спектакля весь театръ отъ низу до верху былъ разобранъ по кусочкамъ, и многіе, запоздавшіе, уже теперь просили о повтореніи спектакля, конечно, при условіи, что оно также будетъ даровое.

Наканунъ этого дня Ольга Сергѣевна Бравина цѣлый день не выходила изъ дому. Ей былъ данъ отдыхъ послѣ ста репетицій.

Тромбони посовѣтовалъ ей провести этотъ день спокойно и пріятно, безъ тревоженій, безъ огорченій, чтобъ нервы уравнились и голосъ окрѣпъ. Но это было очень трудно сдѣлать. Сто репетицій, происходившихъ почти каждый день подъ-рядъ, съ тысячью недоразумѣній и волненій, разстроили ей нервы. Андрей Дмит-

рієвичъ уже давно замѣтилъ, что то, на что она прежде не обратила-бы вниманія, какая-нибудь спичка, попавшая на коверъ, вмѣсто того, чтобы занимать присущее ей мѣсто въ пепельницѣ, выводила ее изъ себя, она звонила, звала горничную и дѣлала ей самый серьезный выговоръ. Дѣтскій крикъ заставлялъ ее закрывать уши и убѣгать въ отдаленную комнату, ихъ капризы и прихоти, которые она прежде находила естественными и извинительными, вызывали съ ея стороны суровый отпоръ. Глаза ея постоянно горѣли, и возбужденный взоръ какъ-то невнимательно скользилъ по всѣмъ предметамъ домашней обстановки, разсѣяннo останавливался на мужѣ и дѣтяхъ, какъ будто — ея домъ, мужъ и дѣти — все это было нѣчто случайное, а ее всю обнималъ какой-то другой міръ, въ которомъ она жила мысленно. При самыхъ обыкновенныхъ обращеніяхъ горничной или няньки по какому-нибудь домашнему вопросу, она вздрагивала, переспрашивала и даже какъ будто не сразу понимала.

„Что съ нею дѣлается! Что съ нею дѣлается! Боже мой!“ тревожно думалъ Андрей Дмитрієвичъ и все собирался поговорить съ женой серьезно, толково, вразумительно, спокойно выяснить ей, какъ вредно отражается на ея здоровьѣ и на домашнихъ интересахъ ея чрезмѣрное увлеченіе своимъ ученическимъ дебютомъ. Но когда онъ думалъ о томъ, что этотъ разговоръ мо-

жетъ огорчить ее и разстроить еще больше, ему становилось жаль ея, и онъ говорилъ себѣ: „нѣтъ, послѣ, послѣ, теперь она слишкомъ возбуждена, теперь не время“.

Послѣднюю недѣлю передъ спектаклемъ онъ нѣсколько разъ былъ въ театрѣ. За кулисы онъ не ходилъ, а сидѣлъ въ партерѣ, одиноко и притаившись въ самомъ темномъ углу. Онъ сидѣлъ, не спуская глазъ со сцены. Оленька пѣла превосходно, онъ это понималъ и чувствовалъ. Голосъ ея развился замѣчательно, и, дѣйствительно, были правы тѣ, кто совѣтовалъ ей учиться. И когда онъ смотрѣлъ на то, какъ одобрительно, почти восторженно къ ней относился профессоръ Тромбони, какъ привѣтливо кивалъ ей головой управлявшій оркестромъ дирижеръ, какъ всѣ сидѣвшіе въ темнотѣ театральной залы, язвительно злобствовавшіе по поводу всѣхъ другихъ пѣвцовъ и пѣвицъ, относительно его жены единодушно отзывались одобрительно, какъ, наконецъ, на генеральной репетиціи, послѣ того какъ Ольга Сергѣевна блестяще спѣла свою арію, все, что было въ театрѣ, разразилось аплодисментами, музыканты оркестра положили свои инструменты и хлопали, а Тромбони и директоръ хлопали больше всѣхъ и, не дожидаясь конца дѣйствія, побѣжали къ ней и стали пожимать ей руки, — когда онъ все это видѣлъ и слышалъ, то переживалъ странное чувство — сладостное и мучительное. Шум-

ный и, притомъ, заслуженный успѣхъ Оленьки внушалъ ему гордость и радость за то ощущение счастья, какое въ ту минуту переживала его жена. Вѣдь, у нихъ была общая жизнь, общее имя, и что-жъ удивительнаго, если успѣхъ жены въ глубинѣ и его души будилъ тщеславіе, странное тщеславіе врача по поводу сценическаго успѣха жены. Но въ этомъ восторженномъ шумѣ аплодисментовъ, когда видишь и чувствуешь, что они вызваны единодушнымъ порывомъ, есть что-то опьяняющее, наполняющее голову чадомъ... Но въ то-же время онъ какъ-то смутно понималъ, что Оленька въ эти минуты была вся проникнута чувствомъ, чуждымъ ему и семьѣ, что весь этотъ чадъ успѣха какъ-бы уноситъ ее всю въ другой міръ, отдѣляетъ ее отъ него. „Вотъ, думалъ онъ, — если-бъ въ эту минуту, въ моментъ самаго высшаго напряженія ея успѣха, передъ ней поставили дилемму: мужъ, семья, или сцена съ ея соблазнами славы и всеобщаго поклоненія, развѣ у нея хватило-бы силы отказаться отъ послѣдней? Нѣтъ, и это естественно, понятно, логично, и это ужасно!.. Въ этотъ моментъ она не думаетъ и не можетъ думать обо мнѣ, о дѣтяхъ, въ этотъ моментъ она намъ чужая, она — не тотъ человѣкъ, не та простая, веселая, милая Оленька, которую я такъ горячо люблю, а существо, принадлежащее всей этой публикѣ, всѣмъ тѣмъ, кто придетъ восхищаться

ею... Конечно, это моментъ, онъ пройдетъ, едва смолкнуть аплодисменты; но это страшный моментъ, страшный для интересовъ нашей семьи. Быть-можетъ, кто разъ пережилъ такой моментъ, тотъ уже не можетъ вполнѣ быть тѣмъ, чѣмъ былъ прежде“... Теперь, наканунѣ спектакля, наканунѣ того дня, когда школьный успѣхъ Оленьки, представлявшійся до сихъ поръ еще частнымъ дѣломъ, долженъ былъ сдѣлаться достояніемъ большой публики, онъ цѣлый день былъ самъ не свой. Если все, до этого времени происшедшее, до такой степени измѣнило характеръ Оленьки, такъ глубоко повліяло на нее, что-же сдѣлаетъ этотъ грандіозный успѣхъ въ биткомъ набитомъ театрѣ, эти рецензіи въ газетахъ, эти безконечные разговоры по всей столицѣ? Не будетъ-ли этотъ день роковымъ днемъ для него и для семьи? Онъ думалъ надъ вопросомъ, какъ-бы такъ поосторожнѣй заговорить объ этомъ съ Ольгой Сергѣевной. Надо, по крайней мѣрѣ, знать, думаетъ-ли она объ этомъ серьезно и какъ сама смотритъ на дѣло.

Вечеромъ къ нимъ никто не пришелъ, они пили чай вдвоемъ. Ольга Сергѣевна казалась утомленной, и это дало ему первый поводъ завязать разговоръ.

— Не странно-ли, Ольга, что ты сегодня, когда цѣлый день была дома и отдыхала, утомлена больше, чѣмъ когда-бы то ни было? промолвилъ онъ простымъ тономъ, даже съ улыб-

кой, боясь больше всего, чтобъ разговоръ не имѣлъ вида серьёзнаго объясненія.

— Я оттого и утомлена, что сидѣла цѣлый день дома! сказала она какъ-бы вскользь, наливая чай въ свою чашку.

— Какъ? ты, значить...

Онъ не докончилъ фразы, тотчасъ-же самъ испугавшись ея конца. Вѣдь конецъ былъ-бы таковъ: „ты, значить, утомлена обществомъ моимъ и дѣтей, которыхъ видишь такъ рѣдко?“ Нѣтъ, этого вопроса не надо ставить. Онъ опасенъ. Можетъ быть, это не такъ, это даже навѣрно не такъ, а вопросъ заставить ее подумать, что это такъ.

— Но я не понимаю, почему-же? спросилъ онъ вмѣсто этого.

— Привычка, Андрей... я такъ привыкла каждый день бывать въ школѣ и въ театрѣ, что мнѣ просто не по себѣ безъ этого.

Она сказала это такъ же, какъ и прежнюю фразу, вскользь, очевидно, не придавая этому серьёзнаго значенія и совершенно не замѣчая, какъ поражаютъ его эти отвѣты.

— Но это дурная привычка, мой другъ, надо отвыкать отъ нея!... промолвилъ Андрей Дмитріевичъ очень серьёзно, но осторожно и мягко.

— Напротивъ!... Зачѣмъ-же отвыкать? Мнѣ придется постоянно проводить дни и вечера на сценѣ...

— Почему-же? я все-таки не понимаю!

— Да какъ-же? Днемъ — репетиція, вечеромъ спектакль, это — почти каждый день...

— Развѣ у васъ будутъ продолжаться занятія и послѣ спектакля?

— О, нѣтъ... На будущей недѣлѣ публичный экзаменъ, и конецъ!.. Какія-же теперь занятія?..

— Такъ о какихъ-же спектакляхъ и репетиціяхъ ты говоришь?

— Ахъ, Боже мой! Когда я поступлю на сцену... осенью, разумѣется...

— Ты — на сцену? Ты поступишь на сцену? съ изумленіемъ и вмѣстѣ съ ужасомъ спросилъ онъ.

— Да что ты, Андрей? Неужели-же нѣтъ? Послѣ такого успѣха не поступить на сцену? Но это было-бы глупо, непростительно, преступно!.. Да неужели-же это для тебя новость? кажется, это такъ ясно само собой...

И это было произнесено какъ-бы нехотя и вскользь, какъ заявленіе о дѣлѣ, давно рѣшенномъ, ясномъ и не допускающемъ сомнѣній.

— Но зачѣмъ-же тебѣ на сцену? Ты отлично обеспечена, ты имѣешь полную возможность заниматься музыкой дома, сколько тебѣ угодно...

— Ахъ, какія ты глупости говоришь, Андрей!.. Право, это меня даже раздражаетъ!..

И она сдвинула плечами, какъ будто ощутила

нервный ознобъ. Повидимому, она считала разговоръ на эту тему оконченнымъ. Но Андрей Дмитриевичъ на этотъ разъ не могъ принять во вниманіе ея раздраженіе, дѣло было слишкомъ серьезно.

— Нѣтъ, Оленька, я очень серьезно говорю! сказалъ онъ, стараясь казаться спокойнымъ. — Я не могу допустить мысли, что ты поступишь на сцену. Въ этомъ нѣтъ надобности, и это тебѣ не по характеру... Наконецъ, ты никогда не говорила объ этомъ со мной...

— Ха, ха, ха, ха! Ахъ, Андрей, какой-ты смѣшной! О чемъ-же тутъ говорить? Это ясно! Ты — чудакъ... Нѣтъ, нѣтъ, не говори, это только разстроить меня! Тромбони велѣлъ мнѣ сегодня совсѣмъ не волноваться, иначе завтра будетъ дрожать голосъ... Я сейчасъ иду спать, Тромбони велѣлъ пораньше лечь спать и хорошенько выспаться. Спокойной ночи, Андрей!

Она поднялась и, кивнувъ ему головой, вышла изъ столовой...

„Тромбони велѣлъ не волноваться, Тромбони велѣлъ спать!“

Эти слова звучали въ его ушахъ неумолкаемо, повторяясь тысячу разъ на тысячу ладовъ. Жила-была на свѣтѣ семья: мужъ, жена и дѣти. Они всѣ любили другъ друга, зависѣли другъ отъ друга и ни отъ кого больше. Никто, рѣшительно никто не вмѣшивался въ ихъ судьбу, и жилось имъ хорошо, жизнь ихъ была наполнена

неизсякаемыми *своими* интересами, которыхъ всегда такъ много въ тѣсной, дружески сплоченной, семьѣ. Вдругъ являются откуда-то извнѣ какіе-то посторонніе интересы, вдругъ появляется новое вліятельное имя, которое произносится со значеніемъ неоспоримаго авторитета: „Тромбони сказалъ! Тромбони велѣлъ, даже *велѣлъ*“, и это — законъ, это она спѣшитъ исполнить, потому что вѣрить въ этого Тромбони, какъ въ Бога. Кто такой этотъ Тромбони? Пѣвецъ, по всей вѣроятности, вышедшій изъ булочниковъ, макаронщиковъ, приказчиковъ, человѣкъ необразованный, а только понатершійся въ разныхъ слояхъ общества и положеніяхъ, человѣкъ грубый, но смѣлый, рѣшительный, самоувѣренный, въ душѣ смѣющійся надъ общимъ поклоненіемъ, у себя дома наединѣ со своей женой издѣвающійся надъ этими глупенькими русскими барыньками, которыя платятъ ему по десяти рублей за полчаса, только потому, что онъ Тромбони, что двадцать лѣтъ тому назадъ онъ что-то такое тамъ создалъ, гдѣ-то, на какой-то сценѣ, въ какомъ-то театрѣ... И этотъ человѣкъ вліяетъ на ихъ жизнь, его вліяніе отчуждаетъ отъ него жену, а отъ дѣтей мать. Однакожъ, Андрей Дмитриевичъ находитъ теперь глупымъ свое удивленіе по поводу того, что Оленька хочетъ поступить на сцену. Развѣ объ этомъ нельзя было догадаться раньше? Если бы она объ этомъ не мечтала, то не добивалась бы участія

въ спектаклѣ, не посвящала бы ему все свое время, не отдавалась бы ему такъ всецѣло... Не надо быть глубокимъ психологомъ, чтобы понять это. Но куда же это поведетъ? Уже теперь Оленька становится какъ бы чужою ему и семьѣ, уже и теперь она скучаетъ до утомленія, когда одинъ только день ей пришлось просидѣть дома безъ музыки, безъ игры, безъ этого глупаго общества Подпоркиныхъ, Огузковыхъ, Оглоблиныхъ, Кряковыхъ и имъ подобныхъ, безъ избитыхъ комплиментовъ ея голосу и пѣнію, и... и, можетъ быть, красотѣ!.. Что-жъ тутъ удивительнаго? Это такъ легко и просто цѣпляется одно за другое. Оленька красива, статна, отлично сложена! Ея довольно высокій ростъ, при хорошей, симметричной фигурѣ, такъ много выигрываетъ со сцены. Теперь она является еще въ качествѣ ученицы, и ей говорятъ только: „ахъ, какой у васъ чудный голосъ! Ахъ, какъ вы хорошо поете!“ и это ей кружить голову. А потомъ — на большой сценѣ, гдѣ шире поставлено не только искусство, но и свобода нравовъ, ей станутъ говорить: „О, какъ вы прелестны! Какъ вы очаровательны!“ Будутъ съ артистическимъ обожаніемъ добиваться ея улыбки, ловить ея руки для поцѣлуя... Это окончательно отуманить ея голову...

Но какъ же это онъ выносить такія мысли въ своей головѣ, сидя въ столовой за столомъ

надъ давно остывшимъ стаканомъ чаю? Вѣдь, эти мысли не фантастичны, онѣ съ неумолимой логикой вытекаютъ изъ всего, что было въ послѣднее время... Въ нихъ заключается зерно его личнаго несчастья, зачатокъ разложенія въ семьѣ, которой онъ дорожитъ, какъ самой святой вещью, какая только была у него въ жизни.

Сердце у него бьется такъ тревожно, какъ будто несчастье, еще только логически вытекающее изъ обстоятельствъ въ его воображеніи, уже случилось. Ему кажется, что онъ долженъ выйти изъ свой роли невмѣшательства, хотя это противорѣчитъ его основнымъ принципамъ. Онъ долженъ бѣжать къ ней и привести ей рядъ разумныхъ, убѣдительныхъ доводовъ, долженъ умолять ее, плакать, чтобы спасти семью... Наконецъ, онъ долженъ, онъ имѣетъ право наложить свое veto, запретить!..

Но онъ сидитъ неподвижно на своемъ мѣстѣ, часъ, и другой, и третій. Горничная пришла, убрала самоваръ и посуду. Это заставило его перейти въ кабинетъ. Уже около часу. Онъ не станетъ беспокоить Оленьку. Пусть спитъ.

Онъ сегодня остался такимъ же мягкимъ, нерѣшительнымъ человѣкомъ, какимъ былъ всегда. Этотъ гигантъ, съ такимъ внушительнымъ видомъ, этотъ, повидимому, грубый, рѣзкій, твердый человѣкъ могъ передумать самые рѣшительные планы, но предпринять ничего не могъ, въ особенности, то, что могло обезпокоить Оленьку.

Онъ не спалъ до утра, утромъ сомкнулъ глаза часа на два, а въ восемь часовъ быстро и порывисто одѣлся, выпилъ стаканъ молока, потому что самоваръ еще не былъ готовъ, и пошелъ пѣшкомъ въ больницу, которая отстояла отъ его квартиры верстахъ въ трехъ. И когда онъ дѣлалъ большіе шаги по панели, то очень хорошо сознавалъ, что съ его стороны это малодушіе, что, въ сущности, онъ бѣжалъ отъ объясненія, которое было необходимо, потому что могло, быть можетъ, устранить бѣду. „Ну, а можетъ быть, я ошибаюсь, и мои страхи напрасны? думалъ онъ въ свое успокоеніе, подвліяніемъ свѣжаго утренняго воздуха. — Можетъ быть, я преувеличиваю. Оленька, вообще, склонна увлекаться всѣмъ тѣмъ, что ново, и это для нея ново, вотъ и все... Что же я буду торопиться и забѣгать впередъ? Зачѣмъ создавать положеніе, которое еще само можетъ и пройти мимо?“ Всѣ его рѣшительныя мысли, обыкновенно, кончались успокоеніемъ. Въ этотъ день онъ не торопился домой и вернулся только къ шести часамъ. Они встрѣтились съ Ольгой Сергѣевной въ передней. Она была уже въ накидкѣ, съ закутанными платкомъ головой и частью лица.

— Ты уже ѣдешь? спросилъ онъ.

— О, да! Тромбони велѣлъ всѣмъ быть къ семи часамъ въ театрѣ! Прощай, пожелай мнѣ успѣха! отвѣтила она и на ходу поцѣлова-

ла его въ щеку. — А ты послѣ пріема пріѣдешь?

— Да, я постараюсь пораньше!

Она уже исчезла. „Тромбони велѣлъ... Опять Тромбони велѣлъ... мелькнуло въ его головѣ. — Моя жена постепенно опускается до того состоянія, когда авторитетъ какого-нибудь темнаго и невѣжественнаго Тромбони можетъ замѣнить ей все... Фу, ты... что за гнусныя мысли, однако? Тромбони ея профессоръ, и очень естественно, что она подчиняется его распоряженіямъ!..“ Онъ наскоро пообѣдалъ и открылъ пріемъ, не заставивъ никого изъ націентовъ ждать. Онъ торопился въ театръ. Его тянуло туда, ему хотѣлось не пропустить выхода Оленьки. Она должна была появиться во второмъ дѣйствіи. И вотъ, въ девять часовъ онъ уже въ театрѣ. Въ антрактѣ онъ прислушивается къ разговорамъ въ публикѣ и убѣждается, что слово „Бравина“ у всѣхъ на устахъ; всѣ слышали о ней, всѣ ждутъ отъ нея чего-то замѣчательнаго. Объ остальныхъ ни у кого нѣтъ и рѣчи. Можно было думать, что всѣ эти Огузковы, Подпоркины, Оглоблины, Кряковы существуютъ лишь для того, чтобы лучше отѣнить Бравину.

— Вы знаете, это будущая звѣзда! Она затмитъ такую-то! восклицали въ буфетѣ, и при этомъ называли имя извѣстной пѣвицы, царившей на большой сценѣ.

Андрей Дмитриевичъ выслушивалъ эти смѣлыя ожиданія, и съ каждой такой фразой, случайно доледавшей до его слуха, сердце у него билось сильнѣе, и весь онъ поддавался какому-то странному ощущенію страха и надежды, и духъ его то возвышался, подымаемый дерзкой самоувѣренностью, то мгновенно падалъ, подъ вліяніемъ мучительнаго сомнѣнія. Вѣдь, это имя, которое было у всѣхъ на устахъ, — его имя; вѣдь, Оленька — его святыня, его душа. И, садясь на свое мѣсто передъ началомъ дѣйствія, онъ чувствовалъ себя столь же отвѣтственнымъ за то, что должно было сейчасъ произойти на сценѣ, какъ будто онъ самъ выступалъ передъ публикой. Голова его была охвачена туманомъ, все, что наполняло театральнѣй залъ, и публика, и обстановка, сливалось въ его глазахъ въ нѣчто цѣльное и живое, казавшееся ему то страшнымъ чудовищемъ, которое вотъ-вотъ набросится на его доброе имя и оболетъ его ядомъ насмѣшки, презрѣнія, позора, то — какимъ-то великимъ, дружески расположеннымъ существомъ, готовымъ окружить его имя славой. „Я сумасшедшій, я сумасшедшій! твердилъ онъ мысленно: — и если я до такой степени поддаюсь обаянію этой обстановки, я — за Оленьку, то что же должна чувствовать сама Оленька?“ И онъ начиналъ понимать ея нервность послѣднихъ дней, ея отчужденность отъ домашнихъ интересовъ, ея непоколебимую рѣшимость поступить

на сцену, даже ея готовность безпрекословно исполнять приказы Тромбони, опытная рука котораго смѣло и увѣренно передъ лицомъ всей этой публики выводитъ ее на подмостки славы. Какъ ни мучительно было это сознаніе, но это такъ, и иначе быть не могло. И вотъ онъ чувствуетъ, что сердце его замерло, будто перестало биться. Оленька на сценѣ. Первыя ея фразы звучатъ робко, ея волненіе передается ему; но вотъ ея голосъ разрастается и начинаетъ звучать превосходно; онъ видитъ, что весь театръ проникается симпатіей къ ней, что эта симпатія мало-по-малу переходитъ въ восторгъ, а восторгъ выливается въ бурномъ тріумфѣ, который соединяетъ въ одно цѣлое весь театръ. Среди этихъ немолчныхъ криковъ, среди моря аплодисментовъ, онъ слышитъ свое имя, одно только свое имя; онъ сидитъ въ своемъ креслѣ неподвижно, точно окаменѣлый, и не видитъ ничего, кромѣ сіяющаго, проникнутаго вдохновеннымъ восторгомъ, лица Оленьки. Она выходитъ десятки разъ, выходитъ, съ другими, потомъ одна, наконецъ, съ Тромбони, который смотритъ на нее благодарнымъ взглядомъ и театральнымъ жестомъ отдаетъ ей, только одной ей весь успѣхъ.

Такъ шла вся опера до конца. Кажется, и Подпоркинъ, исполнявшій роль герцога, и Огузкинъ, пѣвшій шута, имѣли успѣхъ, но все это блѣднѣло передъ успѣхомъ Бравиной. Въ кори-

дорахъ, въ фойэ, въ буфетѣ, въ курилкѣ, было единодушно рѣшено, что она — звѣзда крупной величины. Безъ сомнѣнія, сто разъ ему приходилось слышать подробности изъ жизни своей и Оленьки. Публика никогда не довольствуется тѣмъ, что любимый артистъ даетъ ей на сценѣ. Она требуетъ, чтобы открыли его жизнь. Съ той минуты, какъ она дала ему слово, она считаетъ его уже своимъ достояніемъ...

— Вы знаете, мужъ ея докторъ... Да, да... Онъ по нервнымъ болѣзнямъ... Вообще, это музыкальная семья. Онъ играетъ на виолончели, и прекрасно играетъ... но онъ не выступаетъ публично, потому что онъ докторъ... Они прекрасно живутъ... Это самая нѣжная парочка... Да, да! У нихъ трое дѣтей... Она восемь лѣтъ замужемъ... Въ школѣ два года... Прежде училась у профессора Миретти, частнымъ образомъ и у Фоллеши...

„Откуда они все это узнаютъ?“ думалъ Андрей Дмитриевичъ, и ему хотѣлось думать, что онъ возмущается этимъ, но, въ дѣйствительности, онъ жадно вслушивался во всѣ эти отрывочные разговоры, какъ будто сообщавшіяся здѣсь подробности о его жизни были для него новостью.

Не досидѣвъ до конца послѣдняго дѣйствія, онъ вышелъ изъ партера, надѣлъ пальто и прошелъ за кулисы. Онъ уже раньше взялъ карету и велѣлъ кучеру стоять неподалеку отъ подъѣзда для артистовъ. Онъ воображалъ себѣ, какъ

Оленька страшно утомлена и съ какимъ наслажденіемъ она поѣдетъ домой. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ ступилъ за сцену, послѣдній занавѣсъ опустился, и изъ театральнаго зала глухо доносились дружные крики, въ которыхъ опять-таки можно было явственно различить только одно имя Бравиной. На сценѣ была суматоха; его толкали; онъ наткнулся на профессора Тромбони, который окатилъ его, какъ посторонняго человѣка, свирѣпымъ взглядомъ.

„Пожалуй, это скверное животное думаетъ, что имѣетъ теперь на мою жену больше правъ, чѣмъ я!...“ мелькнуло у него въ головѣ.

Наконецъ, онъ увидѣлъ Оленьку. Она стояла у кулисы, занавѣсъ подымали, она выходила и кланялась. Онъ подошелъ къ кулисѣ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда она вернулась со сцены; она скользнула по его лицу взглядомъ, но осталась равнодушна. Она его не узнала. Она вся дрожала отъ волненія и, по всей вѣроятности, не видѣла и не узнавала никого и ничего. Она вся была тамъ, на сценѣ, передъ рукоплещущей и выкрикивающей ея имя толпой.

Но вотъ вызовы кончились; она вернулась къ кулисѣ въ послѣдній разъ.

— Оленька! окликнулъ ее Андрей Дмитріевичъ.

Она вздрогнула, и ея слишкомъ серьезное отъ чрезмѣрнаго волненія лицо вдругъ просіяло.

— Ты? Андрей? Ахъ, какъ я рада, что ты пришелъ!... Я умираю отъ... отъ всего этого!..

Она взяла его подъ руку и твердо оперлась.

— Проводи меня въ уборную... Я просто не въ состояніи сама добратся!.. Ты видѣлъ? Слышалъ?

— Видѣлъ и слышалъ, Оленька! И самъ страшно взволнованъ... Но ты вся дрожишь, это ужъ черезчуръ... Это можетъ потрясти твой организмъ!.. отвѣтилъ онъ мягко и съ оттѣнкомъ нѣжности въ голосѣ.

— Не знаю... Можетъ быть... Но это все равно!..

Они пришли въ уборную, — скверный чуланъ съ закопченными стѣнами, съ какими-то скамьями вмѣсто стульевъ.

— Ты пришелъ въ театръ вѣ-время? спросила она.

— Да, ко второму дѣйствию...

— Пожалуйста, милый, когда пріѣдешь домой, загляни въ дѣтскую и спроси у няни, спокойно-ли спали дѣти... Я безпокоюсь...

Въ первое мгновеніе онъ даже не понялъ этой просьбы, но потомъ сообразилъ.

— Какъ? ты развѣ не со мной ѣдешь? воскликнулъ онъ.

— Мы всѣ ѣдемъ къ графу... Онъ всѣхъ пригласилъ. Онъ устраиваетъ намъ ужинъ! тономъ простого сообщенія факта промолвила она.

— Какой графъ? спросилъ онъ, весь вспыхнувъ.

— Какъ какой графъ? У насъ одинъ графъ, — покровитель нашей школы...

Онъ немного успокоился. Онъ вспомнилъ, что есть такой графъ, старая развалина, покровительствующій музыкѣ потому, что онъ совсѣмъ глухъ и свободно спитъ на музыкальныхъ вечерахъ.

— Но, Оленька!.. Ты и безъ того утомлена.. Это повредитъ твоему здоровью!.. попытался онъ возразить.

— Какъ? ты хочешь, чтобы я не поѣхала? Боже сохрани! Всѣ другіе поѣдутъ, а я нѣтъ? Какъ можно! Графъ обидится... Онъ страшно обидчивъ... Ты видѣлъ, какъ онъ сидѣлъ въ ложѣ? Во время дѣйствія онъ спалъ, а послѣ дѣйствія лакей будилъ его, и онъ начиналъ аплодировать мнѣ... Это любезность! Я не могу не поѣхать... Онъ вліятельный человѣкъ. Отъ него, отчасти, зависитъ поступленіе на сцену...

— Госпожа Бравина! Васъ хочетъ видѣть графъ! промолвила просунувшаяся въ дверь голова.

— Ну, прощай, Андрей, прощай!.. торопливо заговорила она, цѣлуя его, по своей привычкѣ, въ щеку. — Не забудь въ дѣтскую заглянуть. Прощай!.. Я сейчасъ! громко отвѣтила она въ дверь.

Андрей Дмитріевичъ вышелъ изъ театра, поднявъ воротникъ пальто и нахлобучивъ шляпу. Мысли у него были самыя мрачныя. Онъ думалъ, что они поѣдутъ домой съ Оленькой вмѣстѣ,

и что она первому ему восторженно расскажет свои сегодняшнія впечатлѣнія. Но и тутъ нашлась помѣха. „Тромбони велѣлъ... Графъ желаетъ видѣть... Графъ дѣлаетъ ужинъ... Графъ обидится... Отъ него зависитъ поступленіе на сцену...“ Все это были новыя слова, новыя выраженія въ языкѣ Оленьки, и, конечно, они должны повліять на ихъ жизнь. До сихъ поръ они зависѣли только другъ отъ друга, теперь являются въ ихъ жизни новыя личности, въ родѣ Тромбони, графа, желанія и взгляды которыхъ надо принимать во вниманіе... Какъ все это печально и какимъ тяжелымъ мракомъ это сознаніе наполняетъ его душу!

„Я ѣду одинъ въ каретѣ! Чтò за нелѣпость! Никогда не ѣзжу въ каретѣ!“ сердито думалъ онъ, и ему казалось это невѣроятно глупымъ и обиднымъ.

Онъ не спалъ всю эту ночь, онъ — никогда не знавшій, что такое бессонница. Когда въ пять часовъ утра раздался двойной звонокъ, онъ не вышелъ изъ кабинета, чувствуя, и самъ не зная почему, что встрѣча съ Оленькой въ эту минуту была бы тяжела для него.

Въ восемь часовъ онъ одѣлся и, усталый, совершенно разбитый, ушелъ въ больницу.

IV.

— Нѣтъ, ты этого не понимаешь, ты этого не понимаешь, Андрей! ты не можешь влѣзть въ мою душу!... говорила Ольга Сергѣевна нервнымъ голосомъ, въ которомъ слышались одновременно и слезы, и злость. — Ты пойми же, что это безобразіе, произволь, это какое-то насиліе!... Я желаю выступить передъ публикой во всеоружіи. Я хочу появиться въ лучшей моей роли. А они заставляютъ меня пѣть Гориславу... Пойми-же это! Я Гориславы никогда не проходила въ школѣ, она мнѣ не по голосу, и не люблю я этой партіи, она мнѣ не по душѣ!... Я ее терпѣть не могу!...

Она говорила это такъ, какъ будто „Горислава“ была ея личнымъ крѣвнымъ врагомъ, надѣлавшимъ ей множество зла. Это было за обѣдомъ. Андрей Дмитріевичъ пришелъ изъ больницы утомленный и голодный, а Ольга Сергѣевна ѣла плохо и, въ продолженіе всего обѣда, нервно рассказывала ему о своихъ театральныяхъ непріятностяхъ.

Со времени ученическаго спектакля прошло болѣе двухъ недѣль. Въ школѣ экзаменъ былъ отложенъ на конецъ мая. Да Ольга Сергѣевна и интересовалась имъ очень мало. Что такое было для нея экзаменъ послѣ того блестящаго успѣха, какой выпалъ на ея долю на ученическомъ спектаклѣ? Ну, выйдетъ она на эстраду

школьного зала, въ которомъ она десятки разъ уже появлялась и всегда вызывала удивленіе и восхищеніе, пропоетъ арію и еще разъ вызоветъ удивленіе и восхищеніе, ее похвалятъ, поставятъ ей высшій баллъ, потомъ назначатъ медаль. Что тутъ заманчиваго? Каждый годъ кто-нибудь получаетъ медаль; но такія явленія, какъ она, бывають далеко не каждый годъ. Нѣтъ, послѣ дебюта на ученической сценѣ, кругозоръ ея расширился, и она видѣла передъ собой только одно: дебютъ на большой сценѣ, передъ большой публикой, и затѣмъ амплуа первой пѣвицы.

Она не ѣздила въ школу. Тромбони сердился и выходилъ изъ себя. Онъ хотѣлъ пройти съ нею арію для экзамена, кромѣ того, онъ рассчитывалъ исполнить какой-то септетъ, въ которомъ должна была участвовать Бравина. Но Ольгѣ Сергѣевнѣ было не до того. Она вся была поглощена хлопотами о дебютѣ на большой сценѣ.

Но тутъ она съ перваго-же шага встрѣтила противодѣйствіе. Ея не отрицали и не отвергали, но предложили ей выступить въ „Гориславѣ“ въ „Русланѣ“. Она возражала: „я не могу, это не моя роль, дайте мнѣ роль моего репертуара“. Но ей отвѣчали вѣжливо, но холодно: „Если это не ваша роль, то вы намъ будете бесполезны. Намъ нужна пѣвица именно на эти роли!“

Она была возмущена. Ослѣпленная колоссаль-

нымъ успѣхомъ, она шла сюда съ гордо-поднятой головой, совершенно увѣренная, что ей только стоитъ сказать слово, и ея желаніе будетъ исполнено. И вдругъ такой пріемъ. Что-же? Ея здѣсь не признаютъ? Или они не были на ученическомъ спектаклѣ, не видѣли ея фурора?.. Это былъ первый и очень чувствительный уколъ ея самолюбію. И вотъ именно теперь, за обѣдомъ, она была подъ вліяніемъ этого оскорбленія.

— Что-же ты намѣрена дѣлать? спокойнымъ тономъ спросилъ Андрей Дмитріевичъ. — Конечно, ты откажешься отъ этого дебюта?

— Я? Откажусь? Ты съ ума сошелъ! Нѣтъ, ты, въ самомъ дѣлѣ, съ ума сошелъ, Андрей! Могу-ли я послѣ моего успѣха отказаться отъ дебюта?

— Но неужели-же ты выйдешь въ роли, которая тебѣ не по характеру?

— Ни за что не выйду! Но я добьюсь своего. Я употреблю всѣ средства...

— Но, мой другъ, какія-же у тебя есть для этого средства?

— Какъ какія? Я вотъ завтра утромъ пойду къ графу и буду просить его, чтобъ онъ употребилъ свое вліяніе...

— Ты поѣдешь къ графу? Ты? Ты будешь унижаться передъ нимъ? Клянчить у него покровительства? Оленька, такъ до чего-

же это дойдетъ? . . . Да неужели-же ты на это способна? . . .

Она какъ-то растерянно взглянула на него и промолвила почти плачущимъ, подавленнымъ голосомъ:

— Я не понимаю, Андрей, чего ты отъ меня хочешь! Я не понимаю! прибавила она со слезами на глазахъ. — Вмѣсто поддержки, я съ твоей стороны встрѣчаю только противодѣйствіе . . .

У Ольги Сергѣевны катились слезы и останавливались на щекахъ. Она поникла головой. Слова мужа были тѣмъ обиднѣе для нея, что она чувствовала справедливость ихъ.

— Но какъ-же мнѣ быть иначе? сказала она унавшимъ, дрожащимъ голосомъ. — Я-же должна добиться этого . . .

— Успокойся, вытри слезы . . . Это малодушіе. Не надо падать духомъ . . . Мы подумаемъ хорошенько, можетъ быть, что-нибудь придумаемъ! . . .

Она вынула изъ кармана платокъ и вытерла слезы.

— Да, если-бъ ты помогъ мнѣ что-нибудь придумать, Андрей! . . . Конечно, лучше никому не быть обязанной, конечно . . .

— Ну, вотъ, то-то и есть . . . А ты, рѣшительно, не хочешь дебютировать въ этой . . . какъ ее . . . „Гориславъ“?

Она замахала руками:

— Боже сохрани! Боже сохрани! Нѣтъ,

даже и говорить и думать объ этомъ не хочу... Я хочу въ „Аидѣ“ или въ „Татьянѣ“, одно изъ двухъ...

Она произнесла это съ волненіемъ, въ глазахъ ея выражалось страстное желаніе непременно добиться одной изъ этихъ ролей. Андрей Дмитріевичъ съ болью въ сердцѣ подумалъ: „какъ она вся отдалась этимъ опернымъ интересамъ! Боже, до какой степени они поработили ее!“

— Знаешь что, Оленька, какъ-то осторожно промолвилъ онъ. — Знаешь, что было-бы лучше всего?

— Что, Андрей? довѣрчиво спросила она, ожидая отъ него добраго и полезнаго совѣта.

— Если-бы ты отказалась отъ сцены... Пстой, пстой, ты не сердись... Не совсѣмъ, а теперь, ну хоть въ этомъ сезонѣ... Ты совсѣмъ расклеилась, у тебя нервы никуда не годятся, ты не можешь владѣть собой!... И потомъ... Да, лучше бы и совсѣмъ... Нѣтъ, погоди... Дай мнѣ досказать... Развѣ ты не видишь, какая это скользкая почва! Посмотри, ты еще сдѣлала только первый робкій шагъ и уже теряешься, забываешь о самомъ важномъ и готова поступиться даже своимъ самолюбіемъ. Если ты первыхъ шаговъ не можешь сдѣлать безъ помощи какого-нибудь графа, то какъ же ты будешь дальше? Вѣдь тамъ, за кулисами — идетъ борьба... Ты поступаешь съ блестящими данными, ты хочешь быть первой, и вѣрю, что

будешь. Но тамъ и теперь есть кто-нибудь первая, значить, тебѣ придется ее вытѣснить. Не говорю уже о томъ, что это не легко, потому что старыя репутаціи очень живучи, но ты уже сразу пріобрѣтаешь себѣ врага. И этотъ врагъ никогда не проститъ тебѣ обиды... Противъ тебя начнутъ войну, но что ты можешь сдѣлать тамъ одна, новичокъ, неопытная? И вотъ тебѣ каждый разъ придется обращаться къ какому-нибудь покровителю, — къ графу или князю, унижаться, попрошайничать... Неужели-же это тебѣ не кажется страшнымъ? Оленька?..

Нѣтъ, это казалось ей страшнымъ. По крайней мѣрѣ, въ ту минуту, когда онъ это говорилъ, въ глазахъ ея было выраженіе ужаса. Она охватила его шею своими руками и прижалась къ нему.

— Ты меня совсѣмъ разстроилъ... совсѣмъ! болѣзненнымъ голосомъ промолвила она.

— Успокойся... Мы что-нибудь придумаемъ... Нѣтъ, нѣтъ, я не противъ сцены... Я только противъ униженій... Мы придумаемъ! говорилъ онъ нѣжнымъ, успокоительнымъ тономъ. — Ты вотъ что. Поди-ка въ спальню, я уложу тебя въ постельку, и ты уснешь... Ко мнѣ скоро придутъ больные. А потомъ, когда я освобожусь, мы опять съ тобой поболтаемъ. Вотъ видишь, развѣ съ тобой прежде случалось что-нибудь подобное? Видишь, какъ

уже теперь повредило тебѣ это искусство, Богъ съ нимъ... Пойдемъ!...

Онъ бережно отвелъ ее въ спальню и, уложивъ въ постель, посидѣлъ около нея съ полчаса, пока она, въ самомъ дѣлѣ, не задремала. Уже въ передней начались частые звонки, слабо слышные въ спальнѣ. Онъ ушелъ къ себѣ и началъ приѣмъ, не отдохнувъ послѣ обѣда.

За чаемъ Ольга Сергѣевна казалась бодрою, и на лицѣ ея не было замѣтно никакихъ слѣдовъ прежняго волненія и нервности. Очевидно, сонъ, довольно продолжительный, подѣйствовалъ на нее благотворно.

Она встрѣтила мужа съ улыбкой и дружески положила ему руку на плечо.

— Ну, ты меня вылѣчилъ, Андрей! Если ты такъ-же скоро и удачно лѣчишь своихъ пациентовъ, то я ихъ поздравляю! весело сказала она.

— Вотъ и слава Богу! Я вижу, что ты, въ самомъ дѣлѣ, поправилась!.. отвѣтилъ Андрей Дмитріевичъ съ радостью.

— Что-же, придумалъ ты что-нибудь?

— Некогда было думать, мой другъ! Все время былъ занятъ.

Можно было заранѣе сказать, что Андрей Дмитріевичъ ничего не придумаетъ, хотя онъ былъ увѣренъ въ противоположномъ. Ему такъ было мучительно подумать, что жена его можетъ

обратиться за протекціей къ какому-то графу, что онъ съ удовольствіемъ заблуждался.

На другой день утромъ она встрѣтила его тѣмъ же вопросомъ:

— Ну, что-же ты придумалъ, Андрей?

— Погоди, погоди! Дай раскинуть умомъ хорошенько! добродушно отвѣтилъ онъ.

Но она была весела и не выражала нетерпѣнія. Не придумала-ли она сама что-нибудь?

— О, нѣтъ, куда мнѣ! Я на тебя надѣюсь...

Андрей Дмитріевичъ пилъ чай и усиленно придумывалъ, но въ его головѣ, приспособленной къ тому, чтобъ ставить діагнозъ, изъ незамѣтныхъ признаковъ дѣлать общіе выводы, ничего не складывалось.

— Единственно, что я могу придумать, это — надѣть фракъ и поѣхать самому къ директору!... сказалъ онъ, наконецъ.

— А ты думаешь, что изъ этого что-нибудь выйдетъ? спросила Ольга Сергѣевна.

— Увѣренъ, что ничего не выйдетъ, отвѣтилъ онъ и разсмѣялся.

Но Ольга Сергѣевна ухватила за эту мысль. Нѣтъ, почему-же непременно думать, что ничего не выйдетъ. Все-таки онъ — мужчина, можетъ говорить убѣдительно, авторитетно. Да, наконецъ, надо попробовать всѣ средства.

— Ты поѣзжай! Андрей! Пожалуйста, поѣзжай! Завтраже!... Онъ принимаетъ отъ

двѣнадцати до часу... умоляющимъ голосомъ говорила она.

— Отъ двѣнадцати до часу у меня осмотръ больныхъ въ больницѣ!...

— Ахъ, Боже мой! Ну, одинъ, разъ, я думаю, ты можешь забыть о своихъ больныхъ!... Для меня!...

— По совѣсти говоря, Оленька, я не имѣю права ни въ какомъ случаѣ ни для кого, ни даже для тебя, забывать о своихъ обязанностяхъ... Но... Если ты хочешь, я это какъ-нибудь устрою... Хотя вѣдь бесполезно.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Пожалуйста, Андрей...

Это очень волновало ее, а его печалило. Она такъ легко приходила въ нервное состояніе, когда вопросъ касался какихъ-нибудь оперныхъ дѣлъ. Онъ тотчасъ-же отправилъ товарищу записку, въ которой просилъ сдѣлать завтра обходъ за него.

На другой день, около двѣнадцати часовъ утра, Андрей Дмитріевичъ былъ во фракѣ. Онъ очень рѣдко надѣвалъ этотъ костюмъ и потому чувствовалъ себя въ немъ неловко. По дорогѣ, когда онъ ѣхалъ въ извозчичьей пролеткѣ, на него напало раздумье. Рѣшительно не было никакого смысла въ этомъ визитѣ. Директоръ его лично не знаетъ. Онъ, можетъ быть, знаетъ его имя, какъ имя врача, пользующагося хорошей репутаціей, но этого слишкомъ мало. Очень

можетъ статья, что его не примутъ, а если и примутъ, то скажутъ нѣсколько ничего не значащихъ фразъ, а главное — что все это очень глупо. Не онъ ли вчера еще такъ горячо возмущался противъ унижительныхъ просьбъ, а сегодня ѣдетъ самъ... Зачѣмъ-же онъ, въ сущности, ѣдетъ, какъ не затѣмъ, чтобы просить? Но нѣтъ, онъ просить не будетъ, онъ только резонно докажетъ имъ, что нельзя заставлять человѣка пѣть то, что ему не по голосу.

Его приняли. Директоръ былъ не одинъ. Была здѣсь какая-то дама, скрывшая свое лицо подъ густымъ темнымъ вуалемъ. „Должно быть, тоже дебюта просить!“ подумалъ Бравинъ.

Оказалось, что директоръ знаетъ его и очень радъ познакомиться, но ничего не можетъ переменить въ вопросѣ о дебютѣ. — Вашу супругу мы цѣнимъ, мы цѣнимъ ее!... сказалъ онъ, по видимому, совершенно искренно, — но можемъ принять только на то амплуа, которое свободно... У нея рѣдкій голосъ, блестящій голосъ!... и школа!... ну, Тромбони — прекрасный профессоръ!

— Но какъ-же вы хотите, чтобъ она появилась не въ своемъ амплуа? спросилъ Андрей Дмитриевичъ.

— Гм... что вамъ на это сказать, господинъ докторъ? Что вамъ на это сказать? промолвилъ директоръ, любившій, очевидно, повторять свои собственные фразы. Онъ взялъ Бравина за

рукавъ фрака, деликатно отвелъ къ окну и началъ говорить тихо, такимъ образомъ, чтобы не слышала дама, скрывшая свое лицо подъ вуалемъ.

— Скажите мнѣ, господинъ докторъ, если — беру примѣръ изъ вашей специальности — если, положимъ, какой-нибудь почтенный и уважаемый врачъ завѣдуетъ больницей лѣтъ десять... онъ не геній, но хорошій врачъ и честный человекъ, и всѣ имъ довольны — и начальство, и товарищи, и больные... Да, всѣ довольны... И вдругъ среди молоденькихъ врачей появляется одинъ... одинъ появляется... талантъ! просто такъ — вотъ и видно, что талантъ!... Открытіе сдѣлалъ, мертваго воскресилъ, — ну, талантъ, ну, геній, скажемъ... Такъ дѣлается-ли у васъ, чтобы того, который десять лѣтъ завѣдывалъ, сейчасъ въ отставку, а этого молоденькаго, но, говорю, генія, — на его мѣсто!... а? Дѣлается ли, докторъ?...

— Нѣтъ, не дѣлается... у насъ цѣнятся опытность и прежнія заслуги!... отвѣтилъ Бравинъ, понимая уже, къ чему говоритъ это директоръ, и заранѣе чувствуя себя разбитымъ на всѣхъ пунктахъ.

— А? не дѣлается? Ну, и у насъ тоже... Вы-же понимаете, къ чему я говорю. У насъ есть пѣвица — хорошая, почтенная, и публика ее любитъ... пѣвица съ заслугами. Но ваша супруга лучше, о, куда! Такъ неужели-же мы ту, съ заслугами, должны сейчасъ-же оттѣснить

на задній планъ? Неужели на задній планъ? А ваша жена хочетъ на первое амплуа . . . Ну, значить, ту по боку, а? Какъ вы думаете, господинъ докторъ? . . . Вѣдь это нельзя . . . это несправедливо! . . .

— Я совершенно согласенъ съ вами! И болѣе не смѣю васъ беспокоить! сказалъ Андрей Дмитріевичъ, пожимая его руку.

— Ну, вотъ, я очень радъ . . . И пусть ваша супруга беретъ дебютъ въ Гориславѣ . . . Да, она начнетъ съ меньшаго и очень высоко пойдетъ . . . Она очень высоко пойдетъ, господинъ докторъ! Имѣю честь кланяться! Очень, очень радъ, что имѣлъ удовольствіе познакомиться . . .

Андрей Дмитріевичъ вышелъ на улицу въ самомъ скверномъ расположеніи духа. Ему пришлось выслушать отъ директора ту истину, которую онъ самъ долженъ былъ знать.

Онъ пріѣхалъ домой блѣдный, разстроенный, и рассказалъ все Оленькѣ. Къ его удивленію, Ольга Сергѣевна выслушала его спокойно и не только не опечалилась, а даже смѣялась. Значить, ее это не слишкомъ огорчаетъ? Что-жъ? Не передумала-ли она? Не повліяли-ль на нее его разумные доводы? О, какъ это было-бы хорошо, отъ сколькихъ непріятностей, отъ какого горя они разомъ были-бы избавлены!

— Ты куда-нибудь ѣдешь? спросилъ онъ, видя, что Ольга Сергѣевна надѣваетъ шляпку.

— Да, я хочу заѣхать въ школу . . . Я дав-

но не была... Воображаю, какъ тамъ злится Тромбони!.. отвѣтила она простымъ, беззаботнымъ тономъ. — Ты позавтракаешь одинъ, а я уже слегка перекусила...

— Ну, а какъ-же ты рѣшила съ дебютомъ?.. спросилъ онъ.

— А, какъ-нибудь... Сама не знаю!.. предоставимъ это судьбѣ!..

Это былъ крайне неопредѣленный и даже загадочный отвѣтъ. Еще вчера она горѣла желаніемъ поскорѣе рѣшить этотъ вопросъ, который казался ей спѣшнымъ, неотложнымъ, а сегодня такъ легко смотреть на него. Андрей Дмитриевичъ никакъ не могъ понять, какъ ему слѣдуетъ относиться къ этой перемѣнѣ, — радоваться или ждать всего худшаго. А когда Ольга Сергѣевна уѣхала, онъ пожалѣлъ о потерянномъ днѣ. Уже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ жилъ по разъ установленному рецепту. Съ утра отправлялся пѣшкомъ въ больницу и работалъ тамъ до трехъ часовъ, потомъ дѣлалъ врачебные визиты, къ пяти возвращался домой, обѣдалъ, немного отдыхалъ, принималъ больныхъ, а вечеръ посвящалъ чтенію, или, если собирались гости, игралъ на віолончели, слушалъ пѣніе Оленьки, или, наконецъ, уѣзжалъ въ театръ. Такъ текла его жизнь почти неизмѣнно изо-дня-въ-день; а въ эти послѣднія недѣли какъ-то все перевернулось вверхъ дномъ.

Ольга Сергѣевна, между тѣмъ, поѣхала въ

школу. Она не взяла извозчика тотчасъ-же, какъ вышла изъ дому, а дошла до каретной биржи и сѣла въ закрытую карету. Этого она никогда не дѣлала прежде, и если бы Андрей Дмитриевичъ увидѣлъ это, то не зналъ-бы, что и подумать. Ему хорошо было извѣстно, что она терпѣть не могла ѣздить въ каретѣ. Она любила воздухъ, въ особенности теперь, когда стояла чудная весенняя погода, по улицамъ былъ разлитъ яркій солнечный свѣтъ, и въ тоже время воздухъ былъ освѣженъ мягкой прохладой.

Она поѣхала въ школу и оставила карету за собой. Когда она поднималась по лѣстницѣ, всѣ проходившіе мимо, даже незнакомые, смотрѣли на нее съ видимымъ уваженіемъ, даже съ восхищеніемъ, знакомые спѣшили улыбнуться ей; самъ директоръ, встрѣтившись съ нею, торопливо подалъ ей обѣ руки и спросилъ о ея здоровьѣ; — она была украшеніемъ школы, и ею гордились всѣ отъ директора до барабанщика.

Но за то Тромбони напалъ на нее.

— Это невозможно такъ дѣлать, madame Бравинъ! Вы думаетъ, что спектакль это — все. Для васъ спектакль все, но вы имѣете товарищей, которые хотятъ пѣть экзаменъ!.. До спектакль вы были больше внимательная...

Это былъ упрекъ, и Ольга Сергѣевна сейчасъ-же почувствовала его справедливость. Она покачалась, извинилась, сказала, что была больна, и

сейчасъ-же приняла участіе въ септетѣ. Ея свѣжій, сочный голосъ звучалъ такъ хорошо, что всѣ, не исключая и поющихъ, заслушались и все простили ей.

Когда отсюда карета двинулась по указанному адресу, Ольга Сергѣевна пряталась въ уголь и старалась сидѣть такъ, чтобъ ее никто съ улицы не видѣлъ. Она была взволнована, сердце у нея сильно билось. „Я не могу безъ этого обойтись, думала она: — да и что тутъ дурного? Всѣ такъ дѣлають... Безъ этого ничего не добьешься... Все протекція, претекція! У всѣхъ она есть, какъ я буду съ ними бороться безъ нея? А тутъ надо бороться!... Я не буду унижаться, я только... Только попрошу. Андрей не узнаеть, ни за что не узнаеть!“ — Такъ думала она, но, несмотря на эти успокоительныя мысли, она чувствовала себя такъ, словно совершала что-нибудь преступное. Карета остановилась у шикарнаго подъѣзда. Ольга Сергѣевна выпорхнула, какъ птица, и быстро скрылась въ подъѣздѣ...

Минуть черезъ двадцать она ѣхала уже домой. Сердце ея билось такъ же сильно, какъ прежде, но чувство радости вытѣснило изъ ея груди прежнее ощущеніе преступности... „Онъ обѣщаль, онъ сдѣлаеть! У него большое вліяніе, онъ все можетъ... И какъ онъ принялъ меня любезно! Жаль только, что онъ глухъ совсѣмъ! Приходилось кричать; даже горло за-

болѣло . . . Все равно, Андрей ничего не узнаетъ! . . .“

Она пріѣхала домой веселая и счастливая. Былъ только одинъ неловкій моментъ, когда она здоровалась съ Андреемъ Дмитріевичемъ, — она не могла посмотрѣть ему прямо въ глаза. „Но, вѣдь, онъ не узнаетъ . . . И это пустяки, это совсѣмъ, совсѣмъ пустяки“, мысленно твердила она себѣ, а въ глаза ему посмотрѣть все-таки не могла.

— Я радуюсь, Оленька что ты такъ хорошо настроена! . . . Видишь, что значитъ взять себя въ руки! сказалъ ей Андрей Дмитріевичъ.

— Ахъ, право, я рѣшила махнуть на все рукой! промолвила она. — Что будетъ, то и будетъ! . . .

Она умышленно говорила неправду и лукавила съ нимъ, чего прежде никогда себѣ не позволяла. Она оскорбилась бы, если бы кто-нибудь сдѣлалъ предположеніе, что это будетъ такъ. Но жажда большого успѣха, жажда первенства такъ овладѣла ею, что она легко отступила отъ этого хорошаго правила.

Не прошло и недѣли, какъ Андрей Дмитріевичъ былъ пораженъ неожиданнымъ для него извѣстіемъ. Директоръ театра писалъ на его имя: „Я очень счастливъ порадовать васъ пріятнымъ сообщеніемъ, что мы нашли возможнымъ дать вашей супругѣ дебютъ въ роли Аиды въ оперѣ того

же названія. Потрудитесь сказать госпожѣ Бравиной, что дебютъ ея состоится тогда-то“.

— Что-же это значитъ? Какимъ это образомъ? съ изумленіемъ спросилъ Андрей Дмитриевичъ.

— Право, не знаю, не понимаю!... правдиво-недоумѣвающимъ тономъ отвѣтила Ольга Сергѣевна. — Должно быть, ты убѣдилъ его переменить рѣшеніе?...

— Я? Да помилуй, мой другъ, ты же знаешь, что онъ мнѣ сказалъ тогда! Да я и не пробовалъ убѣждать его. Онъ такъ сразилъ меня своими доводами...

— Ну, значитъ, онъ раздумалъ потомъ... Да не все-ли равно?... Лишь бы это было такъ!... Ахъ, я такъ счастлива! Я безумно счастлива! Я просто съ ума сойду отъ восторга! Аида, это — прелесть! Я покажу имъ, какъ надо пѣть Аиду!... Неужели тебя это не радуетъ, Андрей? Ты даже какъ будто опечаленъ?...

А онъ и самъ не зналъ, радуется онъ этому извѣстію, или ему стыдно. Вѣдь, это значитъ, что, ради его жены, ту заслуженную пѣвицу, о которой говорилъ директоръ, таки оттѣсняють на задній планъ. Конечно, Оленька, появившись въ Аидѣ, затмитъ ее. Значитъ, они-таки добились чужого несчастія и, можетъ быть, несправедливости, общими силами! Неужели, въ самомъ дѣлѣ, такъ повліялъ его визитъ къ дирек-

тору? Послѣ этого онъ, пожалуй, начнетъ считать себя вліятельнымъ лицомъ. Нѣтъ, тутъ что-то не такъ. Тутъ какая-то путаница, что-то непонятное, и, во всякомъ случаѣ, онъ по-дождетъ радоваться.

— Нѣтъ, я радъ, Оленька, я очень радъ! сказалъ онъ, не желая лишать ее хорошаго настроенія духа, а самъ рѣшилъ какъ-нибудь узнать, какому это счастливому обстоятельству жена его обязана желаннымъ дебютомъ.

V.

Дни проходили за днями. Квартира Бравинныхъ стала напоминать коридоръ музыкальной школы, гдѣ ежеминутно слышится съ разныхъ сторонъ музыка, отъ которой никуда нельзя спрятаться. Ольга Сергѣевна съ поразительнымъ рвеніемъ готовилась къ дебюту.

Вставала она въ девять часовъ, — слишкомъ рано для ея привычекъ, — но у нея слишкомъ много было дѣла, и день казался ей коротокъ. Кое-какъ накинувъ капоть и не напившись даже чаю, она подходила къ фортепіано и пѣла гаммы. Пока она спала, въ квартирѣ было тихо. Прислуга говорила вполголоса, дѣти ходили на цыпочкахъ. Первый громкій звукъ, раздававшійся

въ квартирѣ, были эти безконечные „Га-а-а-а-а! Ги-и-и-и!!“ На всѣ гласныя и на всѣ лады. Часамъ къ одиннадцати являлись Подпоркинъ, Огузковъ и Оглоблина. Они не получили дебюта на большой сценѣ, но дѣлали ей любезность и помогали разучивать оперу. Кромѣ того, былъ приглашенъ аккомпаниаторъ, котораго они вгоняли въ потъ. Съ маленькимъ перерывомъ для завтрака, дуэты, тріо и квартеты раздавались до самаго обѣда. Обѣдали всѣ вмѣстѣ, а послѣ обѣда рояль перетаскивался въ отдаленную комнату, и до слуха пациентовъ Андрея Дмитріевича болѣе или менѣе явственно доносились звуки вердіевской оперы. Пациенты, привыкшіе въ этой квартирѣ встрѣчать тишину и порядокъ, недоумѣвали и спрашивали другъ у друга: что такое случилось въ квартирѣ доктора? Не отдаетъ-ли онъ свои комнаты въ наемъ какимъ-нибудь пѣвцамъ? Дѣти цѣлый день громко повторяли то, что пѣли взрослые, и научились довольно вѣрно пѣть дуэты и тріо. Въ особенности, старшая, Люба, очень хорошо подражала Подпоркину; совершенно такъ же, какъ онъ, приподымалась на цыпочки, когда брала верхнюю ноту, и закатывала глаза подъ лобъ.

Андрей Дмитріевичъ чувствовалъ, что у него въ квартирѣ установилась какая-то безалаберщина. Какіе-то чужіе люди вели себя, какъ дома, и смотрѣли на него снисходительно, какъ на ничѣмъ не прославившагося мужа, который

зачѣмъ-то живетъ при женѣ, почти уже сдѣлавшейся знаменитой.

Кажется, они самихъ себя считали болѣе важными членами этого дома, чѣмъ онъ, потому что они пѣли, а онъ... онъ только возился въ своемъ кабинетѣ съ больными.

Онъ рѣшительно никуда не могъ скрыться отъ этихъ нелѣпыхъ словъ, которыя повторялись ежеминутно, прерывались на полусловъ и опять повторялись. Чуть онъ раскроетъ книгу и прочтетъ полстраницы, какъ подъ дверью раздается:

„Необычной радостью горитъ твой взоръ!
Скажи, что это значитъ?..“

Онъ закрываетъ уши и упорно продолжаетъ читать, но ничего не понимаетъ. Онъ читаетъ, читаетъ — и вдругъ слышитъ новыя слова, новый мотивъ:

„Опять съ тобою, а-ангелъ ми-и-илый мой!“

Это кричитъ Подпоркинъ, Ольга Сергѣевна отвѣчаетъ ему то же самое, опять то же они поютъ вмѣстѣ, тысячу разъ повторяютъ эти слова, повторяютъ съ чувствомъ, съ выраженіемъ... И откуда у нихъ берется столько чувства на эти пустяки, на эти совершенно бессмысленныя изліянія? Ну, сказать бы — изображалось какое-нибудь высокое чувство — самопожертвованія, самоотверженной любви къ родинѣ, а то вѣдь такая пошлость: „опять съ тобою“, милліонъ разъ „опять съ тобою“, да и

только. Такъ думаетъ Андрей Дмитриевичъ, думаетъ съ негодованіемъ, а тѣмъ временемъ мелодія перемѣняется, и уже въ ушахъ звучатъ другія слова, и звучатъ тоже сто разъ подрядъ.

„Прощай, земля, прощай, земля, навсегда!“

Нѣтъ, это невыносимо! Каждый вечеръ, и цѣлый вечеръ одно и то-же . . .

Онъ швыряетъ книгу и начинаетъ свирѣпо шагать по комнатѣ. Въ груди его кипитъ бѣшенство — на эту музыку, на то, что существуютъ на свѣтѣ музыкальныя школы, обучающія всѣхъ этихъ Подпоркиныхъ, Огузковыхъ, на то, что жена его умѣетъ пѣть, что люди строятъ театры и посѣщаютъ ихъ, на все, что имѣетъ хоть малѣйшее отношеніе къ музыкѣ. Наконецъ, онъ не выдерживаетъ, натягиваетъ на себя пальто и идетъ къ товарищу выпить стаканъ чаю, выкурить папиросу и мирно поболтать въ помѣщеніи, гдѣ нѣтъ музыки.

О, онъ готовъ терпѣливо, въ продолженіе многихъ часовъ, слушать грохотъ пушекъ и трескъ барабана, только бы въ ушахъ его не звучалъ этотъ задавленный голосъ Подпоркина, эти вѣчныя, неизмѣнныя „опять съ тобою“ и „прощай земля“. Товарищъ его удивленъ, и не знаетъ, какъ объяснить себѣ этотъ визитъ. Бравинъ такой домосѣдъ; его, бывало, не затащишь на четверть часа, и вдругъ самъ идетъ и сидитъ — часъ, другой, третій. Ему очень рады, по-

тому что его любятъ, но все-таки недоумѣваютъ...

— Вы перемѣнили свои привычки, Андрей Дмитриевичъ, говоритъ ему товарищъ.

— Нѣтъ, жена уѣхала... Мнѣ одному скучно стало!... отвѣчаетъ онъ, и при этомъ прячетъ глаза, потому что ему совѣстно лгать.

Но не сказать же ему прямо, что его выгнала изъ дому жена своей музыкой, потому что она готовится къ дебюту. Это вышло бы совсѣмъ глупо.

И эти постоянные разговоры о дебютѣ его жены. Куда бы онъ ни пришелъ, съ кѣмъ бы ни встрѣтился, съ нимъ непремѣнно говорили объ этомъ. Иногда велись по цѣлымъ часамъ самыя серьезныя бесѣды о самыхъ серьезныхъ предметахъ, а, въ концѣ концовъ, обязательно произносили: „Ахъ, да, я и забылъ! Скажите, пожалуйста, какъ же ваша супруга?... Вѣдь, ей, кажется, предстоитъ дебютъ...“ И тутъ шли разспросы: въ чемъ она выступаетъ, какъ себя чувствуетъ, волнуется-ли, боится-ли... И каждый считаетъ своимъ долгомъ поговорить съ нимъ объ этомъ. Подъ конецъ это ему надоѣло, и онъ сталъ отдѣлываться фразой: „я ничего объ этомъ не знаю! Я этимъ совсѣмъ не интересуюсь!“ И это всѣ находили страннымъ, почти неестественнымъ.

Съ женой онъ едва успѣвалъ перекинуться

двумя-тремя фразами. Подпоркинъ и компанія уходили въ часъ ночи, послѣ хорошаго ужина, который они съѣдали съ большимъ достоинствомъ, какъ нѣчто болѣе, чѣмъ заслуженное. Если же выпадали свободные часы днемъ, то ихъ поглощаль новый врагъ, недавно появившійся въ домѣ. Это былъ портной, дамскій портной съ армянской фамиліей и армянскимъ длиннымъ, толстымъ носомъ, съ совершенно темнымъ лицомъ, съ черными глазами и бѣлыми зубами. Обыкновенно, Оленька шила платья у портнихи, но на этотъ разъ дѣло шло о костюмѣ для сцены, и потому женское искусство оказалось несостоятельнымъ. Портной съ армянской фамиліей считалъ себя большимъ художникомъ, очень много говорилъ, вдавался даже въ исторію, приносилъ какія-то книги, какія-то иллюстраціи, и вообще оказался образованнымъ по своей части человѣкомъ, и даже нѣсколько болѣе. За все это онъ заломилъ очень крупную сумму, которая удивила Андрея Дмитриевича, когда ему былъ поданъ счетъ, но онъ, разумѣется, не сказалъ ни слова. Оленька рѣшила появиться на сценѣ въ своихъ костюмахъ, и такъ какъ главная задача состояла въ томъ, чтобъ онъ не походилъ на костюмы всѣхъ прежнихъ Аидъ, то приходилось создавать его. Портной съ армянской фамиліей болѣе всего годился для этой цѣли, такъ какъ цвѣтъ его собственной кожи былъ едва-ли свѣтлѣе эіопской кожи Аиды.

Наибольшій безпорядокъ въ домѣ замѣчался въ тѣ дни, когда Оленька ѣздила въ театръ на репетиціи. Подпоркинъ и компанія въ эти дни не являлись, но за то Оленька цѣлый почти день отсутствовала, и тогда дѣти начинали распѣвать „Аиду“ на свой ладъ, при чемъ эѳіопы дрались съ египтянами не по-театральному, а настоящимъ образомъ, нанося другъ другу побои и ставя синяки. „Нѣтъ, говорилъ тогда Андрей Дмитріевичъ, — надо же взять къ нимъ, наконецъ, бонну, что-ли... Оленька совсѣмъ ихъ забросила!... Вѣдь, этакъ они когда-нибудь убьютъ другъ друга!“ Но его скоро поглощали другія дѣла, и онъ забывалъ объ этомъ. Наконецъ, состоялся дебютъ. Андрей Дмитріевичъ былъ въ театрѣ и испыталъ мученія, какихъ еще никогда не испытывалъ. Оленька вышла въ первомъ дѣйствіи на сцену — растерянная, неловкая, подавленная. Она сейчасъ-же почувствовала, что это совсѣмъ не та публика, что была на ученическомъ спектаклѣ. То была публика — даровая, которая, обыкновенно, бываетъ восторженна. А эта заплатила деньги, и ни на минуту не забывала объ этомъ. Притомъ-же тогда къ ней относились, какъ къ ученицѣ, оказавшей хорошіе успѣхи, за которые надо поощрить, а теперь она выступала, какъ большая артистка, желающая вытѣснить другую, которую публика любила. Это послѣднее обстоятельство всегда дѣлаетъ для дебютанта холодную темпера-

туру въ театрѣ и заставляетъ публику относиться къ нему строго.

Появленіе Оленьки прошло при глубокой тишинѣ. Словно она и не вышла на сцену, или-же вошла какая-нибудь статистка, а не та гордость и слава музыкальной школы, при появленіи которой на сценѣ тогда — театръ дрожалъ. Это окончательно смутило и безъ того оробѣвшую артистку, и она начала свою партію невѣрнымъ, дрожащимъ голосомъ и фальшиво. Къ тому-же еще и костюмъ ея, созданный вдохновеннымъ портнымъ съ армянской фамиліей, былъ неудаченъ. Со сцены онъ казался мѣшковатымъ, вычурнымъ, нелѣпымъ, почти смѣшнымъ. Это тоже неблагоприятно повліяло на публику. Всѣ переглядывались съ недоумѣніемъ и вопросомъ во взорахъ, а ему, Андрею Дмитріевичу, казалось, что всѣ они обращаются къ нему и спрашиваютъ строго и даже дерзко: „но позвольте! что-же это такое? Что это за пѣвица? Это не пѣвица, это... это... кошка какая-то... Да, да ободранная, облѣзлая кошка! И она не поетъ, а мяукаетъ... Да, да, мяукаетъ...“

Боже! Да что-же это такое? Что сдѣлалось съ Оленькой? Куда дѣвался ея чудный, звонкій и, въ то-же время, мягкій, задумчивый голосъ? Гдѣ эти за душу хватающія ноты? Онъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, и ему казалось, что оно подъ нимъ проваливается, а самъ онъ горитъ, горитъ, совсѣмъ сгораетъ. Вотъ прошла одна сцена,

поютъ какой-то дуэтъ, онъ ничего не слышитъ, кромѣ невѣрнаго, дрожащаго голоса Оленьки. Она никакъ не можетъ справиться, стать на настоящую точку. Теперь онъ видитъ, какая она нервная. О, какъ-бы онъ хотѣлъ очутиться тамъ, возлѣ нея, схватить ее, взять на руки и унести далеко-далеко отъ этого позора... Вѣдь, это позоръ!... Надо назвать это настоящимъ именемъ. Вѣдь, это его мысли, которыхъ никто не слышитъ... Да, унести ее, унести въ ихъ уютную квартирку, бережно усадить въ кресло и сказать: „полно, милый другъ, забудь все это, будемъ, попрежнему, вести нашу маленькую, скромную жизнь!“ Но этого никакъ нельзя сдѣлать.

Но вотъ всѣ ушли со сцены, она осталась одна. Что теперь? Ахъ, да! Ея арія. Вѣдь онъ за эти двѣ недѣли невольно выучилъ всю оперу наизусть. Ея арія. Это все, тутъ всему конецъ! Если до этого былъ позоръ, то что-же теперь будетъ? Оленька стоитъ въ полъ-оборота къ публикѣ и смотритъ на нее искоса. Кажется, она понимаетъ, что произошло. Широкимъ дыханіемъ она медленно вбираетъ въ себя много воздуха. Онъ это слышитъ и чувствуетъ. Онъ слышитъ и чувствуетъ малѣйшій шорохъ ея платья. Ну, да, вотъ она собираетъ всѣ свои силы и крѣпко беретъ себя въ руки. Конечно, онъ слышитъ ея мысли... Раздается первая фраза аріи:

„Съ побѣдой возвратись!

Въ твоихъ устахъ преступно это слово ...“

Голосъ звучить твердо и ровно. Хорошо. Дальше лучше. Она становится на дорогу. Звуки льются свободно, плавно, красиво, слушатели вытягиваютъ впередъ головы, на лицахъ выражается удовольствіе, потомъ восхищеніе, всѣ оживлены, всѣ какъ будто жалѣютъ о томъ, что такъ дурно думали о дебютанткѣ. А Оленька чувствуетъ, что дѣло ея идетъ хорошо, что каждая новая фраза аріи все больше и больше завоевываетъ театръ, и это даетъ ей новыя силы. Уже не видно смущенія въ ея фигурѣ, и костюмъ ея не кажется больше смѣшнымъ. Напротивъ, онъ очень идетъ къ ней, онъ типиченъ, характеренъ... Всѣ это находятъ. Последняя фраза, послѣдняя нота... Фуроръ!

Андрей Дмитріевичъ внѣ себя схватывается съ мѣста и выбѣгаетъ изъ театра, ничего не видя кругомъ. Онъ мчится за кулисы. Онъ увѣренъ, что Оленькѣ сейчасъ понадобится помощь врача. Пережить такую муку и затѣмъ рядомъ такое торжество, — какое страшное напряженіе силъ!

Но Оленька не въ обморокѣ. Она десять разъ идетъ на сцену и кланяется публикѣ. Только шаги ея невѣрны и въ глазахъ горитъ лихорадочный огонь.

— Ничего, ничего, говоритъ она, — въ этомъ есть страшное наслажденіе. Вотъ-вотъ падаешь

въ пропасть, и вдругъ — возносишься высоко-высоко, на самое небо! Ахъ, Андрей, ты не можешь себѣ представить, какое это невѣроятное, страшное наслажденіе! Когда я завоевываю успѣхи у этой толпы, только что еще готовой осмѣять меня, я чувствую себя такъ, какъ будто мщу ей за кровавую обиду. Да это такъ и есть... Нѣтъ, ты не можешь понять этого, Андрей!...

Она ошибалась. Андрей Дмитріевичъ понималъ это, потому что онъ переживалъ то же, что и она. Онъ жилъ одной душой съ нею.

— Хватить-ли у тебя силъ докончить оперу? спросилъ онъ у нея.

— О, хватить, хватить... на десять оперъ хватить, если-бы понадобилось!... отвѣтила она.

„Что будетъ съ нею потомъ, дома? ужасно!“ подумалъ Андрей Дмитріевичъ. Звонокъ заставилъ его уйти въ театральнѣй залъ.

Остальная часть оперы прошла для Оленьки съ ровнымъ, неослабѣвающимъ успѣхомъ. Иначе и быть не могло. Толпу надо завоевать только однажды. При первой стычкѣ она оказываетъ сопротивленіе. Но разъ сдѣлавшись рабой, она уже рабствуетъ непрекословно.

Когда Андрей Дмитріевичъ везъ Оленьку домой въ каретѣ, она всю дорогу плакала и смѣялась вмѣстѣ, она порывисто обнимала его и говорила, что счастлива и что съ ума сойдетъ, и что ей хочется летѣть надъ

городомъ или выпригнуть изъ кареты и бѣжать по мостовой.

— Успокойся, послушай, такъ нельзя, такъ можно дойти до Бога знаетъ чего!.. говорилъ онъ нѣжно, ласкающимъ голосомъ. Онъ боялся за ея организмъ, за ея мозгъ.

— А ты видѣлъ Пронскую? Она сидѣла въ бель-этажѣ и смотрѣла на меня съ презрѣніемъ... Ха, ха, ха! И ни одного хлопка... Ха, ха, ха!

— Кто это — Пронская? спросилъ Андрей Дмитриевичъ, не сразу сообразившій, въ чемъ дѣло.

— Ты не знаешь Пронскую? Пѣвица... Это ея роль — Аида!.. О, она навѣрно желала, чтобъ я провалилась сквозь землю!

„Ахъ, да, подумалъ Бравинъ: — это та самая пѣвица, которую, вѣроятно, оттѣснятъ на задній планъ ради моей жены!“

— Неужели тебѣ ея не жаль, Оленька? спросилъ онъ. — Вѣдь, она тебѣ не сдѣлала никакого зла...

— О, не сдѣлала, такъ сдѣлаетъ!... Она будетъ на каждомъ шагу дѣлать мнѣ непріятности... Притомъ, у нея такое злое лицо... Ты слышалъ вначалѣ слабое шиканье... Вѣдь, это, навѣрно, ея друзья, а, можетъ быть, и клакеры...

— Ну, что ты? Что ты?

— Навѣрно, навѣрно такъ... О, я ее всей душой ненавижу!...

„И откуда это у моей милой, довѣрчивой, добродушной Оленьки явилось столько злобы, недовѣрія и ненависти? подумалъ Андрей Дмитріевичъ. — Неужели эти торжественные подмостки, среди праздничнаго освѣщенія и восторженныхъ кликовъ, вмѣстѣ съ первыми сладостными звуками славы, вливаютъ въ душу зависть и злобу?“

VI.

Быть-можетъ, съ тѣхъ поръ, какъ Ольга Сергѣевна сдѣлалась пѣвицей, это было самое лучшее время въ жизни Бравиныхъ, или, по крайней мѣрѣ, Андрея Дмитріевича. Сезонъ кончился, они переѣхали на дачу. Андрей Дмитріевичъ каждый день ѣздилъ въ городъ, утромъ принималъ у себя больныхъ, потомъ посѣщалъ больницу, а къ обѣду возвращался домой. Ольга Сергѣевна вела семейный образъ жизни. Часа два въ день она занималась музыкой, разучивая новыя партіи и упражняясь въ гаммахъ, остальное время посвящала дѣтямъ. Дѣти сдѣлались спокойнѣе и стали вести себя лучше; она гуляла съ ними въ паркѣ и занималась ихъ воспитаніемъ. Раза два у нихъ

собирались обычные гости, и Андрей Дмитриевичъ игралъ даже на віолончели. Сначала, послѣ долгаго промежутка, пальцы его шли туго по струнамъ, и смычокъ не слушался и скрипѣлъ, но потомъ онъ наладился, и дѣло пошло хорошо. Былъ даже такой случай, что Оленька какъ-то вечеромъ сказала:

— Почитать бы что-нибудь! давно ничего не читала! Какіе у насъ есть журналы?

Андрей Дмитриевичъ пріятно удивился и далъ ей нѣсколько послѣднихъ книгъ журналовъ. Ольга Сергѣевна бѣгло просмотрѣла ихъ.

— Здѣсь все продолженіе, продолженіе! Я все это пропустила! воскликнула она. (Она, вообще, въ журналахъ читала только беллетристику). А, вотъ что-то цѣльное... Съ шведскаго!...

Она присѣла къ столу и начала читать, но очень скоро отодвинула книжку.

— Представь себѣ, я не могу читать! У меня буквы прыгаютъ передъ глазами! Неужели и отъ этого можно отвыкнуть?

— Да, вѣдь, ты больше года ничего не читаешь!... А, можетъ быть, просто зрѣніе у тебя стало хуже! Дай-ка я прочитаю вслухъ, а ты послушай!...

Андрей Дмитриевичъ началъ читать вслухъ. Страницы двѣ прошли благополучно, но вдругъ Ольга Сергѣевна громко разсмѣялась.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ Андрей Дмитріевичъ.

— Ха, ха, ха! Вообрази себѣ, мнѣ кажется страннымъ, что ты читаешь, а не поешь! Ха, ха, ха, ха!... Мнѣ почему-то думается, что вотъ-вотъ ты долженъ запѣть... Вотъ что значить привычка!...

Онъ тоже смѣялся и говорилъ, что ей надо почаще браться за книгу, а то ей, пожалуй, станетъ казаться, что весь міръ долженъ пѣть. Затѣмъ она прилегла на диванъ, а онъ продолжалъ чтеніе. Шведская повѣсть заинтересовала его сильно. Онъ читалъ, не отрываясь, съ умѣреннымъ чувствомъ отбѣняя выразительныя мѣста. Ольга Сергѣевна, вообще, любила слушать его грубоватое и простое чтеніе. Но вотъ онъ кончилъ главу и отложилъ книгу, чтобъ отдохнуть.

— Тебѣ нравится? Можетъ быть, надоѣло? спросилъ онъ.

— Гм? . . . какимъ-то смутнымъ голосомъ произнесла она и повернулась на бокъ.

Онъ взглянулъ на нее. Она спала. Тогда онъ тихонько спустилъ синій колпакъ надъ лампой и осторожно вышелъ изъ комнаты. Онъ съ полчаса гулялъ по улицамъ, и выраженіе лица у него было пасмурно. Мысли, которыя наполняли его голову, были спокойнаго, даже, до нѣкоторой степени, научнаго характера, но, тѣмъ не менѣе, онѣ его сильно волновали. Онъ

думалъ о томъ, какъ подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій быстро понижается интеллигентность у человѣка. Какъ ни больно было ему думать это относительно своей жены, но онъ долженъ былъ признать, что Оленька за послѣдній годъ просто-таки стала тупѣть. Она съ живостью принимала участіе только въ тѣхъ разговорахъ, которые касались музыки, пѣнія, оперы, сцены, артистовъ, будь то даже простыя сплетни изъ ихъ жизни. Но чуть вопросъ переносился на отвлеченную почву, требующую нѣкотораго напряженія мысли, какъ она умолкала или начинала напѣвать что-нибудь, или совсѣмъ уходила. Наконецъ, и этотъ случай. Помнитъ онъ, что въ прежніе года Оленькѣ стоило только начать какой-нибудь романъ или повѣсть, и ужъ ее не было никакой возможности оторвать отъ книги. Она интересовывалась судьбой героевъ, близко принимала къ сердцу ихъ горе и радости, отказывалась отъ обѣда и чаю, пока не кончала книгу, а потомъ долго еще высказывала свои впечатлѣнія, сто разъ возвращалась къ нимъ, дѣлала выводы... Однимъ словомъ, умъ ея жилъ хоть въ этой маленькой области фантазіи, а теперь она не выдержала и десяти страницъ. Все это было тяжело ему сознавать. Это обижало его, и онъ думалъ о томъ, какъ бы это переимѣнить, какъ бы поднять Оленьку, расширить ея умственный кругозоръ. И, судя по тому, какъ они жили лѣтомъ, онъ начиналъ

надѣяться, что это возможно. У Оленьки много времени, она мало волнуется, сосредоточена, не разбрасывается такъ, какъ зимой. Онъ изрѣдка, какъ бы случайно, интересовывалъ ее той или другой книгой, или какимъ-нибудь рассказомъ изъ журнала, выбирая покороче, чтобъ не утомлять ее, и замѣтилъ, что есть успѣхъ. Она уже и сама иногда бралась за книгу и читала. Но пришелъ августъ, переѣхали въ городъ, и все пошло по-иному. Началось съ большого огорченія. Во время переѣзда съ дачи, Оленька простудилась. Былъ легкій жаръ, дня три лежала въ постели. Но это бы ничего, главная бѣда была въ томъ, что она простудила горло. Въ театрѣ начались репетиціи, разучивалась новая опера, въ которой для нея была прекрасная роль, и она не могла принимать въ нихъ участія. Это обстоятельство сразу повернуло ея настроеніе на прежній ладъ. Роль, въ которой она имѣла возможность съ перваго же выхода блеснуть своимъ прекраснымъ голосомъ, по необходимости, была поручена Пронской, и Оленька ничего не могла возразить противъ этого.

Она дѣятельно посѣщала горлового врача, полоскала горло, пульверизировала, молчала по цѣлымъ днямъ и, наконецъ, оправилась, но, къ этому времени, опера уже была поставлена и она была свидѣтельницей большого успѣха Пронской въ той роли, которая ей предназначалась. Опера сдѣлалась любимой и ставилась два раза

въ недѣлю, театръ каждый разъ былъ полонъ, и всѣ говорили о новой оперѣ и, разумѣется, о Пронской. Это ее бѣсило. Она находила, что Пронская вовсе не хороша, что она была бы несравненно лучше. Она обратилась къ директору.

— Я теперь здорова и могу выступить въ новой оперѣ! сказала она.

— Мы не можемъ васъ выпустить въ этой роли! . . . Разъ она передана госпожѣ Пронской, то у нея и останется! отвѣтилъ директоръ.

— Но почему-же? Вѣдь, роль сперва была дана мнѣ! . . .

— Сперва, да! Но вы были больны, мы въ этомъ не виноваты . . .

— Но развѣ мы не можемъ чередоваться?

— Нѣтъ. Зачѣмъ же это? У госпожи Пронской роль идетъ прекрасно . . . Мы не можемъ допустить соперничества между артистами нашей труппы . . . Вы выступаете въ „Аидѣ“.

Въ „Аидѣ“! Пронская поетъ оригинальную, благодарную партію въ новой оперѣ, которая сдѣлалась сезонной и продержится долго, а она должна выступать въ „Аидѣ“, всѣмъ намозолившей уши и пріѣвшейся. Это пристрастіе! Директоръ пристрастенъ къ Пронской, это ясно. Такъ нельзя выдвинуться . . .

На этотъ разъ ей не долго пришлось думать о средствахъ достигнуть цѣли. Извозничья карета довезла ее до квартиры графа, и она чуть

не плакала передъ нимъ, умоляя его повліять, чтобы ей дали партію въ новой оперѣ. Графъ подумалъ и сказалъ :

— Дитя мое, этого нельзя сдѣлать! Нельзя, дитя мое! (Онъ такъ называлъ всѣхъ женщинъ не старше пятидесятилѣтняго возраста). Я васъ очень люблю, но зачѣмъ же бѣдную Пронскую губить? Это не хорошо, дитя мое! Теперь она въ этой роли имѣетъ успѣхъ, а рядомъ съ вами — поблекнетъ, потускнѣетъ... Зачѣмъ же это?

Графъ окончательно разстроилъ ее. Онъ угадалъ ея мысль, это было хуже всего. Да, именно, она знала, что Пронская рядомъ съ нею покажется ничтожествомъ, и хотѣла этого, хотѣла утопить ее въ лучахъ своего успѣха.

„Это дурно, я знаю, что это дурно! думала она, прижавшись въ углу кареты, — но что же мнѣ дѣлать, когда я не могу вынести ея первенства? Я вовсе не дурная женщина, я не елая, но я не могу, не могу!“

Дома она плакала и на тревожные вопросы Андрея Дмитріевича отвѣчала:

— Не знаю, сама не знаю! Такъ, просто нервы!...

Она выступила въ „Аидѣ“ съ большимъ успѣхомъ, но это ее не удовлетворило. На третій день ея маленькій письменный столъ былъ съ утра заваленъ газетами. Дрожащими руками развертывала она каждую газету и искала быст-

рымъ взглядомъ рецензіи. Найдя ее, она вшивалась въ строки и читала ихъ по нѣскольکو разъ. Лицо ея выражало удовольствіе, когда отзывъ былъ вполнѣ благопріятенъ, а такихъ было огромное большинство. Но вотъ она съ бѣшенствомъ разорвала газету и швырнула ее на полъ.

— Идіотъ! У меня въ голосѣ чувствуется утомленіе!? Ну, развѣ не идіотство написать такую глупость? Откуда утомленіе? Съ какой стати? Точно у какой-нибудь старушки Пронской, которая поетъ пятнадцать лѣтъ!..

— А кто это пишетъ? спокойно спросилъ Андрей Дмитріевичъ.

— Почему я знаю!.. Идіотъ пишетъ! какой-то „Корнетъ-а-пистонъ...“

— „Корнетъ-а-пистонъ“? Гм... Это очень почтенный рецензентъ... Онъ всегда высказываетъ основательныя мнѣнія...

— Ну, да, какъ-же! Не находишь-ли и ты, что у меня утомленный голосъ? Вотъ это было-бы превосходно!

— Я этого не говорю, мой другъ, но надо принимать во вниманіе всякое мнѣніе...

Онъ поднялъ разорванную газету и внимательно прочиталъ рецензію. Она была написана въ доброжелательномъ тонѣ, въ ней признавались высокія качества голоса, школы и артистическаго исполненія, но высказывалось сожалѣніе, что голосъ молодой пѣвицы какъ будто

нѣсколько утомленъ. Вспоминался ученической спектакль, въ которомъ голосъ г-жи Бравиной звучалъ лучше. Въ рецензіи не было ничего обиднаго. Андрей Дмитріевичъ покачалъ головой. „Еще одна слабость явилась у Оленьки: нетерпимость!“ подумалъ онъ. Онъ не былъ на этомъ спектаклѣ, и потому не могъ провѣрить мнѣніе рецензента. Показались и такія рецензіи, въ которыхъ г-жа Бравина совсѣмъ не признавалась. Отрицались рѣшительно всѣ достоинства, и при этомъ прибавлялось, что, конечно, ее нельзя и сравнивать съ Пронской, у которой есть всѣ достоинства. Такія рецензіи даже не обижали Оленьку. Она съ презрѣніемъ, гадливо бросала ихъ подъ столъ и говорила: „Это другъ Пронской! Даже не потрудился надѣть маску... фи, какая гадость!...“

Андрей Дмитріевичъ рѣшилъ лично провѣрить впечатлѣніе „Корнетъ-а-пистона“. Онъ взглянулъ на дѣло очень серьезно. Такой почтенный и безпристрастный критикъ не станетъ утверждать подобную вещь безъ основанія. Очень можетъ быть, что Оленька просто не достаточно оправилась послѣ болѣзни, и оттого голосъ ея былъ не такъ звученъ. Сама она этого не замѣчаетъ, такъ и должно быть.

Онъ пошелъ въ театръ, когда вторично давали „Аиду“. Чѣмъ больше онъ слушалъ Оленьку, тѣмъ болѣе поражался. Голосъ ея былъ, попрежнему, превосходенъ, но какъ-то такъ вы-

ходило, что рядомъ съ звучной, серебристой нотой она брала какую-то неполную, тусклую. Оттѣнокъ былъ очень тонкій, публика его не замѣчала, но онъ чувствовалъ. Онъ замѣтилъ даже, что Оленька раза три откашлялась. Дома онъ не сказалъ ей объ этомъ ни слова, боясь огорчить ее поспѣшнымъ замѣчаніемъ. Онъ еще разъ пошелъ въ театръ, и вынесъ то же впечатлѣніе. Тогда онъ рѣшилъ поговорить съ нею.

— А знаешь, Оленька, мнѣ кажется, не рано ли ты начала пѣть послѣ болѣзни? осторожно сказалъ онъ.

Она подняла на него вопросительный, изумленный взоръ.

— Рано? Что это значитъ — рано? Почему ты думаешь, что рано?

— Да, такъ . . . мнѣ показалось, что ты кашляла на сценѣ . . . Это можетъ повредить твоему голосу . . .

— Какія глупости! раза два кашлянула . . . просто мнѣ попалъ въ горло дымъ отъ этихъ жертвенныхъ кадила . . . Вѣдь я же была у доктора . . . Онъ сказалъ, что связки у меня совсѣмъ здоровы . . .

Андрей Дмитріевичъ сѣлъ въ качалку и началъ говорить небрежнымъ тономъ, какъ-бы вскользь и не придавая значенія тому, что говоритъ. Онъ не рассчитывалъ убѣдить ее въ чемъ-нибудь. Онъ только хотѣлъ заронить въ

ея голову мысль, чтобъ она сама надъ ней задумалась.

— Видишь-ли, ты тогда разсердилась на рецензію „Корнетъ-а-пистона“. Можетъ быть, онъ и не правъ... И, конечно, объ утомленіи не можетъ быть и рѣчи... Но вотъ это раздраженіе въ горлѣ... На него-бы слѣдовало обратить вниманіе. У тебя попадаютъ тусклыя ноты...

Ольга Сергѣевна поскраснѣла.

— Тусклыя ноты! Удивительно! Откуда у меня взялись тусклыя ноты... Это твои фантазіи, Андрей... Я не понимаю, зачѣмъ тебѣ понадобилось раздражать меня...

— Я вовсе не хотѣлъ раздражать тебя. Вѣдь, я говорю это по-дружески... А впрочемъ, можетъ быть, я ошибаюсь... Вотъ видишь, ты и теперь кашлянула!...

— Это я схватила легкую простуду вчера, когда ѣхала изъ театра... Надо сегодня съѣздить къ доктору и затѣмъ дня два не выходить изъ дому...

„Легкія простуды“ повторялись все чаще и чаще. Ужъ въ двѣ недѣли Ольга Сергѣевна непременно хотъ разъ схватить „легкую простуду“ и просидитъ дня два въ комнатѣ. Послѣ дачной болѣзни горло ея сдѣлалось необыкновенно воспріимчивымъ къ простудѣ. Ей пришлось отказаться еще отъ двухъ ролей. Директоръ посматривалъ на нее косо. Однажды былъ

парадный спектакль, на которомъ ждали какую-то иностранную знаменитость. Ольга Сергѣевна должна была пѣть при отборной публикѣ. Директоръ наканунѣ этого дня былъ съ нею крайне любезенъ и сказалъ:

— Вотъ, госпожа Бравина, покажите иностранному гостю, что у насъ умѣютъ пѣть не хуже заграничнаго.

Ольга Сергѣевна уже съ вечера волновалась, пѣла гаммы, повторяла музыку, а на утро другого дня у нея слегка заболѣло горло.

— Надѣюсь, ты пошлешь отказъ! замѣтилъ Андрей Дмитріевичъ.

— Ни за что на свѣтѣ! рѣшительнымъ тономъ отвѣтила она. — Ни за что на свѣтѣ!.. Это легкій катаръ, я пополощу горло квасцами, и къ вечеру все пройдетъ...

— Но это сумасшествіе! за это можно дорого поплатиться.

— Какъ? Ты хочешь, чтобъ я сегодня не пѣла? Чтобъ я пропустила такой случай явиться передъ избранной публикой? Подобные спектакли бывають разъ въ два года... Такъ по твоему я должна и на этотъ разъ уступить мѣсто Пронской? Я тебѣ удивляюсь, Андрей! ты совсѣмъ какъ-то странно рассуждаешь...

Она усердно цѣлый день полоскала горло квасцами и подавляла кашель, стараясь увѣрить мужа, да и себя тоже, что болѣзнь прошла. Вечеромъ она была на сценѣ и пѣла... Андрей

Дмитріевичъ былъ въ театрѣ и ясно видѣлъ, что она слѣдитъ за каждымъ своимъ шагомъ и думаетъ о каждой нотѣ. Обыкновенно, она пѣла легко и увѣренно, а здѣсь осторожно и какъ-бы съ опаской. Она имѣла успѣхъ, но послѣ спектакля заболѣла на цѣлую недѣлю. Кашель усилился, хрипота была явная, она не рѣшилась даже поѣхать къ горловому врачу, а пригласила его къ себѣ на домъ. Легкій катаръ, полосканье квасцами и горловой врачъ, — эти три вещи сдѣлались почти постоянными спутниками ея жизни. На это у нея было утѣшеніе, что у всѣхъ пѣвцовъ во время сезона бываетъ легкій катаръ, а для отдыха существуетъ лѣто. И правда, лѣто она отдыхала основательно. Она, кажется, сама чувствовала, что голосъ ея требуетъ осторожнаго обращенія, и ничего не пѣла, кромѣ гаммъ.

VII.

Наступилъ новый сезонъ. Оленька вышла въ первый разъ въ „Жидовкѣ“. Появленіе ея на сцену было привѣтствовано дружными аплодисментами. Такъ встрѣчаютъ артистку, сдѣлавшуюся общей любимицей, артистку, относительно которой не можетъ быть двухъ мнѣній. У Пронской были поклонники, но были и враги,

въ особенности, съ тѣхъ поръ, какъ на сценѣ явилась Бравина. Но у Бравиной были только поклонники, это — весь театръ, вся публика, весь городъ. Слушатели радостно привѣтствовали свою любимицу, а изъ оркестра ей подали цвѣточную корзину.

Первые звуки ея голоса произвели какое-то смутное, неожиданное впечатлѣніе. Голосъ ея сохранилъ свой тембръ и прежнюю звучность, но въ немъ не было ровности. Прежде онъ лился вольно и легко, какъ тихій горный ручей съ кристально-прозрачной водой. Теперь онъ не дрожалъ, но какъ-то шатался. Въ немъ явилась какая-то неустойчивость.

— Бравина сегодня больна... Зачѣмъ она выступаетъ? говорили ея доброжелатели и, чтобы выразить ей свое сочувствіе, усиленно аплодировали ей и чаще вызывали ее. Въ аріи это было замѣтно больше всего. Когда она дошла до конца аріи, гдѣ она всегда вставляла отъ себя верхнее до, котораго не было въ партитурѣ, она вдругъ остановилась и не взяла этой ноты. Это было одно мгновеніе, когда она какимъ-то необъяснимымъ чутьемъ поняла, что это опасно, и остановилась. „Я сегодня не въ голосѣ“, думала она, кланяясь на довольно дружные аплодисменты, въ которыхъ, однакоже, не было слышно обычнаго энтузіазма. „Это понятно... Я сегодня не въ голосѣ... Ахъ, эти перѣзды съ дачи!“ объясняла она себѣ все это.

По обыкновению, были куплены все газеты, и целое утро было посвящено рецензиямъ. Несмотря на то, что Ольга Сергѣевна презрительно назвала „корнетъ-а-пистона“ идиотомъ, она ему отводила первое мѣсто. И на этотъ разъ онъ доставилъ ей много огорченія. Онъ писалъ: „какой-то злой рокъ виситъ надъ лучшими русскими пѣвцами!... Вчера еще мы торжественно привѣтствовали восхожденіе новаго блестящаго свѣтила, а сегодня уже съ грустью присутствуемъ при томъ, какъ оно угасаетъ на нашихъ глазахъ... тяжело присутствовать на подобныхъ зрѣлищахъ“...

Газета вывалилась изъ ея рукъ и упала на полъ. Руки ея дрожали, сердце усиленно билось, краска вся исчезла съ лица.

— Это.. это.. подлость! произнесла она задыхающимся голосомъ. — Подлость... подлость!!

Андрей Дмитріевичъ, сидѣвшій тутъ-же на диванѣ, всталъ и подошелъ къ ней. Ему показалось, что она близка къ обмороку.

— Успокойся, Оленька!... мягкимъ голосомъ сказалъ онъ. — Можно-ли придавать такое значеніе всему тому, что пишется?...

— Какъ не придавать значенія? воскликнула она все тѣмъ же задыхающимся голосомъ. — Да, вѣдь, это обида... Это страшное оскорбленіе!... Я не могу вынести этого!... не могу, не могу!...

Она уже плакала, и ея прерывающаяся рѣчь

глухо раздавалась изъ-подъ платка, которымъ она закрыла лицо.

— Пусть-бы это попробовали сказать про Пронскую... Пусть-бы попробовали... Сейчас-же этотъ, какъ его... Этотъ ея обожатель... Кавалергардъ этотъ... поѣхаль-бы и свернулъ шею этому „корнетъ-а-пистону...“ Да, да, а за меня некому заступиться...

— Остановись, Оленька... въ тебѣ говорить злоба...

Вдругъ она поднялась и выпрямилась. Весь ея видъ выражалъ рѣшимость и энергію.

— Слушай, Андрей... Ты долженъ... Слышишь! Ты долженъ это сдѣлать! Слышишь? Слышишь? почти повелительно произнесла она.

— Что я долженъ сдѣлать, Оленька?

— Ты долженъ... вызвать его на дуэль... и убить!...

Онъ улыбнулся.

— Ты совсѣмъ растерялась, мой другъ... можно-ли вызывать на дуэль за мнѣніе о голосѣ?

— Ты долженъ это сдѣлать... если... если любишь меня...

— Я люблю тебя, Оленька, ты это знаешь... Но на дуэль изъ-за этого вызывать не стану. Это было-бы глупо и несправедливо... Ну, хорошо, представь, что я вызвалъ и... и меня убили... Что тогда?

— Не знаю, не знаю... но это нельзя такъ оставить... Ты не можешь оставить это такъ...

— Оленька, успокойся, право . . . я не былъ на этомъ спектаклѣ и не могу судить . . . но надо отнестись къ этому серьезно. Можетъ быть, въ его словахъ есть доля правды . . .

При этихъ словахъ она вдругъ измѣнилась въ лицѣ. Щеки ея покрылись красными пятнами, губы какъ-то подергивались.

— Доля правды!? Ха, ха, ха! . . . Доля правды! . . . Такъ и ты готовъ . . . ха, ха, ха! . . . Нашла защитника! . . . Значить, у меня и . . . и . . . въ своемъ домѣ враги . . . ха, ха, ха, ха, ха! . . . Вотъ какъ! . . . Доля правды! . . . Такъ вы сговорились доконать меня . . . ха, ха, ха, ха.

И это „ха-ха-ха“ превратилось въ какой-то неудержимый потокъ, смѣшавшійся съ цѣлымъ моремъ слезъ. Съ Оленькой сдѣлалась истерика. Явилась горничная съ водой, принесли одеколонъ. Оленьку уложили въ постель. Андрей Дмитриевичъ сидѣлъ на стулѣ у кровати и, печально поникнувъ головой, думалъ о томъ, какъ часто какая-то чуждая, посторонняя сила врывается въ домъ и коверкаетъ тихую, счастливую жизнь, такъ хорошо наладившуюся. И нѣтъ никакихъ средствъ для борьбы съ этой силой, потому что она слѣпа, бессмысленна, стихійна.

„Господи! Какъ мнѣ все это измѣнить! Какъ мнѣ возвратить Оленькѣ прежнюю безмятежную душу, а себѣ спокойствіе? Вотъ и опять я не пошелъ въ больницу, и опять дѣти недоумѣваютъ,

что дѣлается съ ихъ матерью. Вся жизнь какъ-то исковеркана, изломана!...“

Оленька успокоилась и уснула.

VIII.

Въ театральной конторѣ не было ни души, когда Ольга Сергѣевна вошла туда. Слуга впустилъ ее и сказалъ, что доложить директору, который былъ въ сосѣдней комнатѣ. Ольга Сергѣевна сѣла на коротенькомъ диванѣ, обитомъ малиновымъ плюшемъ, и приподняла вуаль на шляпу. Лицо ея было серьезно, глаза смотрѣли строго и рѣшительно. Она замѣтно похудѣла за послѣдніе мѣсяцы, подъ глазами появились синіе круги, благодаря чему ея блестящіе выразительные глаза казались еще красивѣй. По выраженію этихъ глазъ можно было заключить, что объясненіе, для котораго она пришла, будетъ далеко не мирное объясненіе.

Она сидѣла нетерпѣливо, холодно окидывая взоромъ длинный письменный столъ, портреты композиторовъ на стѣнахъ, открытый шкафъ во всю стѣну, переполненный нотами. Не первый разъ она въ этой конторѣ, и никогда еще не заставляли ее такъ долго ждать. Вообще, она замѣчаетъ, что въ послѣднее время директоръ сталъ обращаться съ нею холодно и невниматель-

но. Товарищи по сценѣ тоже косо посматриваютъ на нее и явно радуются всякой ея неудачѣ; но это понятно: она съ самаго поступленія на сцену держалась отъ нихъ особнякомъ, зная очень хорошо, что всѣ они или почти всѣ — друзья-пріятели Пронской и не могутъ ей симпатизировать. Но директоръ, вѣдь, какъ ухаживалъ за нею въ прошломъ сезонѣ. Чуть завидитъ издали, бѣжитъ къ ней навстрѣчу, цѣлуетъ руки, усаживаетъ. Въ этомъ году онъ даже визита не сдѣлалъ ей на новый годъ, и прислалъ свою карточку — верхъ невѣжливости. Все это началось съ той рецензіи „корнетъ-а-пистона“, которая такъ потрясла ее. Конечно, требованіе ея, чтобы Андрей вызвалъ этого господина на дуэль, было нелѣпо. Она поняла это тотчасъ-же, какъ пришла въ себя. Но все же Андрей отнесся къ этому слишкомъ халатно. Не слѣдовало прощать этой выходки. Мнѣнія „корнетъ-а-пистона“ имѣютъ силу и принимаются въ расчетъ директоромъ и публикой. За подобныя вещи бьютъ такихъ господъ, но, разумѣется, Андрею это было-бы не къ лицу. Онъ долженъ былъ написать ему дерзкое письмо, потребовать, чтобы тотъ публично, въ газетѣ же, отказался отъ своихъ словъ, извинился. Это произвело-бы впечатлѣніе. Но Андрей ничего не сдѣлалъ. Пронская, конечно, воспользовалась рецензіей и усилила интригу. Ей, Бравиной, послѣ этого не дали ни одной выигрышной роли, а выпускали въ

надоѣвшихъ всѣмъ ролямъ, Аидѣ, Джильдѣ и Маргаритѣ, Пронская же пѣла новыя роли. Понятно, что и публика должна была охладѣть къ ней, слушая ее въ однѣхъ и тѣхъ же роляхъ. Это и случилось.

Все это раздражало ее и бѣсило. Она сдѣлалась болѣзненно-нервной и злой и начала чувствовать, что дальше такъ продолжаться не можетъ. Она искала повода для рѣшительнаго объясненія съ директоромъ, и этотъ поводъ представился. Вчера ей прислали для разучиванья роль Ольги въ „Русалкѣ“. Они думали, что она станетъ пѣть эту второстепенную роль, тогда какъ Пронская будетъ исполнять роль Наташи. Это немыслимо, это просто глупо, и это уже слишкомъ. Разумѣется, она съ негодованіемъ отослала роль обратно и теперь пріѣхала къ директору объясниться по этому поводу.

Директоръ вышелъ, какъ всегда, изящный, вѣжливо улыбающійся, подвижной, несмотря на брюшко и толстую спину. Онъ былъ одѣтъ франтомъ, — въ коротенькой жакеткѣ, въ широкихъ брюкахъ, въ бѣломъ жилетѣ, — съ брилльянтомъ въ галстукѣ, съ искуснымъ проборомъ жидкихъ волосъ. Лицо его было такъ же франтовато, какъ и костюмъ: — узенькая бородака остріемъ, щеголевато выбритыя жирныя щеки, усы стрѣлками. Онъ вынулъ изъ кармана платокъ и вытеръ вспотѣвшій лобъ, и тотчасъ же комната наполнилась тонкимъ ароматомъ сирени.

— А-а! почти радостно воскликнулъ онъ.
— Ольга Сергѣевна! Я никакъ не думалъ, что это вы, потому и позволилъ себѣ засидѣться... Мнѣ сказали: какая-то дама... Ну, думаю, — жаждущая дебюта... Чѣмъ могу быть полезенъ? Но какъ вы измѣнились въ послѣднее время! Боже мой! Что съ вами? Развѣ вы были больны?... Казалось, въ этихъ словахъ не выражалось ничего, кромѣ любезности и участія. Но Ольга Сергѣевна не вѣрила словамъ директора и нахмурила брови.

— Я къ вамъ по дѣлу! рѣзко перебила она, давая этимъ понять, что до здоровья ея ему нѣтъ никакого дѣла. — Вы прислали мнѣ роль Ольги...

— Да, да, да!.. Ну-те? Такъ въ чемъ же дѣло? У насъ давно не шла „Русалка“, мы хотимъ возобновить ее...

— Я отослала ее обратно!..

— Неужели? Что вы это? А мнѣ ничего не сказали...

Ольга Сергѣевна и этому не вѣрила. Наверно, онъ прекрасно знаетъ, что она отослала роль, и приготовился къ объясненію съ нею.

— Я не стану пѣть Ольгу...

— Но почему же вы не станете пѣть Ольгу? съ наивнымъ удивленіемъ спросилъ директоръ: — Это такая миленькая партія! Одна эта пѣсня: „Какъ у насъ на у-улицѣ“ (онъ пропѣлъ эту фразу совершенно фальшивымъ голо-

сомъ), одна она чего стоитъ... Тутъ можно сорвать море аплодисментовъ... Это чудная роль... небольшая, но... прелесть!

— Такъ вы предложите эту чудную роль госпожѣ Пронской!.. съ ядовитымъ выраженіемъ произнесла Ольга Сергѣевна.

— Пронская взяла бы; увѣряю васъ — взяла бы... Но она раньше пѣла Наташу, два года тому назадъ пѣла, Наташа — ужъ ея роль... Мы не можемъ отнять!.. У насъ такое правило... Кто пѣлъ роль, и, если не провалилъ, за нимъ и остается...

— Я не стану пѣть Ольгу... рѣшительно заявила Ольга Сергѣевна.

— Ахъ, охота вамъ затѣвать это, добрѣйшая моя!.. Охота вамъ?! Вѣдь, это что-жъ? Ну, придется вычесть у васъ штрафъ...

— Какъ штрафъ? Я не обязана пѣть такія роли...

— Обязаны, милѣйшая, обязаны! Въ контрактѣ сказано; всѣ первыя сопрановыя роли...

— Первыя, да!.. А это вторая роль! Никто еще не считалъ ее первой...

— Первая, первая-съ!.. Могу васъ увѣрить, что первая! У насъ всегда пѣла ее примадонна... Да, да! Можете справиться по афишамъ. Въ третьемъ году Манина пѣла, раньше Капорская... Вѣдь, это были примадонны...

— Я не стану пѣть... Можете вычесть штрафъ, но я не пою эту роль...

— Это какъ вамъ угодно . . . Хотя напрасно . . . совершенно напрасно! . . . Вы все съ нами ссоритесь, Ольга Сергѣевна . . . напрасно!

— Не я ссорюсь, а ко мнѣ несправедливы . . . Я вотъ спрошу васъ: почему вы въ продолженіе цѣлаго сезона не дали мнѣ ни одной новой роли?

— Да, вы какъ-то все . . . были не въ голосѣ, Ольга Сергѣевна . . . немного сконфузившись, промолвилъ директоръ.

— Я вамъ никогда не заявляла объ этомъ!

— Да . . . но . . . это и такъ видно было . . . Вы немножко устали, Ольга Сергѣевна . . . Вамъ отдохнуть бы, въ Италію бы поѣхать . . . Тамъ воздухъ, небо . . .

Ольга Сергѣевна вспыхнула.

— Вы говорите чуть не словами „корнетъ-а-пистона“ . . . Я думала, что у васъ есть свое мнѣніе! съ злымъ выраженіемъ произнесла она.

— Зачѣмъ же такъ? Свое мнѣніе у меня есть, и я вамъ его говорю . . . А „корнетъ-а-пистонъ“ — понимающій человѣкъ, и его надо слушать . . .

Она сдѣлала нетерпѣливое движеніе.

— Что же, скажите, пожалуйста, вы и въ будущемъ сезонѣ намѣрены выпускать меня въ Джильдѣ, да въ Аидѣ? . . . Ужъ вы скажите заблаговременно . . .

— О, будущій сезонъ еще далеко . . . Мы объ немъ и не думали еще . . . Притомъ вашъ контрактъ съ нами кончается въ маѣ . . .

Она вспыхнула больше прежняго, а въ глазахъ ея зажглись искры.

— Вы хотите сказать, что не намѣрены возобновлять со мною контрактъ? спросила она дрожащимъ голосомъ.

— О, что вы, что вы? Я же вамъ говорю, что мы еще и не думали о будущемъ сезонѣ... Это дѣло далекое... Притомъ... (онъ видимо замаялся, взглянулъ въ окно, какъ будто увидѣлъ знакомаго на улицѣ, и продолжалъ какъ бы между прочимъ) притомъ у насъ имѣются въ виду сокращенія расходовъ и прочее... Мы очень зарвались... Едва сводимъ концы съ концами... Но, разумѣется, это я такъ... предположительно... мы еще не думали о будущемъ сезонѣ...

— Я васъ понимаю!... Я понимаю васъ!... проговорила она, задыхаясь. — Послѣ этого мнѣ остается только уйти...

Директоръ развелъ руками, какъ человѣкъ, желающій показать, что онъ ни въ чемъ не повиненъ.

Ольга Сергѣевна повернулась и, не поклонившись ему, вышла. Она почти сбѣжала съ лѣстницы, сильно хлопнула выходною дверью и пошла по панели совсѣмъ не въ томъ направленіи, куда ей было нужно. Она ничего не чувствовала и не сознавала, кромѣ того, что ее оскорбили и унизили. Смысль рѣчей директора былъ ей совершенно понятенъ. Ей хотѣлось предложить

сбавку жалованья и, пожалуй, еще амплуа вторых ролей. За что же ее так оскорбляют? За что? Въ комъ она найдетъ защитника? Мужъ не способенъ заступиться за нее. Онъ какъ-то странно смотритъ на вещи, даже, кажется, думаетъ, что они всѣ правы. Графъ говорить съ нею теперь какъ-то неопредѣленно и, повидимому, ничего не хочетъ сдѣлать для нея. Пронская и его привлекла на свою сторону. Даже Тромбони, и тотъ при встрѣчѣ съ нею какъ-то странно опускаетъ глаза и не смотритъ на нее и говорить какимъ-то унылымъ тономъ. И все это потому, что она порядочная женщина, не дѣлаетъ никому глазки, идетъ на проломъ, честно добивается своихъ правъ, ни передъ кѣмъ не заискиваетъ... Она чувствовала себя безпомощной, и ей хотѣлось плакать. Но она взяла себя въ руки и удержала слезы. Дома она прошла прямо въ спальню, заперла всѣ двери, присѣла къ столу и, положивъ на руки голову, тихонько выплакалась, какъ плачутъ одинокіе, несчастные, всѣми покинутые люди.

Андрей Дмитріевичъ вернулся домой, мрачно настроенный. Въ этотъ день онъ перенесъ тысячу непріятностей. Въ послѣднее время онъ, по необходимости, довольно часто не являлся въ больницу. Оленька нервничала, страдала мигренью, требовала ухода, и это задерживало его дома. Ему ничего не сказали прямо, но дали понять, что это затрудняетъ товарищей. Стар-

шій врачъ на недѣлѣ встрѣтилъ его холодно и спросилъ, какъ ему показалось, насмѣшливо:

— А вы все болѣете, Андрей Дмитріевичъ? Что же у васъ? Однако видъ у васъ нельзя сказать, чтобы былъ болѣзненный.

Наконецъ, сегодня случилось также обстоятельство, которое было прямымъ укоромъ его совѣсти. Вчера онъ не пошелъ въ больницу, потому что Оленькѣ прислали плохую роль, благодаря чему съ нею сдѣлался нервный припадокъ. Онъ даже не успѣлъ предупредить товарищей, потому что это случилось внезапно. А между тѣмъ, на рукахъ у него былъ трудный больной, за которымъ нужно было слѣдить. „Я забылъ о немъ, это уже прямо безсовѣстно! Я начинаю забывать о своихъ обязанностяхъ“. Больной ночью умеръ. Положимъ, онъ умеръ бы во всякомъ случаѣ, но могъ бы прожить еще съ недѣлю. Андрей Дмитріевичъ получилъ выговоръ отъ старшаго врача.

— Не понимаю, что съ вами сдѣлалось, Андрей Дмитріевичъ! воскликнулъ старшій врачъ. — Вы прежде были образцомъ рвенія и аккуратности, — а теперь я поставленъ въ мучительную необходимость сдѣлать вамъ замѣчаніе!

Андрей Дмитріевичъ ни слова не возразилъ на это, потому что чувствовалъ себя кругомъ виноватымъ.

Затѣмъ онъ встрѣтилъ нѣсколькихъ знако-

мыхъ, изъ которыхъ каждый задалъ ему одинъ и тотъ-же вопросъ: „Скажите, голубчикъ, что такое съ Ольгой Сергѣевной. — Она совсѣмъ не поетъ! ея никогда на афишѣ нѣтъ! Здоровали она? Какъ ея голосъ? Мы читали въ газетахъ что-то такое тревожное...“

Онъ не дожидаясь конца фразы, бормоталъ что-то общее и спѣшилъ прощаться. Вѣдь, это были все восторженные поклонники его жены, которые при встрѣчѣ съ нимъ прежде всякій разъ восклицали: — „Ахъ, ваша жена! Ахъ, Ольга Сергѣевна! Какой голосъ! Какъ она поетъ! Какой вы счастливый мужъ!“ А теперь они дѣлаютъ кислые лица, и въ глазахъ ихъ и въ голосѣ проглядываетъ соболѣзнованіе, точно у него умеръ кто-нибудь дома.

Все это привело его въ скверное настроеніе. Онъ рѣшилъ, что продолжать такъ жить нельзя, и далъ себѣ слово окончательно и безповоротно поговорить съ Оленькой. Онъ щадилъ ея до болѣзненности чувствительное артистическое самолюбіе и ни разу не сказалъ ей прямо, что голосъ ея сильно подался, что „корнетъ-а-пистонъ“ тысячу разъ правъ, и что для нея — самое лучшее бросить сцену. Вѣдь, сама она этого не сознаетъ, и никто не скажетъ ей правду. Вѣдь, это его право и обязанность. Онъ не долженъ бояться никакихъ сценъ, никакихъ упрековъ.

Надо-же привести въ порядокъ ихъ жизнь,

которая сдѣлалась какой-то безсмысленной и мучительной. Онъ твердо подошелъ къ спальнѣ и остановился передъ запертой дверью. До слуха его явственно донесся тихій, сдержанный плачь. „Что это? Опять? Опять какое-нибудь оперное, бутафорское горе?“ подумалъ онъ, постоялъ съ минуту и пошелъ къ себѣ въ кабинетъ. „Въ такомъ состояніи она едва-ли будетъ въ силахъ воспринять мои разумные доводы!“ прибавилъ онъ мысленно.

IX.

Съ нѣкотораго времени среди постоянныхъ посѣтителей театра можно было часто видѣть двѣ новыя личности, которыя вѣчно попадались всѣмъ на глаза. Одинъ изъ нихъ былъ старикъ безъ бороды, съ длинными казацкими усами, съ прилизанной прической, высокій, тонкій, немного согнутый, одѣвавшійся въ широкіе сюртуки и нюхавшій табакъ.

Другой былъ еще довольно молодой человекъ, красивый, одѣтый по модѣ, изящный, предупредительный. Онъ курилъ сигары и не нюхалъ табаку.

Появленіе этихъ двухъ личностей одновременно во всѣхъ музыкальных мѣстахъ не могло быть не замѣчено наблюдательной публикой.

Они были знакомы другъ съ другомъ, но при встрѣчахъ ограничивались поклонами, двумя, тремя фразами, и тотчасъ расходились. И тутъ можно было замѣтить разницу между ними. Старикъ, нюхавшій табакъ, кланялся солидно и сдержанно и смотрѣлъ исподлобья, когда говорилъ свою неизмѣнную привѣтственную фразу: „Какъ ваше здоровье?“ А молодой, курившій сигары, завидѣвъ старика, съ выраженіемъ радости бѣжалъ къ нему, расшаркивался, расцвѣталъ, трясъ его руку и спрашивалъ: „Какъ ваше драгоценное здоровье, дорогой Теофанъ Теофиловичъ? Не вредить-ли вамъ столичный климатъ?“

Они появлялись рѣшительно во всѣхъ концертахъ, которыхъ въ концѣ сезона было великое множество, сидѣли въ разныхъ концахъ залы и внимательно слушали. Заходили они и въ музыкальную школу, и къ Тромбони, и къ директору театра, но все это уже врозь, никогда не встрѣчаясь. Наконецъ, въ послѣднее время ихъ можно было видѣть за кулисами опернаго театра, но опять-таки и здѣсь они какъ-бы избѣгали другъ друга. Они стояли въ противоположныхъ концахъ сцены, скромно прислонившись къ какой-нибудь кулисѣ, и слушали не только то, что пѣлось на сценѣ, но и то, что говорилось въ уборныхъ среди множества закулиснаго народа. Тутъ у нихъ были знакомства, но поверхностныя. Было, однако, за-

мѣчено, что артисты, въ особенности, второстепенные, изъ тѣхъ, у которыхъ голоса пошатнулись и испортились отношенія съ директоромъ, раскланивались, какъ съ тѣмъ, такъ и съ другимъ, съ необыкновенной почтительностью и любезностью.

Въ самомъ концѣ сезона, когда на сценѣ шли послѣдніе спектакли, эти два господина появлялись уже не съ такимъ спокойнымъ, наблюдательнымъ видомъ; они были чѣмъ-то озабочены и волновались. При встрѣчѣ они уже не расспрашивали другъ друга о здоровьѣ, а загадочно говорили о какихъ-то дѣлахъ отрывочными фразами.

— Ну? Какъ? Налаживается? спрашивалъ старикъ, глядя въ сторону.

— Такъ себѣ... ни то, ни сѣ... Вы у меня все перехватили, Теофанъ Теофиловичъ...

— Рассказывайте!... Сами всѣ задворки обѣгали!... знаемъ мы васъ!...

— Ну, гдѣ мнѣ? Куда мнѣ бороться противъ вашей опытности?

„У — у! Кулачина заматорѣлый! Знаю тебя и вижу насквозь! Самъ пѣлъ у тебя, и ты изъ меня тянулъ жилы!“ думалъ молодой по поводу стараго. „Изъ молодыхъ, да ранній! Не опытенъ, да опытнаго проведетъ!“ думалъ старый про молодого.

Ихъ можно было также видѣть и въ ресторанахъ. Но здѣсь съ ними — съ каждымъ въ

отдѣльности — сидѣлъ какой-нибудь оперный артистъ или кончающій ученикъ музыкальной школы. Вообще, они не теряли времени и дѣятельно работали.

Однажды Ольгѣ Сергѣевнѣ доложили, что ее хочетъ видѣть какой-то старый господинъ, и подали карточку. На карточкѣ значилось: «*Ееофанъ Теофиловичъ Кобзевъ*», и больше ничего. Взглянувъ на гостя, Ольга Сергѣевна тотчасъ-же вспомнила, что видѣла его за кулисами. Онъ отрекомендовался.

— Имѣю честь представиться: Кобзевъ, антрепренеръ Г-скаго опернаго театра...

И онъ никакъ не могъ понять, почему милосердная хозяйка при этихъ словахъ вдругъ такъ измѣнилась въ лицѣ. Она покраснѣла, и брови ея сдвинулись.

— Что-же... что-же вамъ угодно? спросила она взволнованнымъ голосомъ и прибавила, стараясь быть любезной хозяйкой: — Садитесь, пожалуйста!..

— Что-же мнѣ можетъ быть угодно-сь, сударыня, ежели я оперный антрепренеръ, а вы — пѣвица? само собою понятно! отвѣтилъ Кобзевъ, тяжело усаживаясь на предложенномъ мѣстѣ.

— Но я все-таки... не могу понять! промолвила Ольга Сергѣевна съ возрастающимъ волненіемъ.

— Ахъ, Боже мой! пришелъ предложить

услуги!... зачѣмъ-бы я надоѣдалъ вамъ? Мы, сударыня, даромъ никуда не ходимъ!... Былъ-бы очень радъ кончить съ вами дѣло... У насъ въ Г. театръ превосходный, публика любитъ оперу... Ставимъ мы новыя пьесы...

— Но съ чего вы взяли, что я... оставляю здѣшнюю сцену?

— Съ чего я взялъ?... Такъ... Уши имѣю, ну, вотъ и слышалъ...

У Ольги Сергѣевны кровь застучала въ вискахъ. „Онъ слышалъ... Значить, объ этомъ говорятъ!... Что-же со мной дѣлаютъ?“

Она чувствовала, что голова у нея кружится, и она не въ состояніи говорить съ нимъ.

— Извините, промолвила она, — я... я объ этомъ не думала!... Я ничего еще не знаю... Извините!...

Она поднялась, онъ тоже. На лицѣ его было выраженіе удивленія.

— Такъ подумайте, сударыня... Я здѣсь останусь еще съ недѣльку... Живу во Французской гостиницѣ, въ номерѣ пятомъ... Могу предложить выгодныя условія!...

Онъ раскланялся и вышелъ, дивясь тому, какія бываютъ нервныя артистки. Ольга Сергѣевна опустилась на прежнее мѣсто и просидѣла неподвижно нѣсколько минутъ. Затѣмъ она встала и нервно заходила по комнатѣ. Состояніе ея духа было таково, что требовало какого-нибудь разрѣшенія. Она должна была пред-

принять что-нибудь рѣшительное, иначе — ей казалось — что грудь ея разорвется отъ бѣшенства. Она пошла въ спальню, сѣла къ столу и написала: „Милостивый государь! Вы распространяете слухъ, что я покидаю сцену. Потрудитесь объяснить, что это значить?“ и тотчасъ же отослала съ горничной это письмо къ директору. Ей стоило большихъ усилій написать такимъ сдержаннымъ тономъ. Слова, которыя вертѣлись у нея въ головѣ, были совсѣмъ другого рода. Это были грубыя, дерзкія, оскорбительныя слова: „негодяй, повѣса, продажная душа!“ — вотъ что ей хотѣлось написать директору. Но это не позволила ей сдѣлать воспитанность.

Пока горничная ходила съ письмомъ, она не могла найти себѣ мѣста, — то садилась, то оставалась у окна и ничего не видящими глазами смотрѣла на улицу, то ходила по комнатѣ, ломая руки и испуская тяжелые вздохи. Если бы ее увидѣлъ въ эти минуты посторонній чело-вѣкъ, онъ подумалъ-бы, что у этой женщины случилось великое горе, что она потеряла нѣчто самое дорогое, самое любимое.

Горничная вернулась съ отвѣтомъ. Директоръ писалъ: „Не понимаю, многоуважаемая Ольга Сергѣевна, откуда вы это взяли? Я не только не распространяю невозможныхъ слуховъ о томъ, что вы будто бы покидаете нашу сцену, а даже имѣю честь предложить вамъ условія,

на которыхъ дирекція желала бы заключить съ вами контрактъ на будущій сезонъ. Вотъ эти условія: въ виду общаго сокращенія расходовъ по театру, мы можемъ предложить вамъ три тысячи пятьсотъ рублей въ годъ, съ обязательствомъ съ вашей стороны пѣть всѣ роли сопрано, какія бы мы вамъ ни поручили. Съ нетерпѣніемъ ждемъ вашего отвѣта“.

Когда она прочитала эту записку, у нея потемнѣло въ глазахъ. Она чувствовала, что ей тяжело дышать, что она сейчасъ упадетъ.

— Барыня, что съ вами? Вы прилегли бы! сказала горничная.

— Нѣтъ, не надо!... промолвила она, задыхаясь и стараясь собрать всѣ свои силы. — Вы сейчасъ пойдете опять... Туда же!...

Она остановилась у стола и, стоя, написала неровнымъ, неразборчивымъ почеркомъ:

„На подобное предложеніе могу отвѣчать только презрѣніемъ. Другого отвѣта не будетъ...“

Она даже не вложила записку въ конвертъ, не подписала адреса, а только свернула ее вчетверо и сказала горничной:

— Несите туда же, къ директору!...

Минуть черезъ десять раздался звонокъ Андрея Дмитріевича. Ольга Сергѣевна отперла ему сама, и онъ тотчасъ же по лицу ея догадался, что она страшно взволнована.

— Вотъ!... сказала она зловѣщимъ голосомъ.

— Я, наконецъ, дождалась... оскорбленія. Уже дальше этого нельзя идти!...

— Кто оскорбилъ тебя, Оленька? спросилъ онъ, снимая и вѣшая пальто, и его спокойный, уравновѣшенный тонъ казался страннымъ въ виду ея крайняго волненія.

— А вотъ читай и любуйся!..

Онъ вошелъ въ залъ, взялъ письмо и началъ читать.

— Въ чемъ же дѣло? спросилъ онъ, введенный въ заблужденіе любезнымъ тономъ письма и не сообразивъ сразу, въ чемъ дѣло.

— Ты не понимаешь? Ты ничего не понимаешь, потому что ты не хочешь понять... И я совсѣмъ одинока, совсѣмъ, совсѣмъ!..

— Прежде всего успокойся, а потомъ объясни! мягко промолвилъ онъ.

— Да какъ же ты не понимаешь? Я получала эти два года пять тысячъ, а теперь мнѣ предлагаютъ три съ половиной... Что это значить? А эта прибавка: „пѣть всѣ партіи сопрано...“ Всѣ, понимаешь!? Всѣ... значитъ, и вторыя, значитъ, и Ольгу въ „Русалкѣ“ и тому подобныя... Развѣ это не гнусное оскорбленіе? Что же ты ничего не скажешь!? Хоть что-нибудь скажи! Вѣдь, это же противно, наконецъ, такое равнодушіе къ тому, что такъ глубоко задѣваетъ меня.

— Нѣтъ, Оленька, я не равнодушенъ къ тебѣ, я далеко не равнодушенъ! отвѣтилъ онъ

голосомъ искреннимъ, сердечнымъ, въ которомъ слышалось страданіе. — И я хотѣлъ бы многое сказать тебѣ, но не могу... Потому что ты не станешь слушать терпѣливо!

— Ахъ, говори, пожалуйста, все, что хочешь!... Я готова выслушать все, все...

— Ну, такъ сядемъ же вотъ тутъ, и ты немножко успокойся... Моя рѣчь будетъ очень серьезна, и въ ней не все будетъ пріятно тебѣ. Но ты возьми себя въ руки и выслушай меня до конца.

Онъ говорилъ это голосомъ дружескимъ, идущимъ отъ сердца; она невольно подчинилась вліянію этого голоса, который такъ рѣдко давался Андрею Дмитріевичу, — только въ тѣ минуты, когда онъ былъ весь проникнутъ какимъ-нибудь горемъ. Онъ взялъ ее за руки, усадилъ на диванѣ, самъ сѣлъ рядомъ. Лицо ея выражало покорную готовность претерпѣть все до конца.

— Слушай, Оленька, мой милый другъ, началъ онъ медленно, какъ бы вдумываясь въ каждое слово, въ каждую букву. — Мы съ тобой живемъ не первый день и не первый годъ, у насъ есть дѣтки, мы прожили съ тобой хорошіе, мирные годы... Припомни, два года тому назадъ, повѣрила бы ты, что мы можемъ такъ разговаривать съ тобой, какъ сейчасъ это было?

Она отрицательно покачала головой. Онъ продолжалъ:

— Мы не понимали, что значить сказать другъ другу рѣзкое слово, — ты довѣряла мнѣ, я тебѣ довѣрялъ, какъ себѣ. Я трудился добросовѣстно, ты занималась съ дѣтьми, было у насъ милое общество . . . Хорошо жилось намъ тогда, Оленька . . . Я былъ вполне счастливъ, да мнѣ казалось, что и ты счастлива. Правда?

Она молча кивнула головой.

— Какіе у тебя были чудные нервы! Какая ты была уравновѣшенная, и какъ ты отъ души смѣялась надъ дамами, наполняющими свою семейную жизнь нервными сценами, истериками, слезами! . . . Ну, посмотри же, что теперь? Ты изнервничалась въ конецъ, ты расшатала свое здоровье, ты отвыкла отъ дѣтей, и они одичали совсѣмъ, ты нажила себѣ дѣйствительныхъ или воображаемыхъ враговъ, которые досаждаютъ тебѣ тѣмъ . . . Ну, просто тѣмъ, что живутъ на свѣтѣ . . . У тебя, которую я считалъ добродушнѣйшимъ существомъ въ мірѣ, появилась злоба . . . А я? Я сталъ забывать о своихъ обязанностяхъ, у меня вонъ, благодаря моей небрежности, больной преждевременно умеръ, я началъ получать выговоры . . . Я почувствовалъ, что у меня есть нервы . . . Наконецъ, какъ мы живемъ съ тобой? Точно чужіе люди, точно враги . . .

Она вдругъ подняла голову и, догадавшись, къ чему ведетъ онъ, съ полуусмѣшкой изумленія воскликнула:

— Ты хочешь, чтобы я бросила сцену?

— Позволь, остановилъ онъ ее, видя, что она хочетъ сдѣлать энергическое возраженіе. Позволь, ты дослушай до конца. Я говорю тебѣ то, что составляетъ мое глубокое убѣжденіе. И притомъ тебѣ, все равно, придется оставить сцену...

— Какъ? Почему? съ ужасомъ спросила она.

— Ты не можешь служить на этихъ новыхъ условіяхъ... Ты же считаешь ихъ обидными...

— Еще бы! Но я добьюсь своего! Я употреблю всѣ средства!... Я поѣду къ графу...

При этихъ словахъ, она прикусила языкъ и остановилась.

— Нѣтъ, я не поѣду къ графу... Я не знаю, что я сдѣлаю...

Она вспомнила и то, что графъ пересталъ быть съ ней любезенъ, и то, что Андрей не знаетъ о его прежнемъ покровительствѣ.

— Я не знаю, что я сдѣлаю! повторила она. — Но я буду на сценѣ и буду занимать первое амплуа!...

— Вотъ что, Оленька, сказалъ Андрей Дмитриевичъ, вдругъ перейдя изъ мягкаго въ суровый тонъ и подчеркивая слова. — Я до сихъ поръ просилъ тебя, убѣждалъ, а теперь требую... Да, я требую, чтобъ ты развязалась со сценой. Слышишь?

— Ты? Требуешь? — Она смотрѣла на него, какъ на сумасшедшаго, который говоритъ

невѣроятно нелѣпыя вещи. — Ты можешь требовать этого отъ меня?

— Да, мой другъ, я требую! повторилъ онъ твердо и рѣшительно.

Она вдругъ почувствовала, что этотъ человѣкъ, котораго она такъ неліцемѣрно любила, какъ бы становится чужимъ ей, почти врагомъ. Словно какая-то холодная полоса вѣетъ между нимъ и ею. Онъ хочетъ оторвать ее отъ сцены, отъ этого огромнаго ярко-освѣщеннаго зала, наполненнаго слушателями, изъ которыхъ каждый напряженно ловить малѣйшій изгибъ ея голоса, этой публикой, которую она можетъ покорить однимъ вздохомъ. Сцена — это ея воздухъ, — безъ воздуха жить нельзя. Зачѣмъ открыли передъ нею эту завѣсу, зачѣмъ дали ей появиться на подмосткахъ, гдѣ она пережила столько мучительно сладостныхъ ощущеній? О, одинъ только разъ надо пережить это ощущеніе успѣха, чтобы потомъ никогда не быть въ силахъ отказаться отъ него. Сцена — ея жизнь.

Андрей Дмитріевичъ продолжалъ:

Наконецъ, для тебя теперь нѣтъ другого исхода, если хочешь оставаться на сценѣ, какъ пойти на рядъ униженій...

— О, я никогда не унижусь! сказала она, гордо поднявъ голову. — Никогда ни передъ кѣмъ... Даже ни передъ тобой.

Вдругъ ея лицо просвѣтлѣло, точно какая-то радостная мысль осѣнила ея голову.

— Да мнѣ и не надо унижаться! Я... поѣду въ провинцію! промолвила она.

— Что? что? Ты уѣдешь изъ дому? Ты оставишь дѣтей! ты? ты?

Она не отвѣтила. Очевидно, она и сама задумалась надъ этимъ вопросомъ. Оставить дѣтей! Какъ же она будетъ безъ нихъ? Вѣдь, она ихъ такъ любитъ... Оставить милыхъ крошекъ? Они и такъ заброшены, теперь, а что тогда съ ними будетъ. Какая-то теплая струя коснулась ея сердца, глаза налились слезами. Ей стало страшно, при мысли, что дѣтей съ нею не будетъ, и что они будутъ безъ нея несчастны. Дѣтей ей жалко, — сердце щемить и рыдать хочется. Но она не можетъ бросить сцены. Она чувствуетъ, что если сдѣлаетъ это ради дѣтей и мужа, то свой домъ покажется ей тюрьмой, она возненавидитъ и дѣтей, и мужа. Что же ей дѣлать? Какъ найти выходъ?

— Что же мнѣ дѣлать, Андрей? Какъ мнѣ поступить? жалкимъ, надорваннымъ голосомъ промолвила она. — Я не могу жить безъ сцены... Не могу, не могу!... Послушай, знаешь что? Да, да, я нашла исходъ, быстро, съ радостнымъ оживленіемъ заговорила она. — Городъ Г... это недалеко, всего часовъ двадцать ѣзды... Я заключу условіе, чтобы мнѣ пѣть два раза въ недѣлю и чтобъ каждую недѣлю ѣздить сюда, домой... Я буду жить и тамъ, и

здѣсь... Ты не безпокойся, мнѣ моего заработка хватитъ на все и на разъѣзды...

— Полно, что ты говоришь! Никто не согласится на твои условія... Они невозможны... Да и что это за жизнь?

— Нѣтъ, я иначе не могу!... Ты совсѣмъ не хочешь помочь мнѣ, Андрей! Ты совсѣмъ ничего не хочешь уступить мнѣ! Господи, какъ я несчастна!

Она плакала, прислонившись головой къ стѣнѣ. Андрей Дмитріевичъ подошелъ къ ней и схватилъ ея обѣ руки.

— Ольга, какъ тебѣ не стыдно говорить это? Да я не знаю, чего я для тебя не сдѣлалъ бы! Я поѣхалъ бы вслѣдъ за тобой, если бы не былъ связанъ работой, если бы не дѣти... Ну, пусть, я прерву свою карьеру... У насъ есть небольшія средства, уѣдемъ въ Италію — всѣ — я, ты и дѣти, проживемъ тамъ, можетъ быть, твой голосъ вернетъ прежнюю свѣжесть...

Она покраснѣла и порывисто отдернула обѣ руки.

— Мой голосъ не нуждается въ этомъ! рѣзко и грубо сказала она. — Оставь меня, если ты хочешь только оскорблять меня... Я докажу тебѣ и всѣмъ докажу... Да, я поѣду въ провинцію... У меня сегодня былъ антрепренеръ изъ Г... и предлагалъ... я... я на все согласна!... Но сцены не оставлю никогда... никогда, никогда!...

Она говорила это съ пылающими глазами, возвышеннымъ голосомъ. Передъ нею рисовалась большая сцена, ярко освѣщенный залъ, толпа, внимающая ей, приходящая въ восхищеніе и восторгъ, покоренная и лежащая у ея ногъ. А онъ слушалъ ее съ поникшей головой, теперь совершенно убѣжденный, что на нее никакими доводами подѣйствовать нельзя. „Это безуміе, это помѣшательство, это болѣзнь. Она больна этой страшной жаждой успѣха, успѣха, который отравляетъ всякаго, кто вкусить хоть одну каплю его.“

И онъ не зналъ, что будетъ теперь съ Оленькой, съ нимъ, съ ихъ дѣтьми.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Городъ Г***, какъ и большая часть російскихъ провинціальныхъ городовъ, былъ построенъ, повидимому, съ такимъ расчетомъ, чтобы въ немъ какъ можно неудобнѣе было жить. Весь онъ раскинулся на холмахъ, благодаря чему сколько-нибудь порядочный дождь заливалъ всѣ жилища, которымъ судьба опредѣлила стоять не наверху, а внизу. Извозчики во время ѣзды имѣли крайне

озабоченный видъ, потому что имъ приходилось или съ усиліемъ, натянувъ вожжи, сдерживать лошадей подъ гору, или хлестать ихъ во всю мочь при подъемѣ на гору. При этомъ дороги подвергали путешественниковъ всѣмъ случайностямъ дикой страны, такъ какъ онѣ вовсе не были вымощены.

Дома были здѣсь большіе и многоэтажные, но жить въ нихъ можно было единственно потому, что враждебныя стихіи загоняли сюда обывателей. Низкіе потолки, отсутствіе форточекъ, печи съ угаромъ, щели въ полу, крысы подъ поломъ, сверчки, тараканы и еще менѣе чистоплотныя звѣри — все это считалось до того обычнымъ явленіемъ, что никому даже и въ голову не приходило бороться противъ него. Городъ между тѣмъ былъ не малый, жителей въ немъ считалось добрая сотня тысячъ, велась бойкая торговля и свершалась солидная административная работа по управленію цѣлой губерніей, въ которой было не мало еще болѣе скверныхъ городовъ и мѣстечекъ. Поэтому въ городѣ Г***, какъ и во всѣхъ другихъ подобныхъ городахъ, водились купцы, чиновники, мелкіе банкиры, конторщики, агенты страховыхъ обществъ, гимназисты, гимназистки, офицеры и, кромѣ всего этого, еще чернь — пригородные мѣщане и рабочіе. Была здѣсь рѣка, а по ней довольно оживленно шмыгали пароходы, сплавлялись плоты и тащились барки. Была и желѣзная до-

рога, но станція ея отстояла отъ города верстахъ въ трехъ.

Но опять-таки, какъ во всякомъ другомъ провинціальномъ городѣ, была здѣсь одна улица, какъ бы по ошибкѣ перенесенная сюда изъ столицы и водруженная въ самомъ центрѣ, словно для того, чтобы своей благообразностью и порядочностью еще болѣе оттѣнять неустройство другихъ улицъ. Она была хорошо вымощена, дома на ней были красивы, хорошо оштукатурены, иные даже выкрашены масляной краской, панели были вымощены широкими гладкими плитами, словомъ — превосходная улица, и если она называлась главной улицей, то это было не даромъ. Здѣсь было сосредоточено все, что было лучшаго въ городѣ. Двѣ гостиницы съ ресторанами, одна изъ коихъ называлась „Петербургская“, а другая „Лондонская“, кондитерская, аптека, отдѣленіе частнаго банка, контора страхового общества, театръ, общественный садъ, два десятка магазиновъ, модный врачъ, дантистка, „Жоржъ, куаферъ изъ Парижа“, все это было здѣсь, только казенныя учрежденія, какъ телеграфъ, почта, казначейство и разныя присутственныя мѣста, ютились по отдаленнымъ закоулкамъ, находя, что имъ и тамъ хорошо, а тотъ, кому они нужны, всегда найдетъ ихъ. Дома на главной улицѣ были построены прекрасно, съ разными украшеніями комфорта, и счастливы, жившіе на этой улицѣ, не исключая да-

же и „Жоржа, куафера изъ Парижа“, считались чѣмъ-то въ родѣ аристократовъ и задавали тонъ. Тутъ же помѣщались одна противъ другой двѣ редакціи мѣстныхъ газетъ, половину своихъ столбцовъ посвящавшихъ тому, что уличали другъ дружку въ незнаніи правилъ русской грамматики, и даже вывѣски ихъ смотрѣли одна на другую враждебно, уставившись въ упоръ буква въ букву. На одной изъ этихъ вывѣсокъ было начертано: „Г—скій Вѣстникъ“, а на другой „Г—скія Вѣдомости“.

Ясно, что городъ Г*** былъ не какъ-нибудь, а совершенно, какъ слѣдуетъ, городъ. И кромѣ всего этого, онъ былъ извѣстенъ своею необыкновенною музыкальностью. Не слѣдуетъ, однако, думать, что здѣсь была, напримѣръ, консерваторія или жители отличались артистическими способностями. Музыкальность обывателей проявлялась въ томъ, что они ломились въ театръ слушать оперу и послѣ cadaго акта по полчаса надрывали глотки, заставляя артистовъ выходить и кланяться. Такъ какъ послѣ этого они шли въ буфетъ, то съ каждымъ актомъ эти крики шли crescendo и къ концу доходили до того, что г—скіе меломаны начинали хрипѣть. Это входило въ программу удовольствій, оплаченныхъ въ кассѣ при покупкѣ билета, а поэтому полиція стояла спокойно, не тревожила крикуновъ и внимательно слѣдила только за тѣмъ, чтобы не было пожара или драки.

Еще въ началѣ августа въ обѣихъ мѣстныхъ газетахъ появились сообщенія о томъ, что „нашъ неутомимый антрепренеръ Ф. Ф. Кобзевъ почти уже привелъ къ концу собраніе оперной труппы на предстоящій зимній сезонъ, при чемъ мы имѣемъ возможность сообщить, что составъ труппы смѣло можетъ быть названъ блестящимъ“. Объявлялось, что приглашены молодой теноръ *di grazia* Подпоркинъ, пріобрѣвшій солидную извѣстность на провинціальныхъ сценахъ, и контральто — Оглоблина, пѣвшая съ выдающимся успѣхомъ въ одной изъ столицъ, а въ какой именно, предусмотрительно умалчивалось. Наконецъ, прибавлялось еще слѣдующее: „кромѣ того, мы можемъ порадовать нашихъ читателей надеждой, что, быть можетъ, почтенному нашему антрепренеру удастся заручиться такой крупной артистической силой, какъ столичная звѣзда, извѣстная пѣвица Бравина. Высокоталантливой артисткѣ врачи воспретили жить въ столицѣ, климатъ которой вреденъ для ея голоса. Ф. Ф. Кобзевъ въ настоящее время ведетъ оживленные переговоры съ госпожей Бравиной“. Было въ замѣткѣ еще восклицаніе, не имѣвшее прямого отношенія къ артистической сторонѣ дѣла, а именно: „Такая усердная и плодотворная дѣятельность нашего уважаемаго антрепренера, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ того, чтобы городъ выдалъ ему субсидію для поощренія искусства. Совѣтуемъ подумать объ этомъ, кому слѣдуетъ“.

Отъ этихъ замѣтокъ въ городѣ пошли разговоры. Слухи о столичныхъ успѣхахъ Бравиной давно уже доходили до города Г***, но скромные обыватели не считали себя въ правѣ претендовать на звѣзду первой величины, а довольствовались маленькими звѣздочками, никогда не подымавшимися выше мѣстнаго горизонта. Поэтому извѣстіе о неутомимой энергіи уважаемаго Кобзева, задумавшаго угостить обывателей настоящей звѣздой, произвело извѣстную сенсацию. Многіе обратились къ нему лично съ вопросомъ: правда-ли? Почтенный антрепренеръ развелъ руками и сказалъ: „Стараюсь! изъ кожи лѣзу. Да страшно дорого ломить, средствъ моихъ не хватаетъ! Не знаю, уступить-ли. Ужъ я готовъ даже на убытокъ пойти, лишь-бы угостить почтенной публикѣ“. Послѣ этого разъясненія стали поговаривать, что Кобзеву слѣдуетъ дать субсидію. Дошло до думы кто-то сдѣлалъ предложеніе, и субсидія была у Кобзева въ карманѣ. Наконецъ, самъ Кобзевъ уѣхалъ въ столицу и прислалъ оттуда въ тѣ-же газеты торжественную телеграмму, сообщавшую, что съ Бравиной контрактъ подписанъ, съ чѣмъ онъ и поздравляетъ Г—скую публику.

Тутъ поднялась цѣлая возня. Въ газетахъ появились портреты Бравиной, срисованные съ фотографической карточки какой-то мѣстной купчихи, и краткія біографическія свѣдѣнія, при чемъ сообщалось, что она принадлежитъ къ

старинной дворянской фамиліи, ведущей свой родъ отъ Трувора и Синеуса вмѣстѣ, что она, будучи еще трехъ-лѣтнимъ ребенкомъ, поражала всѣхъ своей музыкальностью, и, между прочимъ, однажды, когда няня кормила ее манной кашкой, внезапно спѣла безъ одной ошибки арію Розины изъ „Севильскаго цырюльника“. Затѣмъ она вышла замужъ за дипломата, училась у извѣстныхъ профессоровъ въ Италіи, при чемъ самъ знаменитый маэстро Верди поцѣловалъ ее въ лобъ и предсказалъ ей блестящую будущность. Приводили еще подробности о томъ, какой она ведетъ образъ жизни, при чемъ оказывалось, что знаменитая артистка вечеромъ ложится въ постель, а встаетъ утромъ, обѣдаетъ, завтракаетъ и чай пьетъ, словомъ дѣлаетъ то же, что и всѣ обыкновенные смертные, но такъ какъ объ этомъ писалось въ газетѣ, то обывателямъ казалось, что это оригинально. Однимъ словомъ, тутъ было всего вдоволь и, во всякомъ случаѣ, совершенно достаточно, чтобъ заставить весь городъ говорить о столичной звѣздѣ. Кобзевъ не любилъ платить даромъ деньги, хотябы и городскія. Наконецъ, появились афиши, въ которыхъ имя Бравиной было напечатано самымъ крупнымъ шрифтомъ, какой только нашелся въ городѣ, въ театрѣ начались репетиціи и столичную звѣзду ждали въ городъ со-дня-на-день.

Въ Лондонской гостиницѣ вотъ уже двѣ не-

дѣли было замѣтно большое оживленіе. Съѣхались господа артисты и, такъ какъ они всѣ недавно получили отъ Кобзева авансы, то требовали себѣ дорогія блюда, лучшее вино и за все платили. Хозяинъ гостиницы сіялъ отъ удовольствія и ядовито кивалъ въ сторону, гдѣ стояла Петербургская гостиница. Рѣшительно неизвѣстно, почему, артисты всегда останавливались у него, и это до того вошло въ привычку, что сдѣлалось закономъ, и считалось даже поступкомъ не по-товарищески, если кто-нибудь изъ артистовъ, по неопытности, заѣзжалъ въ Петербургскую.

Въ бѣлую, одностворчатую дверь, на которой была выставлена цифра семь, постучались, оттуда густой женскій голосъ отвѣтилъ: „войдите“, и дверь отворилась.

— Развѣ уже пора? спросила плотная, высокая дама, обладательница густого контральто.

— О, нѣтъ! отвѣтилъ звучнымъ теноромъ вошедшій, — еще часа два до прихода поѣзда. Мы выйдемъ черезъ часъ.

— А не знаете, Кобзевъ, досталъ карету?

— А какъ-же — разумѣется, досталъ... у фабриканта какого-то. Извозчики никуда не годятся. Вся обивка внутри изодрана и засалена. Я у васъ посижу. У меня въ номерѣ дуется изъ окна. Придется перемѣнить, а то, пожалуй, катарръ схватишь.

Вошедшій былъ не кто иной, какъ Подпор-

кинъ, а хозяйка номера — Оглоблина. Они прїѣхали уже давно и участвовали въ репетиціяхъ. Оглоблина нимало не измѣнилась, все такая-же она была крупная, несуразная, и ея четырехугольное лицо не перемѣнило своей формы. И точно такъ же, какъ прежде, голосъ ея звучалъ грубо и рѣзко, и когда она говорила, все казалось, что она сердится, тогда какъ, въ сущности, Оглоблина не умѣла сердиться.

Но зато Подпоркинъ измѣнился до неузнаваемости. Начать съ того, что онъ узналъ какой-то секретъ для сапогъ, который сдѣлалъ его выше ростомъ. Это было очень важно и дѣлало его счастливымъ, потому что маленькій ростъ вначалѣ сильно мѣшалъ его теноровой карьерѣ. Онъ потолстѣлъ и прїобрѣлъ благородную осанку, по всей вѣроятности, позаимствовавъ ее у тѣхъ благовоспитанныхъ героевъ, которыхъ игралъ. Костюмъ у него былъ безукоризненный и хорошо сидѣлъ на немъ. Но главная перемѣна произошла въ лицѣ. На немъ совсѣмъ не было прыщей, онъ вывелъ ихъ казанскимъ мыломъ, когда пѣлъ въ тамошнемъ театрѣ. Выросли усики и эспаньолка, и Подпоркинъ, при его теперешнемъ ростѣ, не только не имѣлъ жалкаго, отталкивающаго вида, какъ въ былое время, а даже былъ привлекателенъ.

Подпоркинъ сѣлъ и снялъ съ шеи кашне, которое онъ надѣвалъ даже тогда, когда проходилъ изъ номера въ номеръ черезъ коридоръ.

Въ отношеніи своихъ гигиеническихъ привычекъ онъ не только не измѣнился, а даже усовершенствовался. Онъ не могъ подходить ближе, какъ на два шага, къ тому мѣсту, гдѣ курили; надъ бульономъ сидѣлъ полчаса, пока тотъ не остывалъ, а въ день спектакля онъ почти вовсе отказывался отъ пищи, питаясь однимъ молокомъ.

— Скажите, пожалуйста, вы не получили письма отъ Крякова? спросила Оглоблина.

— Получилъ, получилъ! Еще вчера. Развѣ я вамъ не говорилъ.

— Нѣтъ. Что же онъ пишетъ про Ольгу Сергѣевну? Почему она оставила столичную сцену? Вѣдь, вы спрашивали его?

— А какъ же? Но, вообразите, онъ ничего не знаетъ. Онъ пишетъ: „усердно готовлюсь къ духовному сану, а потому въ театрахъ не бываю и дѣлъ этихъ не касаюсь“. Онъ таки взялъ мѣсто протодіакона.

— Вотъ чудакъ! Съ его-то голосомъ онъ могъ бы какую карьеру сдѣлать!

— Голоса мало. Надо быть еще артистомъ!.. замѣтилъ съ достоинствомъ Подпоркинъ, — артистическая натура нужна...

— Да, пожалуй. Но удивительно это — насчетъ Ольги Сергѣевны... почему она послѣ такого блестящаго успѣха вдругъ оставила сцену? Меня это мучаетъ уже двѣ недѣли, и я ночей не сплю...

— Это вредно для голоса — ночей не спать! Отъ этого бываетъ утомленіе и сухость въ горлѣ...

— Вамъ все вредно, а мнѣ ничего! Никогда никакой сухости не бываетъ! сказала Оглоблина.

— Погодите, я переодѣнусь.

Она ушла за перегородку, а Подпоркинъ, оставшись одинъ и не желая даромъ терять свободнаго времени, принялся массировать горло, осторожно проводя пальцами по своей шеѣ сверху внизъ.

Черезъ полчаса они были на вокзалѣ. Здѣсь уже ждали нѣсколько хористовъ, два-три второстепенные артиста, которымъ Кобзевъ заявилъ, что это входитъ въ кругъ ихъ обязанностей по контракту, режиссеръ, кассиръ, театральныи парикмахеръ, конечно, нѣсколько десятковъ восторженныхъ зѣвакъ, которымъ нечего дѣлать, и которые всегда являются туда, гдѣ кого-нибудь встрѣчаютъ, провожаютъ, вѣнчаютъ, хоронятъ, бьютъ, берутъ въ участокъ, гдѣ случился провалъ, пожаръ, убійство, словомъ, гдѣ есть шумъ и движеніе. Тутъ же, разумѣется, присутствовалъ и самъ Кобзевъ въ томъ самомъ широкомъ сюртукѣ, въ которомъ онъ появлялся весной въ музыкальных пунктахъ столицы.

Такимъ образомъ, когда пришелъ поѣздъ, и Ольга Сергѣевна вышла изъ вагона, то она могла смѣло сказать, что ей была устроена триумфальная встрѣча. Она расцѣловалась съ Оглоблиной, по-товарищески, пожала руку Подпор-

кину и поѣхала въ каретѣ съ ними и съ Кобзевымъ. Въ Лондонской гостиницѣ для столичной звѣзды былъ приготовленъ лучшій нумеръ. Тотчасъ въ газеты даны были статьи о пріѣздѣ пѣвицы, гдѣ описывалась торжественная встрѣча, устроенная ей артистами и публикой. Нѣтъ, Кобзевъ не любилъ даромъ платить денегъ, хотя бы и городскихъ.

Ольга Сергѣевна осталась въ своемъ нумерѣ вдвоемъ съ Оглоблиной, переодѣлась, отдыхала и съ изумленіемъ разсматривала свои портреты, помѣщенные въ мѣстныхъ газетахъ и прочитывала свою удивительную біографію.

„Какіе здѣсь, однако, странные нравы!“ думала она.

— Какъ я рада, что нашла здѣсь васъ и Подпоркина! Я не ожидала этого! промолвила она, въ изнеможеніи растянувшись на диванѣ.

— А я не ожидала встрѣтить здѣсь васъ, Ольга Сергѣевна! Что васъ заставило переѣхать?

Оглоблина, разумѣется, и не подозрѣвала, какую рану растравляла она своимъ вопросомъ. Ольга Сергѣевна глубоко вздохнула и промолвила тихо:

— Ахъ, долго рассказывать!... Когда-нибудь послѣ!... Я страшно устала!...

Оглоблина оглядѣла ее. Блѣдное, сильно похудѣвшее лицо, какая-то трагическая нотка въ голосѣ, глубокій вздохъ, — все это намекнуло ей на то, что у Ольги Сергѣевны была какая-

то драма. Вѣдь, тогда, въ школѣ это было самое беззаботное, самое веселое существо. Въ семейной жизни она была тоже счастлива. Ужъ не случилось ли какой-нибудь семейной катастрофы? И на губахъ ея уже готовъ былъ дипломатическій вопросъ: „а вашъ мужъ... Какъ онъ поживаетъ? А дѣтки?“ Но какое-то непонятное, неуловимое чутье подсказало ей, что лучше промолчать.

Съ этимъ вопросомъ, затаеннымъ въ душѣ, она вышла изъ номера, сказавъ на прощанье: — Отдыхайте, Ольга Сергѣевна! Ольга Сергѣевна закрыла глаза.

II.

Ольга Сергѣевна закрыла глаза, но не могла уснуть. Когда человѣкъ совершить что-нибудь смѣлое, изъ ряда вонъ выходящее, перенеся тысячи волненій, то первая мысль, какая ему приходитъ въ голову, по достиженіи желанной цѣли: какъ это случилось?

Какъ это случилось? Послѣ того разговора, когда Андрей Дмитріевичъ такъ горячо уговаривалъ ее оставить сцену, она ушла въ спальню и просидѣла тамъ до глубокой ночи. Она не плакала, не нервничала, а думала. Жестокія слова Андрея, тогда дѣйствовавшія на нее, какъ

уколы кинжала, теперь повторялись въ ея душѣ мягче. Она разобрала спокойно и безпристрастно всѣ обстоятельства и пришла къ заключенію, что она не имѣетъ права разрушать семью и покидать дѣтей.

По всей вѣроятности, нервное утомленіе сдѣлало то, что она безъ ужаса думала объ оставленіи сцены и погруженіи навсегда въ частную жизнь. Къ ужину она вышла и спокойно объявила мужу свое рѣшеніе. Андрей Дмитріевичъ былъ пораженъ этимъ, такъ какъ онъ уже потерялъ надежду на ея благоразуміе. Онъ горячо благодарилъ ее, трогательно ласкалъ, говорилъ, что счастье къ нему возвратилось. Съ тѣхъ поръ въ ихъ домѣ потекли мирные дни. переѣхали на дачу и, казалось, Ольга Сергѣевна совсѣмъ примирилась со своей участью. На два письма, полученные отъ Кобзева, она отвѣчала любезнымъ отказомъ, заявляя, что твердо рѣшилась покинуть сцену.

Одно только у нея осталось отъ прежняго. Она каждый день заглядывала въ музыкальные отдѣлы газетъ. Ее тянуло къ этому неудержимо. Не было ли въ душѣ ея безсознательной надежды, что объ ней вспомнятъ, пожалѣютъ и придутъ къ ней на поклонъ. И, наконецъ, она встрѣтила въ газетѣ свое имя.

Сообщалось о перемѣнахъ въ оперномъ театрѣ, перечислялся составъ труппы и, между прочимъ, высказывалось сожалѣніе по поводу того,

что молодая пѣвица Бравина, такъ блестяще начавшая карьеру, должна была уйти со сцены. „Болѣзнь пошатнула ея голосъ, и Богъ знаетъ, удастся ли ей возвратить потерянное“. Прочитавъ это вслухъ передъ Андреемъ Дмитріевичемъ, она улыбнулась и небрежно промолвила: — Какія они глупости пишутъ!

Андрею Дмитріевичу казалось, что теперь она укрѣпилась въ своемъ рѣшеніи, онъ уже пересталъ бояться за нее. Но эта замѣтка даромъ не прошла. Она нечаянно задѣла въ сердцѣ Ольги Сергѣевны рану, которая ужъ начала было заживать, растравила ее, и въ глубинѣ ея души зашевелились прежнія муки. Какъ?! Ее публично хоронятъ, и она не можетъ сказать имъ всѣмъ громко: „вы лжете! я жива, жива, жива!“ И неужели же она не докажетъ имъ всѣмъ, что они ошибаются, что это клевета, — безчестная, гнусная клевета?...

И опять въ ея воображеніи рисовались старыя картины: театральнѣй залъ, блестящее освѣщеніе, восхищенная толпа, восторженные клики, успѣхъ, слава, — и она царить надъ всѣми, ея имя звучитъ неумолкаемо... Но она затаила въ душѣ и это мучительное чувство. Она ничего не сказала мужу, но страдала, худѣла и блѣднѣла, какъ будто ее снѣдалъ какой-то скрытый недугъ. Андрей Дмитріевичъ углублялся въ свое дѣло и ничего этого не замѣчалъ; но однажды онъ какъ-то случайно при-

стально взглянулъ на нее и поразился переменѣ, происшедшей съ нею.

— Ты больна, Оленька? Ты чѣмъ-то мучаешься? съ тревожнымъ волненіемъ воскликнулъ онъ.

Она хотѣла взять себя въ руки и выдержать характеръ, но не смогла, упала къ нему на грудь и залилась судорожнымъ плачемъ.

— Я мучаюсь... Я не могу... Я не могу жить безъ сцены!... Милый, что же мнѣ дѣлать? говорила она.

У него опустились руки.

— Дѣлай, какъ хочешь! сказалъ онъ, безнадежно склонивъ голову. — Дѣлай такъ, чтобы ты меньше страдала. Нашъ домъ всегда твой. Не забывай дѣтокъ...

Ему хотѣлось разрыдаться и потому онъ ушелъ къ себѣ въ комнату, и тамъ нѣсколько часовъ подъ-рядъ просидѣлъ въ неподвижной задумчивости. Нѣтъ, Оленька, дѣйствительно, отравлена ядомъ успѣха, и онъ не знаетъ противоядія. Онъ безсиленъ.

Съ плачемъ посылалась телеграмма Кобзеву, съ плачемъ подписывался присланный имъ контрактъ, съ рыданіемъ прижимала она дѣтей, когда садилась въ вагонъ, а когда ударилъ третій звонокъ — Андрей Дмитріевичъ оставилъ ее въ купѣ почти совершенно безъ чувствъ.

И вотъ теперь она здѣсь, одна, около нея лежатъ газеты, такъ старательно прокладываю-

щія ей путь къ успѣху, ей устроили торжественную встрѣчу, ее ожидаетъ безусловное первенство, поклоненіе, слава. Казалось бы, ей надо бы чувствовать полное примиреніе. Она достигла желаннаго. Но какая-то смутная тревога въ сердцѣ мѣшала ей заснуть послѣ утомительной дороги. Она чувствовала себя такъ, какъ человѣкъ, который сдѣлалъ ошибку и не можетъ поправить ее. Ей видѣлись заплаканныя дѣтскія личики, печальный взглядъ Андрея, его поблѣднѣвшее хмурое лицо, и на глазахъ навертывались слезы... Но это все прошло. На другой день она явилась въ театръ на репетицію. Знакомая атмосфера кулисъ, театральнаго дневного полумрака, артистическихъ разговоровъ, сразу охватила ее всю, завладѣла ею, и она уже была на своихъ рельсахъ и чувствовала себя въ своей сферѣ. Съ ней обращались почтительно, на нее смотрѣли, какъ на нѣчто исключительное, какъ на героиню сезона. Ей позволялись разныя льготы. Она могла не играть на репетиціи, сидѣть все время на стулѣ и подавать реплики вполголоса.

Она вернулась домой въ веселомъ настроеніи, собрала нумера газетъ съ портретами, біографіями и замѣтками о ней и съ легкимъ сердцемъ отослала все это Андрею Дмитріевичу съ шутливой припиской: „Вотъ какъ провинція цѣнитъ истинные таланты! стыдитесь, столичные жители!“ Она прибавила съ искреннимъ чувствомъ, въ

которомъ, однакоже, уже не было ни тѣни страданія: „крѣпко цѣлую дѣтокъ и тебя“.

Наконецъ открылся сезонъ. Двѣ оперы прошли безъ нея, но на объявленное представленіе „Аиды“ давно уже были разобраны всѣ билеты. Публика съ нетерпѣніемъ ждала появленія на сценѣ столичной звѣзды и заранѣе отдавала ей весь свой восторгъ. Въ день спектакля у театра стояло множество каретъ, въ театральной конторѣ лежали два огромные букета. И вотъ она на сценѣ. Она не издала еще ни одного звука, но залъ уже дрожитъ отъ рукоплесканій, ей несутъ цвѣты, она кланяется, улыбается, вслѣдъ за тѣмъ начинаетъ пѣть. Въ залѣ водворилась тишина. Всѣ слушаютъ съ напряженнымъ вниманіемъ и ждутъ, когда пройдетъ у нея волненіе, вполне естественное послѣ такого пріема. Очевидно, это отъ волненія у нея голосъ дрожитъ, и чувствуется въ немъ какая-то сухость. Но голосъ сильный, противъ этого никто не сталъ бы спорить. Вотъ уже она поетъ арію. Неужели же она до сихъ поръ не оправилась отъ волненія? О, значить, столичные звѣзды подвержены общему закону... Но все-таки, какой у нея сильный голосъ и какъ хорошо обработанъ!.. Въ концѣ аріи ей замѣчательно удалась высокая нота. Вообще, высокія ноты у нея отлично сохранились. Эта нота разсѣяла всѣ недоумѣнія. Провинція любитъ высокія ноты. Быть-можетъ, въ нихъ она

чувствуетъ тотъ подъемъ духа, котораго ей недостаетъ въ жизни. Порывъ аплодисментовъ не далъ ей докончить арію, и такъ какъ Г—скіе меломаны тутъ раскрыли рты и раскачали свои легкія, то уже долго не могли остановиться.

„Отлично, отлично! Кобзевъ всегда знаетъ, что дѣлаетъ!“ думалъ самъ Кобзевъ, демонстративно выводя ее за руку на средину сцены и затѣмъ отпуская одну къ рампѣ.

Это заставило публику, къ имени пѣвицы, прибавить еще и имя антрепренера. Всѣ были рады и довольны. Въ уборной Ольги Сергѣевны тотчасъ же появились наиболѣе выдающіеся изъ мѣстныхъ меломановъ, имѣвшіе свободный доступъ за кулисы, ей представлялись, жали руку, высказывали восторгъ. Самъ губернаторъ явился туда, въ сопровожденіи адъютанта, и сказалъ, что онъ давно не слышалъ такого пѣнія и что онъ радуется за свою губернію, которой посчастливилось испытать такое высокое эстетическое удовольствіе. Ольга Сергѣевна торжествовала, а потому была остроумна, мила, даже обворожительна, несмотря на свой эіопскій гримъ. По крайней мѣрѣ, всѣ это находили. Тутъ же были и рецензенты обѣихъ газетъ. Они дали ей свои визитныя карточки и просили позволенія побывать у нея.

На самыхъ задворкахъ сцены стояла, прислонившись къ стѣнѣ, старая кулиса, которую давно уже не употребляли въ дѣло. Мѣсто

здѣсь было пустынное, кругомъ лежала на всемъ пыль и висѣли паутинныя сѣти. Здѣсь, обыкновенно, встрѣчались закулисные герои, когда хотѣли сказать другъ другу какой-нибудь секретъ или развить въ подробностяхъ какую-нибудь интригу противъ товарища.

Освѣщалось это мѣсто маленькимъ потолочнымъ окошкомъ, покрытымъ густымъ слоемъ пыли, и потому здѣсь царилъ вѣчный полумракъ.

Здѣсь-то, нисколько не сговорившись, а совершенно случайно, словно по какому-то тайному внушенію, встрѣтились послѣ перваго акта Оглоблина и Подпоркинъ. Послѣдній явился въ костюмѣ Радамеса, послѣ того, какъ египетскіе боги избрали уже его полководцемъ противъ эѳіоповъ, а Оглоблина была въ длинномъ платьѣ Амнерисъ, съ разрѣзомъ на боку, и бережно держала въ рукахъ длинный трѣнъ. Они взглянули другъ на друга съ тревожнымъ удивленіемъ.

— Вы слышали? вполголоса спросила Оглоблина.

— Еще бы! Я не зналъ, куда дѣваться... Что съ нею сдѣлалось? Куда дѣвался ея чудный голосъ? съ глубокимъ сожалѣніемъ воскликнулъ Подпоркинъ.

— Это несчастье! Несчастье!.. Вотъ теперь я понимаю, почему она оставила столичную сцену и пріѣхала сюда!.. Вотъ въ чемъ причина!.. Бѣдная Ольга Сергѣевна!.. А какой былъ голосъ! Ай-ай-ай!..

— Но, однакоже — успѣхъ, фуроръ!.. Публика ничего не понимаетъ!.. Она не видитъ, что это одни только остатки!..

— Ахъ, это ничего не значить! Это не надолго... Раскусить, пойметъ. Увидите, какъ охладѣютъ къ ней!.. Это она теперь огорошена рекламой Кобзевской. Вотъ увидите, — мѣсяць, другой, и всѣ отъ нея отвернутся... Бѣдная Бравина! А, вѣдь, это со всякимъ можетъ случиться!

— Со мной не можетъ случиться, потому что я берегу голосъ! Ольга Сергѣевна не берегла. Помните, какъ она... Кто ни попросить — спойте, она сейчасъ и поетъ. Вотъ оно и сказалось. Голосъ, это — деньги, его и беречь надо, какъ деньги!..

Звонокъ пригласилъ ихъ ко второму дѣйствію, и они разошлись.

Послѣ спектакля Кобзевъ давалъ въ ресторанѣ Лондонской гостиницы интимный ужинъ Ольгѣ Сергѣевнѣ. Тутъ были всѣ первые персонажи труппы; лилось, правда, въ весьма скромныхъ размѣрахъ, шампанское, и велись бесѣды на оперныя темы. Кобзевъ былъ въ ударѣ и рассказывалъ свои антрепренерскія воспоминанія. Чего только не видѣлъ на своемъ долгомъ вѣку этотъ человѣкъ! Въ какихъ передѣлкахъ не былъ. Онъ зналъ всѣхъ рѣшительно пѣвцовъ, какъ знаменитыхъ, такъ и скромныхъ, ему были извѣстны подробности ихъ частной жизни, кото-

рыя всѣ укладывались въ его головѣ. Ольгѣ Сергѣевнѣ онъ говорилъ съ усмѣшкой, игравшей подъ его густыми усами:

— Ну, вотъ видите, барынька, а вы не хотѣли къ намъ ѣхать! У насъ хорошо, у насъ публика умѣетъ пошумѣть, когда надо... Мы тоже вѣдь цѣнимъ таланты... Н-да! .. А знаете, вашъ успѣхъ даже превзошелъ мои ожиданія. Ей-Богу! И это нельзя, чтобъ даромъ пропададо... Нѣтъ, какъ можно!.. Мы сейчасъ вотъ сварганимъ телеграммку въ одну столичную газету... Пусть-ка читаютъ!..

Онъ тутъ же сочинилъ телеграмму такого содержанія:

„Извѣстная столичная артистка Бравина, гастролирующая въ Г***, вчера выступила въ „Аидѣ“ съ потрясающимъ успѣхомъ. Сцена была засыпана цвѣтами, публика вызывала артистку до изнеможенія“.

И сейчасъ же отослалъ телеграмму на станцію.

— Зачѣмъ же вы написали, что сцена была засыпана цвѣтами, когда этого не было? спросила Ольга Сергѣевна.

— А это такъ... Оно, знаете, какъ-то красивѣй выходитъ... Вѣдь, это я не совралъ, а только прибавилъ. Врать никогда не слѣдуетъ, а надо умѣть къ тому, что было, прибавить то, чего не было, но... могло быть... Это — искусство! Однако вы, барынька, какъ погляжу

на васъ, очень еще наивны!... прибавилъ онъ со смѣхомъ.

Оглоблина смотрѣла на Ольгу Сергѣевну какими-то грустно-задумчивыми глазами. Добрая и чувствительная отъ природы, она чрезвычайно трогательно относилась къ школьному товариществу, и никогда не могла примириться съ мыслью, что Бравина, эта надежда и украшеніе школы, эта гордость класса Тромбони, могла утратить половину прелести своего чуднаго голоса.

„И главное, по всему видно, что она этого сама не сознаетъ, вотъ что обидно!“ думала Оглоблина.

И ей было такъ грустно на этомъ ужинѣ, что выпитое вино на нее не дѣйствовало.

III.

Ольга Сергѣевна выступала не часто. Кобзевъ держался того мнѣнія, что чѣмъ чаще Г—скіе обыватели будутъ слушать ее, тѣмъ меньше будутъ цѣнить. Онъ рассчитывалъ, что оглушенные грохотомъ рекламы, предшествовавшей появленію столичной звѣзды, слушатели не скоро очнутся настолько, чтобы замѣтить ея недостатки. Самъ же онъ нисколько не заблуждался насчетъ ея недостатковъ. Въ душѣ онъ

смѣялся надъ своей публикой, которая наивно вѣрила, что ей дадутъ настоящую звѣзду въ полномъ ея блескѣ. Какая „звѣзда“ поѣдетъ пѣть въ какой-нибудь Г***, когда для нея всегда найдется мѣсто въ столицѣ? Онъ рассчитывалъ на имя Бравиной, и расчетъ его удался.

Онъ хорошо зналъ свою публику и умѣлъ держать ее въ рукахъ. Газеты были къ его услугамъ, потому что онъ съ одинаковымъ жаромъ жалъ руки обоимъ редакторамъ. Городъ былъ полонъ его пріятелями, потому что онъ никогда ни съ кѣмъ не ссорился. Всѣ считали своимъ долгомъ поддержать его, онъ пріучилъ Г—цевъ его личное театральное дѣло считать своимъ домашнимъ дѣломъ.

Ольга Сергѣевна тѣсно сблизилась со своими товарищами по сценѣ. Здѣсь у нея больше не было никакихъ другихъ интересовъ. Къ ней относились хорошо, по-товарищески, — она занимала исключительное положеніе и поэтому никому не мѣшала. Но среди товарищей особенное вниманіе оказывала ей Панютина. Грустные глаза ея подолгу останавливались на Ольгѣ Сергѣевнѣ, когда она пѣла, а та смотрѣла на сцену изъ-за кулисъ.

— Что вы на меня такъ смотрите, Панютина? нерѣдко спрашивала ее Ольга Сергѣевна: — будто вамъ жалъ меня...

Панютина старалась улыбнуться, но и улыбка у нея выходила какой-то печальной.

Ольгѣ Сергѣевнѣ было жалко смотрѣть на нее. Это была женщина высокаго роста, статная, довольно полная. Когда-то она была красива, но теперь черты лица ея огрубѣли. Ей было лѣтъ за сорокъ, и въ труппѣ она играла самую жалкую роль. Иѣла она выходныя роли какимъ-то страннымъ скрипящимъ голосомъ, вызывая въ публикѣ добродушный смѣхъ. Кобзевъ, необыкновенно любезный со всѣми, съ нею обращался грубо, всячески третировалъ ее, — а она только краснѣла и смущалась. Однажды, когда ея исполненіе маленькой роли пажа въ „Риголетто“ вызвало общій хохоть, и кто-то съ галлерей даже насмѣшливо крикнулъ: „браво, Панютина!“, что было хуже шиканья, — Кобзевъ презрительно сказалъ ей:

— Вамъ кастрюли чистить, а не на сценѣ пѣть!...

Она покраснѣла, заморгала вѣками, молча отошла отъ него въ сторону и притаилась гдѣ-то въ кулисѣ.

Ольга Сергѣевна видѣла эту сцену и подошла къ ней.

— Какъ вы можете позволять ему говорить вамъ такія вещи? просила она.

— Что-жъ я подѣлаю? Мнѣ ничего не остается, какъ молчать!... отвѣтила Панютина дрожащимъ голосомъ.

Ольга Сергѣевна взглянула на нее. У бѣдной женщины стояли въ глазахъ слезы.

— Ахъ, вы не знаете... прибавила она, взявъ Бравину за руку. — Вы не знаете...

— Что такое? Чѣмъ вы взволнованы!..

— Видите... Ахъ, это ужасно быть пѣвицей и больше ничѣмъ... Знаете-ли вы, милая Бравина, что я въ свое время была извѣстностью... Да, да!.. Театръ гремѣлъ, когда я появлялась на сцену... Мнѣ подносили цвѣты и посвящали стихи... А теперь — видите — что?

— Какъ-же это случилось?

— Какъ всегда случается... голосъ пропалъ. Такъ вотъ безъ всякой причины взялъ и пропалъ!.. Все хуже, хуже... меня стали принимать холодно, потомъ шикали, я перешла на вторыя роли, а теперь вотъ что пою...

— Зачѣмъ-же вы не покинули сцену?

— Зачѣмъ? А у меня трое дѣтей... Мой мужъ — онъ былъ суфлеромъ — умеръ шесть лѣтъ тому назадъ. Я должна ихъ кормить. Вотъ и терплю... Все терплю, только-бы не прогналъ... Онъ прогонитъ, никто не возьметъ... А у васъ есть мужъ? Кто онъ?

— Онъ докторъ...

— Ахъ, докторъ Бравинъ... Я слышала... И дѣтки есть!.. Какое это несчастье, кто увлечется сценой!.. какое несчастье!

— Почему-же несчастье? съ удивленіемъ спросила Ольга Сергѣевна.

— Такъ . . . несчастье! . . . я смотрю на это, какъ на несчастье . . .

„Странная женщина! не у всѣхъ-же пропадаютъ голоса, и не у всѣхъ умираютъ мужья!“ подумала Ольга Сергѣевна.

Но Панютина возбудила въ ней искреннюю симпатію.

А Панютина съ каждымъ выходомъ Ольги Сергѣевны на сцену все грустнѣе и грустнѣе смотрѣла на нее. Она казалась ей живымъ повтореніемъ ея собственной судьбы. Въ ея голосѣ она слышала тѣ-же признаки разрушенія, которые были у нея. И точно такъ же, какъ она въ свое время, — Бравина этого не замѣчаетъ. И долго еще она не будетъ замѣчать этого, пока не станутъ смѣяться ей въ лицо. А тогда — какія муки ей придется переносить, быстро переходя отъ славы къ унижительной неизвѣстности, къ жалкому ремесленному исполненію ничтожныхъ ролей! . . . Вотъ она ясно видитъ и тѣ-же примѣты. Она пережила все это сама, и отъ нея не ускользаетъ ни одна мелочь. Теперь сезонъ еще въ половинѣ, а пѣніе Бравиной уже далеко не вызываетъ тѣхъ восторговъ, какой былъ на первомъ ея дебютѣ. Публика аплодируетъ и кричитъ, — но она своимъ тонкимъ слухомъ чуетъ въ этихъ крикахъ неискренность и фальшь. Чувствуется, что кричатъ эти люди потому, что заплатили деньги и нужно-же кому-нибудь кричать, а кому-

же, какъ не первой пѣвицѣ, съ такимъ блестящимъ именемъ, — пѣвицѣ, портреты которой недавно появлялись въ газетахъ, — пѣвицѣ, о которой шумѣлъ весь городъ. Но она знаетъ, какъ въ такихъ случаяхъ быстры переходы отъ успѣха къ паденію. Одно случайное обстоятельство, одна скептическая фраза — можетъ повернуть общее мнѣніе въ другую сторону. И это обстоятельство не заставило долго ждать себя.

Съ нѣкотораго времени было замѣчено, что въ то время, какъ „Г—скій вѣстникъ“ продолжаетъ находить прекрасной труппу Кобзева, „Вѣдомости“ стали находить въ ней недостатки. То — въ оркестрѣ трубы слишкомъ гремятъ, то декорація не соотвѣтствуетъ исторической эпохѣ, то хоръ разошелся съ оркестромъ. Ничего подобнаго прежде не случалось, все было идеально, а тутъ вдругъ явились недочеты. Дальше — нашлись недостатки и у артистовъ. У баритона верхи оказались глуховаты, меццо-сопрано начала детонировать, басъ просто никуда не годится . . . Артисты встревожились. Сезонъ подходитъ къ концу, надо думать о новыхъ ангажементахъ. И все это потому, что Кобзеву пришла въ голову неудачная мысль отобрать печатаніе афишъ у „Вѣдомостей“ и отдать ихъ „Вѣстнику.“

Ольга Сергѣевна прочитывала всѣ эти замѣтки и находила въ душѣ, что все это, въ

сущности, правда, что у Кобзева и труппа, и оркестръ, и хоры не важны, и можно было только удивляться, что раньше никто на это не обратилъ вниманія. Ее, разумѣется, не посмѣютъ тронуть, на этотъ счетъ она была спокойна.

Но вотъ въ „Вѣдомостяхъ“ появилась большая статья подъ заглавіемъ: „кому и на что раздаются субсидіи“, гдѣ доказывалось, что Кобзеву вовсе не стоило давать субсидію. „До начала сезона соблазняютъ насъ прекрасными перспективами, сулятъ намъ чуть-ли не звѣзды первой величины (такъ писалось въ статьѣ) . . . А гдѣ эти звѣзды? Что-то не видать ихъ. Ужъ не г-жа ли Бравина? Это, если и звѣзда, то, во всякомъ случаѣ, потухшая — и бойкой рекламой ловкаго антрепренера удалось не надолго зажечь ее искусственнымъ огнемъ. Этотъ огонь гаснетъ на нашихъ глазахъ . . .“

Обыватели, отъ скуки жадно слѣдившіе за полемикой, нашли, что это — хорошо сказано. „Зажечь искусственнымъ огнемъ?! . . . Гм . . . Да, да, это недурно!“ Фразу подхватили, и ужъ она летала по всему городу. Только Ольга Сергѣевна, почему-то въ этотъ день не издавшая газетъ, не знала этого, а когда она вечеромъ пришла въ театръ, Кобзевъ предупредительно подсунулъ ей „Вѣдомости“ и сказалъ:

— Почитайте-ка! Что объ насъ съ вами пишутъ!

— Обо мнѣ? съ недовѣріемъ воскликнула Ольга Сергѣевна.

— И объ васъ и объ насъ! отвѣтилъ Кобзевъ съ своей хитрой усмѣшкой. Въ сущности, онъ находилъ, что пора уже пробрать и развѣнчать примадонну, такъ какъ она ему больше уже не была нужна. У него было правило — первыхъ персонажей мѣнять каждый годъ, для разно-образія. Публика не любитъ повтореній — даже хорошаго.

Ольга Сергѣевна прочитала замѣтку.

— Но это подло! воскликнула она. — Какъ онъ смѣлъ это напечатать?..

— Тише, тише, не горячитесь, барынька!.. развѣ не видите, онъ тутъ вертится... услышать!..

— Да я ему скажу это въ глаза!.. Послушайте, какъ вы смѣли написать такую вещь? обратилась она прямо къ рецензенту, который проходилъ мимо.

— Какую? спросилъ тотъ, какъ будто не понимая, о чемъ рѣчь.

— А вотъ это... Какая-то потухшая звѣзда... Искусственный огонь... Что это за мерзость?

— Это мое мнѣніе, а вовсе не мерзость! сказалъ рецензентъ, вспыхнувъ. — Каждый имѣетъ право думать, какъ ему угодно!.. прибавилъ онъ и удалился.

— Ну, барынька, пропали мы теперь съ вами! разнесетъ онъ насъ вдребезги!..

Онъ говорилъ это все съ той-же неизмѣнной усмѣшкой, потому что для себя лично онъ нисколько не боялся газетнаго разноса. Театръ онъ законтрактовалъ на много лѣтъ, съ газетами еще сто разъ помирится, и онѣ опять будутъ хвалить его, а до артистовъ въ концѣ сезона ему нѣтъ никакого дѣла.

Но Ольга Сергѣевна была взбѣшена. Если осторожныя замѣчанія такого солиднаго критика какъ „корнетъ-а-пистонъ“, притомъ исполненныя доброжелательства, вывели ее изъ терпѣнія, то эти плоскія выходки были невыносимы. Она даже сдѣлала движеніе догнать рецензента и швырнуть ему газету въ лицо, но Кобзевъ удержалъ ее.

— Не горячитесь-же, барынька, говорю вамъ! хуже будетъ! вразумительно сказалъ онъ.

— Да какъ-же вы можете молчать? Какъ вы не вышвырнете его вонъ отсюда? воскликнула она.

— Фью! фью! Да, вѣдь, онъ меня тогда съ грязью смѣшаетъ! Что вы, барынька! Это, вѣдь, такой народъ! Вѣдь, вотъ ничтожество, темная личность, не больше, а иной разъ приходится поклониться ему!.. И вы поклонитесь, барынька, когда круто придется!..

— Я поклонюсь этому негодяю? никогда, ни за что! съ негодованіемъ промолвила она.

— Не этому, такъ другому!...

Онъ всталъ и пошелъ на сцену сдѣлать какое-то распоряженіе. Къ ней подошелъ Подпоркинъ.

— Послушайте, вы читали эту глупость? спросила она его.

— Читалъ. Я еще утромъ читалъ...

— Если вы хоть сколько-нибудь уважаете меня, сыщите этого рецензента и скажите ему въ глаза, что это подлость...

Подпоркинъ замахалъ на нее обѣими руками.

— Боже сохрани! Онъ меня, слава Богу, не трогаетъ... Стану я нарываться на неприятности!...

Подпоркинъ до того испугался этого предложенія, что сейчасъ-же скрылся, а черезъ нѣсколько секундъ она видала издали, какъ онъ подошелъ къ рецензенту и самымъ привѣтливымъ образомъ пожалъ ему руку и заговорилъ съ нимъ. Мимо нея промелькнула робкая фигура Панютиной, но остановиться не рѣшилась, а только мелькомъ бросила на нее исполненный грусти и сожалѣнія взглядъ. Ольга Сергѣевна должна была идти въ уборную и одѣваться. До начала спектакля оставалось не больше четверти часа.

Рецензентъ между тѣмъ не терялъ вре-

мени даромъ. Появившись въ театральной залѣ, онъ имѣлъ нѣкоторый успѣхъ въ публикѣ, которая вся знала его. Извѣстная фраза изъ его статьи насчетъ потухшей звѣзды, которую Кобзевъ зажегъ искусственнымъ огнемъ, оказалась настолько живуча, что прожила цѣлый день и до сихъ поръ еще не умерла. Съ нимъ любезно здоровались и говорили: „А, знаете, вы это хорошо сказали!... Есть-таки это, есть!... Раздули ее, здорово раздули! Въ сущности, голосъ у нея тово... знаете“... и надо сказать, что меломаны говорили это вовсе не для того только, чтобы сдѣлать рецензенту удовольствіе. Нѣтъ, они, въ самомъ дѣлѣ, въ этотъ моментъ были убѣждены въ томъ, что говорили. Послѣ статьи они какъ-то вдругъ поняли, что звѣзда какъ будто и не звѣзда, и что Кобзевъ провелъ ихъ. Они это чувствовали давно, т. е. они чувствовали, что есть что-то неладное, но никакъ не могли догадаться, что именно, и не умѣли формулировать. Рецензентъ это сдѣлалъ, и всѣ были ему благодарны.

Но онъ не удовольствовался этимъ. Онъ былъ коренной житель Г***, и въ театрѣ у него оказалось много друзей. Эти друзья сгруппировались подъ его предводительствомъ и рѣшились проучить артистку.

Едва только Бравина появилась на сценѣ и пропѣла первую фразу, какъ раздалось съ разныхъ сторонъ театра дружное шиканье. Ольга

Сергѣевна поблѣднѣла и задрожала, голосъ ея оборвался, благоразумная часть публики начала аплодировать ей, — это усилило шиканье, и вдругъ съ галереи раздался громогласный одинокій крикъ:

— Потухшая звѣзда! ха, ха, ха! Браво-о!
— И сотня крикливыхъ глотокъ отозвалась на этотъ смѣхъ.

Въ театрѣ произошло движеніе. Полиція бросилась по разнымъ угламъ усмирять крикуновъ. На сценѣ нѣсколько минутъ длилась пауза, послѣ которой представленіе шло кое-какъ. Ольга Сергѣевна чувствовала, что у нея все выходитъ плохо, и въ антрактахъ, сидя въ уборной, плакала, и къ ней не зашла для утѣшенія ни одна душа. Только Панютина подошла, было, къ двери, но войти не рѣшилась. А Кобзевъ ходилъ по сценѣ и съ удовольствіемъ потиралъ руки: прежде ходили въ театръ ради столичной звѣзды, теперь будутъ наполнять его ради скандала. Результатъ для кассы будетъ одинъ и тотъ-же, а онъ цѣнилъ только этотъ результатъ, до остального ему не было ровно никакого дѣла.

IV.

Если-бы кто-нибудь изъ посѣщавшихъ домъ Бравиныхъ года три тому, зашелъ теперь въ ихъ квартиру и посмотрѣлъ на жизнь, которая течетъ тамъ, онъ нашелъ-бы большую перемѣну во всемъ.

Дѣти болѣе не дрались и не наполняли квартиру постояннымъ крикомъ, но зато на лицахъ ихъ не было видно того беззаботно-веселаго выраженія, какое бываетъ у счастливыхъ дѣтей. Какая-то печаль грусти лежала на ихъ личикахъ, словно они ясно понимали ту глухую драму, которая совершалась въ этомъ домѣ. Старшая дѣвочка — Люба, выросла, вытянулась, была худа и блѣдна, и постоянно сидѣла за дѣтскими книжками. Ей было уже около девяти лѣтъ, и она знала, что мама уѣхала и оставила ихъ съ папой. Въ ея дѣтской головкѣ составилось своеобразное представленіе объ отношеніяхъ отца и матери. Еще въ послѣднія недѣли пребыванія Ольги Сергѣевны дома, дѣвочка по-своему наблюдала, и отъ нея не ускользнули частыя слезы матери, тревожныя объясненія ея съ отцомъ, ея худоба и блѣдность. Сильно запечатлѣлась въ ея душѣ также трогательная сцена прощанья Ольги Сергѣевны съ ними. Она тогда смутно почувствовала, что мама дѣлаетъ что-то такое, чего не слѣдуетъ дѣлать, и что это страшно огорчаетъ отца. На обрат-

номъ пути Андрей Дмитріевичъ едва сдерживалъ слезы и часто прижималъ дѣтей къ своей груди. Потомъ она видѣла, какъ онъ сталъ задумчивъ, какъ онъ иногда нѣсколько часовъ кряду просиживалъ въ креслѣ, молча, безъ дѣла, уставясь задумчивымъ взоромъ въ одну точку, какъ иной разъ садился въ столовой за обѣдъ, поднималъ голову руками и забывалъ объ обѣдѣ. Она видѣла и понимала, что отецъ страдаетъ; робко приходила къ нему и садилась къ нему на колѣни. Это было для него молчаливымъ и трогательнымъ утѣшеніемъ. Они крѣпко привязались другъ къ другу.

Въ домѣ теперь царила необыкновенная внѣшняя порядочность. За хозяйствомъ и за дѣтьми смотрѣла фрау Кобденъ, сухая, высокая дѣва самыхъ строгихъ правилъ. Андрей Дмитріевичъ принужденъ былъ обратиться къ ея услугамъ, потому что иначе дома все пошло бы вверхъ дномъ. А самъ онъ былъ аккуратенъ, какъ машина, изодня-въ-день и часъ-въ-часъ ходилъ въ больницу, принималъ больныхъ у себя на дому, дѣлалъ визиты, чувствуя, что только за этими занятіями, не связанными съ его личнымъ вопросомъ, онъ можетъ отрѣшиться отъ тягостныхъ мыслей. Онъ худѣлъ, блѣднѣлъ, какъ-то осунулся, заносилъ свой костюмъ, и ему и въ голову не приходило подновить его.

Почти всѣ его прежнія знакомства прекратились. Онъ самъ прекратилъ ихъ, боясь этихъ

вѣчныхъ вопросовъ о томъ, гдѣ поетъ его жена, какъ ея голосъ, какъ успѣхъ?

Къ его прежнимъ привычкамъ прибавились новыя: онъ выписалъ Г—скія газеты и съ болѣзненнымъ любопытствомъ каждый день раскрывалъ ихъ и искалъ театральной рецензіи. Тамъ все было благопріятно, Оленьку хвалили, и сама Оленька разъ въ недѣлю сообщала о своихъ успѣхахъ, о томъ, что публика ее любитъ, посылала горячіе поцѣлуи дѣтямъ... Но это его не успокаивало. Онъ все чего-то тревожно ждалъ. Онъ не вѣрилъ газетамъ. Ихъ тонъ казался ему неискреннимъ, а Оленька была ослѣплена. Ему было хорошо извѣстно, что голосъ ея сильно пошатнулся, онъ даже совѣтовался съ врачами, лѣчившими ее, и тѣ дали безнадѣжный отзывъ. Голоса никогда не возвращаются. Многіе пѣвцы, потерявшіе голосъ, питаютъ эту иллюзію, тратятъ на это остатки своихъ средствъ, перебѣгая отъ одного врача къ другому, какъ раньше, обучаясь пѣнію, они перебѣгали отъ профессора къ профессору, но это напрасно. Можно починить испорченную флейту, склеить разбитую скрипку, но человѣческому голосу нельзя возвратить утраченные нѣжность и блескъ.

И онъ съ возрастающимъ волненіемъ развертывалъ газеты и съ трепетомъ ждалъ катастрофы. И вотъ онъ читаетъ статью „Г—скихъ Вѣдомостей“ о субсидіяхъ, читаетъ и, несмотря на то, что ждалъ всего этого, не вѣритъ гла-

замъ. Этотъ обидный тонъ, эти плоскія сравненія, это вышучиваніе, все это оскорбляетъ его до глубины души, онъ вскакиваетъ, бѣжитъ вонъ изъ квартиры на телеграфную станцію и шлетъ Ольгѣ Сергѣевнѣ телеграмму: „Умоляю тебя, заклинаю тебя всѣмъ святымъ, брось все и пріѣзжай домой!“ пишетъ онъ, и съ мучительнымъ нетерпѣніемъ ждетъ отвѣта. Къ ночи онъ получаетъ отвѣтъ: „Это гнусная интрига. Я раздавлю враговъ“. Значить, Оленька продолжаетъ заблуждаться. Онъ не спитъ ночь, напрасно ломая голову надъ выдумкой средства вернуть Оленьку, отвести ее отъ дальнѣйшаго позора, а на утро читаетъ въ Г—скихъ газетахъ подробное описаніе скандала въ театрѣ, да въдобавокъ еще, въ одной столичной газетѣ, въ той самой, гдѣ была помѣщена телеграмма Кобзева о засыпанной цвѣтами сценѣ, появляется извѣстіе о томъ, что пѣвица Бравина потерпѣла страшное фiasco.

Онъ шлетъ телеграмму за телеграммой, онъ уже не можетъ заниматься своими дѣлами, объявляетъ себя больнымъ, отказывается въ пріемѣ паціентамъ, и, наконецъ, получаетъ письмо отъ Оглоблиной. Сначала онъ недоумѣваетъ, кто это, но потомъ вспоминаетъ подготовку Оленьки къ дебюту, всю эту обстановку, послужившую началомъ его несчастья, Оглоблину, Подпоркина, Крякова.

Оглоблина писала: „Извините, что я мѣшаюсь

не въ свои дѣла, но я не могла больше стерпѣть. Ольга Сергѣевна въ самомъ печальномъ, въ самомъ ужасномъ положеніи. Голосъ ея окончательно подался, должно быть, вслѣдствіе страшныхъ волненій, которыя она переживаетъ послѣдніе дни. Но она этого не замѣчаетъ. Ей шикають на каждомъ спектаклѣ. Антрепренеръ объявилъ ей, что не можетъ возобновить контракта, потому что она не имѣетъ уже успѣха. Я боюсь, что съ нею случится что-нибудь... Боюсь, чтобы она, ослѣпленная, не пошла бы на униженія. Все это вы должны знать, какъ мужъ. Я уговаривала ее, но ничего не помогаетъ; она только поссорилась со мной. Уважающая васъ Оглоблина“.

Онъ сложилъ письмо и положилъ его въ карманъ, потомъ поднялся и рѣшительными шагами пошелъ въ дѣтскую, гдѣ была обыкновенно фрау Кобденъ.

— Фрау, сказалъ онъ твердымъ голосомъ. — Приготовьте все необходимое къ отъѣзду для меня и Любочки... Мы сегодня съ курьерскимъ поѣздомъ уѣдемъ...

— Вы уѣзжаете? съ удивленіемъ спросила Фрау.

— Да... Моя жена проситъ выѣхать ей навстрѣчу... Мы не надолго...

Люба смотрѣла на него большими, изумленными глазами и затѣмъ, взявъ его руку, пошла съ нимъ въ кабинетъ.

— Мы къ мамѣ поѣдемъ? спросила она его, стараясь заглянуть ему въ глаза, въ которыхъ было новое незнакомое ей выраженіе твердой рѣшимости.

— Да, дѣвочка моя, да!... дрожащимъ голосомъ произнесъ онъ. — Наша мамочка больна, но ты должна упросить ее пріѣхать съ нами домой... Ты, вѣдь, упросишь ее?

— Я упрошу мамочку! сказала дѣвочка, и голосъ ея дрожалъ такъ же, какъ и его голосъ. Она безсознательно прониклась его чувствомъ, его твердой рѣшимостью во что бы то ни стало „упросить мамочку“ и вернуть ее домой. А онъ думалъ: „Если Оленька устоитъ противъ слезъ нашей дѣвочки, если сердце ея не поддастся — не размягчится, — то она больна, и я буду имѣть право насильно вырвать ее изъ этой пропасти... Нѣтъ, я поступалъ неправильно, я былъ слабъ. Я не долженъ былъ позволять ей ѣхать въ провинцію. Вѣдь, я-же предвидѣлъ этотъ конецъ. Я виноватъ во всемъ“...

Утро было пасмурное. Ночью шелъ весенній дождь, и на улицахъ города Г*** блестѣла жидкая грязь, благодаря чему онѣ походили на длинныя безконечныя зеркала, въ которыхъ отражались дома, заборы, извозчичьи пролетки и бѣдные пѣшеходы, принужденные переходить улицы въ бродъ. На афишныхъ столбахъ, обыкновенно, украшенныхъ разноцвѣтными анонсами, въ томъ мѣстѣ, гдѣ всегда помѣщались афиши

объ оперномъ спектаклѣ, была пустота. Сезонъ кончился, артисты разъѣхались, — кто съ пріятнымъ сознаніемъ, что у него контрактъ на будущій сезонъ въ карманѣ, — кто съ надеждой найти ангажементъ въ Москвѣ, гдѣ въ посту съѣзжаются антрепренеры; кто безъ всякой надежды, съ печальнымъ взглядомъ, съ грустно опущенной головой.

Въ Лондонской гостиницѣ разомъ опустѣло нѣсколько номеровъ. Изъ артистовъ остались здѣсь только Оглоблина и Бравина. Въ большой комнатѣ за круглымъ столомъ сидѣлъ Теофанъ Теофиловичъ Кобзевъ, а Ольга Сергѣевна въ волненіи ходила по комнатѣ, то слушая нетерпѣливо его спокойныя, не спѣшныя рѣчи, съ неизмѣнной усмѣшкой подъ усами, — то останавливаясь для того, чтобы бросить ему потокъ быстрыхъ, энергичныхъ словъ.

— Нѣтъ, вы сами-же посудите, барынька! говорилъ разсудительно Кобзевъ. — Сами посудите, вѣдь, вы-же женщина умная. Что я могу имѣть противъ васъ? Ничего! Напротивъ, я даже благодарность къ вамъ чувствую. Вы сдѣлали мнѣ хорошіе сборы.

— Благодарность, благодарность! Хороша благодарность! восклицала Ольга Сергѣевна, какъ-то безпомощно ломая руки.

— Ну, а какъ-же? Ей-ей, благодарность чувствую! Но теперь, если я въ будущемъ сезонѣ поставлю васъ на афишу послѣ того, что

было, меня на смѣхъ подымутъ... Вѣдь, подумайте только, какіе скандалы были! Ей-Богу, я такихъ у насъ и не запомню. Моченое яблоко на сцену бросили... Вѣдь это, извините меня, чортъ знаетъ что такое!...

— Ахъ, перестаньте, перестаньте объ этомъ!.. я все это знаю, къ чему вы говорите? Къ чему вы меня терзаете?... Вѣдь, это-же интрига, вражда, подлость... Вы знаете, кому я этимъ обязана...

— А это все единственно, барынька, все единственно!... А говорю я къ тому, что не могу-же я идти на убытокъ. Посудите: каждый заботится о своемъ благѣ. Вѣдь, этотъ господинъ теперь будетъ преслѣдовать васъ вѣчно... Вѣдь, онъ считаетъ себя оскорбленнымъ...

— О, Господи! воскликнула она, закрывъ ладонью глаза. — Такъ что-же я должна сдѣлать? Что я должна сдѣлать? Ну, вотъ вы... вы даже о благодарности говорите... Такъ посоветуйте... я готова... я не знаю, чего я не сдѣлаю... Нужно извиниться передъ нимъ? Да? да? такъ я извинюсь передъ нимъ... хорошо, хорошо, я извинюсь...

— Вы? вы извинитесь передъ этимъ проходимцемъ? Вы? — онъ съ изумленіемъ уставился на нее и затѣмъ выразительно покачалъ головой: — Нѣтъ, не дѣлайте этого, барынька!

не дѣлайте!... Это уже... какъ-бы вамъ сказать... Это будетъ самое послѣднее униженіе!

— А! униженіе! ха, ха, ха, ха!... униженіе!... подхватила она съ какимъ-то болѣзненнымъ смѣхомъ и въ изнеможеніи опустилась въ кресло. — Униженіе!... А развѣ вы меня не унижаете? Развѣ это не унизительно, что я чуть-ли не вымаливаю у васъ ангажементъ, я, которую вы умоляли согласиться на ваши условія?... А теперь вы говорите объ убыткахъ... Ха, ха, ха, ха!... Объ убыткахъ... Что мнѣ ваши убытки? Я хочу служить искусству, а вы — объ убыткахъ...

Вдругъ въ глазахъ ея промелькнула какая-то мысль, точно ее внезапно охватило вдохновеніе. Она вся подалась впередъ и съ живостью заговорила:

— Послушайте!... Знаете что? Вы боитесь убытковъ? Да? Отлично! такъ вотъ что... ну, да, да... Вы боитесь, что ваши деньги, которыя вы мнѣ заплатите, пропадутъ... такъ вотъ что: я согласна пѣть у васъ даромъ... Даромъ, совершенно даромъ... Мнѣ не надо денегъ... Поймите вы, что мнѣ не надо денегъ... Даромъ... Вы согласны? Даромъ?..

Онъ не отвѣтилъ, а только какъ-то раздумчиво развелъ руками, какъ-бы говоря: „Не знаю, что мнѣ съ вами сдѣлать! Просто ума не приложу!“ Въ головѣ его въ это время шла дѣятельная работа. Всю свою опытность, всю

хитрость, изворотливость, изобрѣтательность призвалъ онъ на помощь, чтобъ рѣшить, нельзя-ли еще какъ нибудь, на одинъ только сезонъ, одурачить Г—скую публику. Вѣдь, даромъ, даромъ! Это хорошо. Получить примадонну даромъ, это — добрыхъ четыре тысячи въ карманѣ. Великъ былъ соблазнъ, представлявшійся Кобзеву, но ничего подходящаго не изобрѣлъ онъ, и въ отвѣтъ ей отрицательно покачалъ головой.

— Ахъ, барынька, промолвилъ онъ, досадуя на себя за то, что не можетъ воспользоваться такимъ выгоднымъ предложеніемъ. — Все-бы можно было, все... Ежели-бы главное было... А то, вѣдь, главнаго-то у васъ и нѣтъ... голоса, барынька, нѣтъ... Надо-же говорить правду... развѣ вотъ что: на вторыя роли развѣ?..

Она вдругъ быстро поднялась съ мѣста и выпрямилась. На лицѣ ея выражалась какая-то преувеличенная гордость, негодованіе, презрѣніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ на глазахъ ея блеснули слезы отчаянья, и жалко было на нее смотрѣть.

— Вы смѣли предложить мнѣ это!.. Вы?.. проговорила она, задыхаясь, — такъ значитъ, вы такой-же негодяй, какъ и они!.. Подите вонъ отсюда! Вонъ!

Она повелительнымъ жестомъ указала ему на дверь. Кобзевъ поднялся. Онъ былъ, видимо, смущенъ и растерянъ. Этого онъ никакъ не ожидалъ.

— Сумасшедшая женщина и больше ничего!.. пробормоталъ онъ, скорѣе, впрочемъ, удивленный, чѣмъ оскорбленный ея словами. — Пряма сумасшедшая.

Въ это время дверь отворилась, и Ольга Сергѣевна замерла на мѣстѣ, въ своей отчаянной позѣ, съ протянутой рукой.

— Андрей!.. Люба!.. вскрикнула она испуганнымъ голосомъ и пошатнулась. Люба бросилась къ ней, Андрей Дмитріевичъ поддержалъ ее и усадилъ въ кресло. Ольга Сергѣевна лишилась чувствъ. Когда Андрей Дмитріевичъ поднималъ глаза и взглянулъ въ сторону, гдѣ стоялъ Кобзевъ, — его уже не было; пользуясь замѣшательствомъ, онъ поспѣшно улизнулъ, даже не скрипнувъ дверью.

V.

— Если-бъ вы знали, что тутъ было! О, вы и вообразить себѣ не можете, что это было такое! говорила сдержаннымъ шопотомъ Оглоблина, сидя за столомъ на диванѣ и тревожно поглядывая на драпировку, раздѣлявшую комнату на двѣ части. — Знаете, можно было съ ума сойти...

Противъ нея на мягкомъ стулѣ сидѣлъ Андрей Дмитріевичъ, опершись локтями на столъ

и внимательно вслушиваясь въ ея слова. Люба была за драпировкой. Она сидѣла близъ Ольги Сергѣевны, которая спокойно заснула въ первый разъ за семь дней послѣ пріѣзда мужа.

Былъ моментъ, именно въ минувшую ночь, когда боялись за ея жизнь. Она всѣ эти дни лежала въ бреду и никого не узнавала. Нервная горячка уложила ее въ постель. За послѣднія недѣли она перенесла такую массу огорченій, что организмъ ея не выдержалъ, а внезапный пріѣздъ Андрея Дмитриевича съ Любой окончательно подкосилъ ее. Но кризисъ миновалъ благополучно. Сегодня съ утра она уснула, и Бравинъ впервые могъ поговорить съ Оглоблиной.

— Я сразу же, съ перваго же спектакля замѣтила, что у нея голосъ не тотъ... Куда-а? И если бы не реклама, — эти портреты, біографіи, всякія глупости... Ну, скажемъ такъ, — если бы пѣвица явилась съ такимъ голосомъ безъ имени, то ее сразу ошкарли бы. Но публика не разобрала, въ чемъ дѣло, и приняла ее шумно. А потомъ все охладѣвала. Затѣмъ эта ссора съ рецензентомъ... И знаете, это бы еще ничего. Ну, поссорились, устроили скандалъ, можно помириться и загладить. А она поѣхала въ другую газету, сама поѣхала и стала просить защиты, рассказывала всю сцену... Ахъ!.. ну, это, конечно, узналось, и тогда пошло еще хуже. Ей не давали пѣть. Чуть раскроетъ

ротъ, сейчасъ крики: „Долой, вонъ, не надо!“ А она все не понимаетъ, ей кажется, что это только интрига, она не чувствуетъ, что голосъ у нея звучить ужасно!... То есть просто непостижимо, до чего можетъ дойти ослѣпленіе! Вотъ несчастные люди — мы, артисты! Въ другихъ специальностяхъ — сдѣлаешь человѣкъ что-нибудь неудачно — и понимаетъ это, а мы не понимаемъ!... Однажды бросили ей на сцену моченое яблоко... Когда она узнала, то упала въ обморокъ!...

Онъ слушалъ ее внимательно, блѣдный, истомленный горемъ и цѣлымъ рядомъ бессонныхъ ночей. Оглоблина продолжала:

— Антрепренеръ Кобзевъ — онъ, вѣдь, мерзавецъ, кулакъ безсердечный — сталъ третировать ее, фамиллярничать и говорить ей въ лицо: „вы, барынька, мнѣ больше не нужны! Не хочу я моченыхъ яблокъ! Ваша пѣсенка спѣта!“ И объявилъ ей, что контракта не возобновить. Вотъ тутъ-то она и потерялась. На какія только униженія она не готова была пойти? Одна мысль, что она съ такимъ позоромъ должна сойти со сцены, приводила ее въ содроганіе. Она говорила: „я выступлю только одинъ разъ! Я покажу имъ, что мой голосъ ни капли не измѣнилъ мнѣ, я заставлю ихъ преклониться предо мною. И тогда уйду со сцены!“ Знаете, это хорошо, что она заболѣла... Я думаю, что болѣзнь переломить ее... это

бываетъ, вѣдь, что человѣкъ дойдетъ до такого состоянія нравственнаго, что нѣтъ выхода, и тогда болѣзнь — счастье. Она прерываетъ напряженную дѣятельность нервовъ, даетъ имъ отдыхъ... не правда ли?

Андрей Дмитріевичъ слушалъ Оглоблину и приходилъ къ заключенію, что она вовсе не глупа, какъ казалось ему три года тому назадъ, когда Оленька разучивала „Риголетто“. Главное же, что его поражало въ ней, это то, что она оказалась способной на жертву. Въ ней былъ сильно развитъ товарищескій духъ. Она по контракту съ какимъ-то „лѣтнимъ“ антрепренеромъ должна была уже недѣлю тому назадъ уѣхать изъ Г*** на мѣсто своего новаго служенія. Но, узнавъ о болѣзни Оленьки, она осталась, несмотря на то, что ей предстояли непріятности. Она самоотверженно помогала Андрею Дмитріевичу ухаживать за больной, брала къ себѣ въ нумеръ ночевать Любочку, обращалась съ ней нѣжно, любовно, и дѣвочка скоро привязалась къ ней. Безъ Оглоблиной Андрей Дмитріевичъ былъ бы въ большемъ затрудненіи, и онъ не зналъ, какъ отблагодарить ее.

Кто-то осторожно, едва слышно постучалъ въ дверь.

— Это Панютина! тихонько сказала Оглоблина, встала и отперла дверь.

Панютина вошла на цыпочкахъ и присѣла на стулъ. Она навѣщала ихъ по нѣскольку разъ

въ день. Андрей Дмитріевичъ зналъ про нее только, что она служила вмѣстѣ съ Оленькой. Она бѣгала за докторами, съ которыми Бравинъ совѣтовался, ходила въ аптеку и, вообще, была услужлива и очень полезна.

— Спать? спросила она шопотомъ.

Ей кивнули головой. Она перекрестилась.

— Слава Богу! Ахъ, какъ это хорошо вы сдѣлали, что пріѣхали! — Она вздохнула и продолжала печальнымъ голосомъ: — Да, я по себѣ знаю, какъ это тяжело, когда теряешь успѣхъ... Ахъ!... Вѣдь, я все это сама испытала...

Андрей Дмитріевичъ взглянулъ на ее вопросительно.

— Да, да... Вы не знаете... я, вѣдь, въ свое время была извѣстностью... Какъ же? говорили: вотъ новая звѣзда восходитъ!... Поклонники, цвѣты, деньги... Все было у меня. А потомъ вдругъ закрипѣло здѣсь (она указала на горло), задрожало...

Всѣ разомъ обернулись въ ту сторону, гдѣ была драпировка. Любочка выбѣжала оттуда, взволнованная, въ слезахъ, и промолвила дрожащимъ голосомъ:

— Мама проснулась!

Сидѣвшіе въ комнатѣ не видѣли, какъ Ольга Сергѣевна, открывъ глаза въ первый разъ въ сознательномъ состояніи и увидѣвъ около себя Любу, какъ будто все поняла, улыбнулась, при-

тянула дѣвочку къ своей груди и прошептала сквозь слезы:

— Дѣвочка моя . . .

Слезы брызнули изъ глазъ у Любы, и она, цѣлуя горячія губы матери, проговорила чуть слышно:

— Мама, поѣдемъ съ нами! . .

— Поѣдемъ, дѣтка моя! отвѣтила Ольга Сергѣевна, съ усиліемъ прижимая ослабѣвшими руками ея голову къ своей груди.

Дѣвочка осыпала ее поцѣлуями, потомъ выпорхнула изъ ея рукъ и побѣжала къ отцу.

Андрей Дмитріевичъ быстро поднялся и пошелъ къ больной. Ольга Сергѣевна взяла его руку, поднесла къ губамъ своимъ и поцѣловала; слезы лились изъ ея глазъ и мѣшали ей говорить.

— Не волнуйся, Оленька, тебѣ еще вредно это! Выздоровливай, выздоравливай, мой другъ! . . сказалъ онъ, стараясь придать какъ можно больше мягкости своему грубоватому голосу.

А для нея было какое-то наслажденіе слышать этотъ голосъ и чтобы онъ былъ именно такимъ грубоватымъ и суровымъ, какимъ былъ всегда, какимъ она привыкла его слышать. Она чувствовала, что онъ съ нею, и, значить, больше она не одна, и никто не посмѣетъ унижить и оскорбить ее. Ей хотѣлось тутъ же рассказать ему все — и какъ она была несчастна, и какъ она чувствуетъ себя виноватой передъ нимъ и передъ дѣтьми, и какъ она раскаивается и даетъ

себѣ слово никогда больше не покидать ихъ, — все это хотѣлось ей высказать ему разомъ, и такъ великъ былъ наплывъ мыслей и чувствъ, что она не могла промолвить ни слова.

Вечеромъ драпри были раздвинуты. Люба была близъ постели, а Андрей Дмитриевичъ, Оглоблина и Панютина сидѣли за круглымъ столомъ и пили чай. Говорили о Г***, о его скверныхъ улицахъ, объ окрестностяхъ, о погодѣ, выбирали темы спокойныя и безразличныя, боясь чѣмъ-нибудь напомнить больной о музыкѣ, о театрѣ и тѣмъ взволновать ее. Ольга Сергѣевна то открывала, то закрывала глаза отъ слабости, но вслушивалась въ разговоръ и изрѣдка вставляла свое слово.

Разговоръ случайно прекратился, съ полминуты длилось молчаніе.

— А, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ у меня голоса нѣтъ... куда онъ дѣвался? вдругъ раздался слабый голосъ Ольги Сергѣевны изъ-за драпри.

Всѣ тревожно переглянулись и вслушивались въ ея слова. Она продолжала:

— И вотъ что странно. Когда я пѣла, я этого не понимала, а теперь, не знаю, почему, чувствую это...

Тонъ, какимъ она произнесла эти слова, былъ спокойный. Въ немъ не было слышно ни сожалѣнія, ни горечи.

— Богъ съ нимъ, съ голосомъ! осторожно сказалъ Андрей Дмитриевичъ.

— Разумѣтся, Богъ съ нимъ!.. Хотя все-таки жаль!..

Она больше не сказала ни слова про свой голосъ, и для всѣхъ стало ясно, что вмѣстѣ съ выздоровленіемъ у нея, быть-можетъ, зажила и эта рана.

Съ этого дня здоровье Ольги Сергѣевны быстро пошло на улучшеніе.

VI.

Золотисто-прозрачный воздухъ висѣлъ надъ тихой зеркальной поверхностью *lago di Como*. На балконѣ миниатюрной игрушечной виллы, висѣвшемъ надъ самымъ озеромъ, сидѣли за настоящимъ русскимъ самоваромъ оба Бравины, маленькая Люба и фрау Кобденъ, строго и величественно разливавшая чай.

Младшая дѣвочка и мальчуганъ, — оба достигшіе уже того возраста, когда дѣтскія головки хоть изрѣдка уже начинаютъ посѣщать благо-разуміе, — играли въ комнатѣ, и возня ихъ черезъ раскрытую дверь была слышна на балконѣ.

— Какое чудное утро! воскликнулъ Андрей Дмитріевичъ, съ восхищеніемъ вглядываясь въ синія горы, одна надъ другой высившіяся по ту сторону озера. — Не прокатиться ли намъ въ

Миланъ, Оленька? Ты все собиралась посмотри́ть соборъ.

— О, съ наслажденіемъ! отвѣтила Ольга Сергѣевна. — Мы возьмемъ съ собой Любочку, а фрау останется съ маленькими!

Фрау кивнула головой, въ знакъ того, что она одобряетъ комбинацію. Люба, до того очень серьезно относившаяся къ своей чашкѣ съ чаемъ, расцвѣла и выпрыгнула изъ-за стола.

Она была очень похожа на свою мать и лицомъ, и живымъ темпераментомъ. Но живость свою въ послѣдній годъ, когда въ домѣ было все хмуро и печально, и надъ всѣмъ царилъ авторитетъ фрау Кобденъ, въ высшей степени добросовѣстной, но необыкновенно скучной и методической фрау, — она научилась сдерживать, и теперь, подъ вліяніемъ Ольги Сергѣевны, живость эта проявлялась только порывами. Ольга Сергѣевна ни на шагъ не отпускала ее отъ себя. Она любила и другихъ своихъ дѣтей, но въ привязанности ея къ этой дѣвчкѣ было что-то трогательное. Она никогда не могла забыть той сцены, когда, послѣ многодневнаго забытья, она прежде всего увидѣла милое личико дѣвочки, и эти ея простыя слова: „мама, поѣдемъ съ нами!“ — вѣчно звучали въ ея сердцѣ.

Ольга Сергѣевна быстро поправлялась. Щекамъ ея возвратился прежній румянецъ, характеру прежняя веселость. Она никогда не вспоминала о своей артистической карьерѣ, никогда

не подходила къ фортепіано. У нея явилось что-то въ родѣ отвращенія къ музыкѣ. Но она не блѣднѣла и не вздрагивала, когда при ней говорили о какой-нибудь пѣвицѣ, и спокойно проходила мимо, когда на улицѣ попадался бродячій музыкантъ или пѣвецъ.

О своей сценической карьерѣ она думала и нерѣдко говорила мужу, что „это было несчастье, это было сумасшествіе.“

Они собрались очень быстро, и черезъ двадцать минутъ уже мчались въ вагонѣ. Люба съ величайшимъ любопытствомъ смотрѣла по сторонамъ то въ одно окно, то въ другое, и отъ всего приходила въ восторгъ. По этой дорогѣ она ѣздила въ первый разъ. Они осмотрѣли соборъ и затѣмъ завтракали въ улицѣ святой Маргариты. Отсюда они собирались направиться къ вокзалу, но едва прошли двадцать шаговъ, какъ услышали позади себя торопливые шаги и тонкій теноровый голосъ, который окликалъ ихъ по-русски:

— Госпожа Бравина! Ольга Сергѣевна!..

Они всѣ разомъ обернулись назадъ и съ удивленіемъ увидѣли передъ собой Подпоркина. Онъ былъ одѣтъ франтовато, но нѣсколько вольно. На немъ была сѣрая высокая шляпа съ широкими полями и пестрый галстукъ, длинные концы котораго свободно развѣвались поверхъ пальто.

— Ну, вотъ, вы, наконецъ, остановились!..

воскликнулъ онъ, здороваясь съ ними: — а я кричу, кричу... Даже охрипъ...

— Ха, ха, ха, ха!... Это вамъ вредно? неправда-ли? весело сказала Ольга Сергѣевна. — Что-же вы здѣсь дѣлаете, Подпоркинъ? Дебютируете на *la Scala*? а?

— О, нѣтъ! Я кончилъ свой сезонъ и теперь беру уроки у профессора... (онъ назвалъ имя извѣстнаго профессора пѣнія). Я дѣлаю это каждое лѣто!...

— Вотъ какъ — вы ухаживаете за своимъ голосомъ! замѣтилъ Андрей Дмитріевичъ.

— Мой голосъ — это мой капиталъ! Безъ него — я нуль, я долженъ за нимъ ухаживать! отвѣтилъ Подпоркинъ и прибавилъ, обращаясь къ Ольгѣ Сергѣевнѣ: — А вы зимой гдѣ будете пѣть?

Андрей Дмитріевичъ нахмурилъ брови и въ душѣ назвалъ его дуракомъ.

— Я — нигдѣ! просто отвѣтила Ольга Сергѣевна: — я совсѣмъ потеряла голосъ!

— Неужели совсѣмъ? Ахъ, какъ это ужасно! съ искреннимъ сожалѣніемъ воскликнулъ Подпоркинъ. Если-бы я потерялъ голосъ, — я... я-бы повѣсился...

Ольга Сергѣевна разсмѣялась.

— Ну, вы и не потеряете его. Вы слѣдите за нимъ наяву и во снѣ... А Оглоблина поетъ въ Одессѣ, знаете? Тамъ лѣтняя опера... Она

въ августѣ прїѣдетъ къ намъ на lago di Como... Мы съ ней очень подружились...

Они побесѣдовали съ полчаса. Подпоркинъ проводилъ ихъ до вокзала и просилъ позволенія побывать у нихъ на озерѣ.

— Вотъ, сказала Ольга Сергѣевна, когда они ѣхали обратно: — если-бъ ты видѣлъ этого Подпоркина, когда онъ поступилъ въ школу. Онъ не зналъ, какъ ступить, какъ сѣсть. Не умѣлъ двухъ словъ связать. Вѣдь, онъ прежде былъ обойщикомъ по ремеслу. А посмотри, какъ выходился. Какъ благородно выступаетъ, какъ самоувѣренно говорить. Въ немъ нѣтъ ничего артистическаго, онъ холоденъ и безчувственъ, какъ дерево! Но умѣетъ скаречничать своимъ голосомъ... Никогда не увлечется, никогда не дастъ лишней ноты... ну, и сохранить голосъ до старости...

— Это оттого, мой другъ, что онъ обойщикъ!... замѣтилъ Андрей Дмитріевичъ.

— Да, это правда: истинный обойщикъ, а не истинный артистъ!.. Истинный артистъ увлекается, дѣлаетъ ошибки, забываетъ обо всемъ на свѣтѣ... А истинный обойщикъ все мѣряетъ на аршины, четверти и вершки... — Она помолчала и прибавила: — Однако, какимъ далекимъ прошлымъ кажется мнѣ все это... И словно оно было во снѣ, или кто-нибудь разсказалъ мнѣ страшную сказку!..

Она тотчасъ-же весело заговорила о томъ,

какъ они проведутъ еще мѣсяцъ на озерѣ вмѣстѣ съ Оглоблиной, которая пріѣдетъ на-дняхъ, и затѣмъ поѣдутъ домой, въ свою старую квартиру.

„Все прошло, все кончилось, вывѣтрился весь угаръ, — слава Богу! думалъ Андрей Дмитріевичъ, спокойнымъ взглядомъ осматривая окрестности въ узкое окно вагона: — Теперь начнется спокойная, разумная жизнь!..“

Въсвѣдѣніи о томъ, что въ 1812 году
въ Москвѣ было 100 тысячъ жителей,
и что въ 1813 году было 120 тысячъ,
и что въ 1814 году было 140 тысячъ.

Въ 1815 году было 160 тысячъ,
и въ 1816 году было 180 тысячъ,
и въ 1817 году было 200 тысячъ,
и въ 1818 году было 220 тысячъ,
и въ 1819 году было 240 тысячъ,
и въ 1820 году было 260 тысячъ.

ЖЕНА.

Разсказъ

АНТОНЪ ЧЕХОВЪ.

J. E. H. A.

RECEIVED

ALFRED P. RYAN

I.

Я получилъ такое письмо:

„Милостивый государь, Павель Андреевичъ! Недалеко отъ васъ, а именно въ деревнѣ Пестровѣ происходятъ прискорбные факты, о которыхъ считаю долгомъ сообщить. Всѣ крестьяне этой деревни продали избы и все свое имущество и переселились въ Томскую губернію, но не доѣхали и возвратились назадъ. Здѣсь понятно у нихъ ничего уже нѣтъ, все теперь чужое, поселились они по три и четыре семьи въ одной избѣ, такъ что населеніе каждой избы не менѣе 15 человѣкъ обоего пола, не считая малыхъ дѣтей, и въ концѣ концовъ ѣсть нечего, голодъ, поголовная эпидемія голоднаго или сыпного тифа; всѣ буквально больны. Фельдшерица говоритъ: придешь въ избу и что видишь? Всѣ больны, всѣ бредятъ, кто хохочетъ, кто на стѣну лѣзетъ; въ избахъ смрадъ, ни воды подать, ни принести ее некому, а пищей служить одинъ мерзлый картофель. Фельдшерица и Соболевъ (нашъ земскій врачъ) что могутъ сдѣлать, когда имъ прежде лекарства надо хлѣба, котораго они не имѣютъ?

Управа земская отказывается тѣмъ, что они уже выписаны изъ этого земства и числятся въ Томской губерніи, да и денегъ нѣтъ. Сообщая объ этомъ вамъ и зная вашу гуманность, прошу, не откажите въ скорѣйшей помощи. Вашъ доброжелатель“.

Очевидно, писала сама фельдшерица, или этотъ докторъ, имѣющій звѣриную фамилію. Земскіе врачи и фельдшерицы въ продолженіи многихъ лѣтъ изо дня въ день убѣждаются, что они *ничего* не могутъ сдѣлать, и все-таки получаютъ жалованье съ людей, которые питаются однимъ мерзлымъ картофелемъ, и все-таки почему-то считают себя вправѣ судить, гуманенъ я или нѣтъ.

Обезпокоенный анонимнымъ письмомъ и тѣмъ, что каждое утро какіе-то мужики приходили въ людскую кухню и становились тамъ на колѣни, и тѣмъ, что ночью изъ амбара вытащили двадцать кулей ржи, сломавъ предварительно стѣну, и общимъ тяжелымъ настроеніемъ, которое поддерживалось разговорами, газетами и дурной погодой — обезпокоенный всѣмъ этимъ, я работалъ вяло и неуспѣшно. Я писалъ „Исторію желѣзныхъ дорогъ“; нужно было прочесть множество русскихъ и иностранныхъ книгъ, брошюръ, журнальныхъ статей, нужно было щелкать на счетахъ, перелистывать логариѣмы, думать и писать, потомъ опять читать, щелкать и думать; но едва я брался за книгу, или на-

чиналъ думать, какъ мысли мои путались, глаза жмурились, я со вздохомъ вставалъ изъ-за стола и начиналъ ходить по большимъ комнатамъ своего пустынного деревенскаго дома. Когда надоѣдало ходить, я останавливался въ кабинетѣ у окна и, глядя черезъ свой широкій дворъ, черезъ прудъ и голый молодой березнякъ, и черезъ большое поле, покрытое недавно выпавшимъ, тающимъ снѣгомъ, я видѣлъ на горизонтѣ на холмѣ кучу бурыхъ избъ, отъ которыхъ по бѣлому полю спускалась внизъ неправильной полосою черная грязная дорога. Это было Пестрово, то самое, о которомъ писалъ мнѣ анонимный авторъ. Если бы не вороны, которыя, предвѣщая дождь или снѣжную погоду, съ крикомъ носились надъ прудомъ и полемъ, и если бы не стукъ въ плотницкомъ сараѣ, то этотъ мірокъ, о которомъ теперь такъ много шумятъ, казался бы похожимъ на Мертвое озеро, — такъ все здѣсь тихо, неподвижно, безжизненно и скучно!

Работать и сосредоточиться мѣшало мнѣ безпокойство; я не зналъ, что это такое, и хотѣлъ думать, что это разочарованіе. Въ самомъ дѣлѣ, оставилъ я службу по министерству путей сообщенія и пріѣхалъ сюда въ деревню, чтобы жить въ покоѣ и заниматься литературой по общественнымъ вопросамъ. Это была моя давнишняя, завѣтная мечта. А теперь нужно было проститься и съ покоемъ, и съ литературой, оставить все и заняться одними только мужи-

ками. И это было неизбежно, потому что кромѣ меня, какъ я былъ убѣжденъ, въ этомъ уѣздѣ положительно не кому было помочь голодающимъ. Окружали меня люди необразованные, неразвитые, равнодушные, въ громадномъ большинствѣ нечестные, или-же честные, но взбаломошные и не серьезные, какъ, напримѣръ, моя жена. Положиться на такихъ людей было нельзя, оставить мужиковъ на произволъ судьбы было тоже нельзя, значитъ, оставалось покориться необходимости и самому заняться приведеніемъ мужиковъ въ порядокъ.

Началъ я съ того, что рѣшилъ пожертвовать въ пользу голодающихъ пять тысячъ рублей серебромъ. И это не уменьшило, а только усилило мое безпокойство. Когда я стоялъ у окна или ходилъ по комнатамъ, меня мучилъ вопросъ, котораго раньше не было: какъ распорядиться этими деньгами? Приказать купить хлѣба, пойти по избамъ и раздавать — это не подъ силу одному человѣку, не говоря уже о томъ, что второпяхъ рискуешь дать сытому или кулаку вдвое больше, чѣмъ голодному. Администраціи я не вѣрилъ. Всѣ эти земскіе начальники и податные инспектора были люди молодые и къ нимъ относился я недовѣрчиво, какъ ко всей современной молодежи, матеріалистической и не имѣющей идеаловъ. Земская управа, волостныя правленія и всѣ вообще уѣздныя канцеляріи тоже не внушали мнѣ ни малѣйшаго желанія обра-

титься къ ихъ помощи. Я зналъ, что эти учрежденія, присосавшіяся къ земскому и казенному пирогу, каждый день держали свои рты на-готовѣ, чтобы присосаться къ какомунибудь еще третьему пирогу.

Мнѣ приходило на мысль пригласить къ себѣ сосѣдей-помѣщиковъ и предложить имъ организовать у меня въ домѣ что-нибудь въ родѣ комитета, или центра, куда-бы стекались всѣ пожертвованія и откуда по всему уѣзду давались бы пособія и распоряженія; такая организація, допускавшая частыя совѣщанія и широкій свободный контроль, вполнѣ отвѣчала моимъ взглядамъ, но я воображалъ закуски, обѣды, ужины и тотъ шумъ, праздность, говорливость и дурной тонъ, какіе неминуемо внесла-бы въ мой домъ эта пестрая уѣздная компанія, и спѣшилъ отказаться отъ своей мысли.

Что касается моихъ домашнихъ, то ждать отъ нихъ помощи или поддержки я могъ меньше всего. Отъ моей первой, отцовской, когда-то большой и шумной семьи уцѣлѣла одна только гувернантка m-lle Marie, или какъ ее звали теперь, Марья Герасимовна, личность совершенно ничтожная. Эта маленькая, аккуратная старушка, лѣтъ семидесяти, одѣтая въ свѣтло-сѣрое платье и чепецъ съ бѣлыми лентами, похожая на фарфоровую куклу, всегда сидѣла въ гостиной и читала книгу. Когда я проходилъ мимо нея, она, зная причину моего раздумья, всякій разъ говорила:

— Что-же вы хотите, Паша? Я и раньше говорила, что это такъ будетъ. Вы по нашей прислугѣ можете судить.

— Ахъ, не говорите глупостей! кричалъ я ей изъ другой комнаты.

Моя вторая семья, то есть жена Наталья Гавриловна, жила въ нижнемъ этажѣ, въ которомъ занимала всѣ комнаты. Обѣдала, спала и гостей своихъ принимала она у себя внизу, совершенно не интересуясь тѣмъ, какъ обѣдаю, какъ сплю и кого принимаю я. Отношенія наши были просты и не натянуты, но холодны, безсодержательны и скучны, какъ у людей, которые давно уже далеки другъ другу, такъ что даже ихъ жизнь въ смежныхъ этажахъ не походила на близость. Любви страстной, безпокойной, то сладкой, то горькой, какъ полынь, какую прежде возбуждала во мнѣ Наталья Гавриловна, уже не было; не было уже и прежнихъ вспышекъ, громкихъ разговоровъ, попрековъ, жалобъ и тѣхъ взрывовъ ненависти, которые оканчивались обыкновенно со стороны жены поѣздкой за границу, или къ роднымъ, а съ моей стороны — посылкой денегъ понемногу, но почаще, чтобы чаще жалить самолюбіе жены. (Моя гордая, самолюбивая жена и ея родня живутъ на мой счетъ, и жена при всемъ своемъ желаніи не можетъ отказаться отъ моихъ денегъ — это доставляло мнѣ удовольствіе и было единственнымъ утѣшеніемъ въ моемъ торѣ). Теперь, когда мы слу-

чайно встрѣчались внизу въ корридорѣ, или на дворѣ, я кланялся, она привѣтливо улыбалась; говорили мы о погодѣ, о томъ, что, кажется, пора уже вставлять двойныя рамы и что кто-то со звонками по плотинѣ проѣхалъ, и въ это время я читалъ на ея лицѣ: „Я вѣрна вамъ и не порочу вашего честнаго имени, которое вы такъ любите, вы умны и не беспокоите меня — мы квиты“.

Я увѣрялъ себя, что любовь давно уже во мнѣ засохла и что работа слишкомъ глубоко захватила меня, чтобы я могъ серьезно думать о своихъ отношеніяхъ къ женѣ. Но это вздоръ. Когда жена громко разговаривала внизу, я внимательно прислушивался къ ея голосу, хотя нельзя было разобрать ни одного слова. Когда она играла внизу на рояли, я вставалъ и слушалъ. Когда ей подавали экипажъ или верховую лошадь, я подходилъ къ окну и ждалъ, когда она выйдетъ изъ дому, потомъ смотрѣлъ, какъ она садилась въ коляску, или на лошадь, и какъ выѣзжала со двора. Я чувствовалъ, что у меня въ душѣ происходитъ что-то неладное, и боялся, что выраженіе моего взгляда и лица можетъ выдать меня. Я провожалъ жену глазами и потомъ ожидалъ ея возвращенія, чтобы опять увидѣть въ окно ея лицо, плечи, шубку, шляпку; мнѣ было скучно, грустно, безконечно жаль чего-то, и хотѣлось въ ея отсутствіе пройтись по ея комнатамъ, и хотѣлось, чтобы вопросъ,

который я и жена не съумѣли рѣшить, потому что не сошлись характерами, поскорѣе-бы рѣшился самъ собою, естественнымъ порядкомъ, т. е. поскорѣе-бы эта красивая, 27-лѣтняя женщина состарилась и поскорѣе-бы моя голова стала сѣдой и лысой.

Однажды во время завтрака мой прикащикъ Владиміръ Прохорычъ доложилъ мнѣ, что Пестровскіе мужики стали уже сдирать соломенные крыши, чтобы кормить скотъ. Марья Герасимовна смотрѣла на меня со страхомъ и недоумѣніемъ.

— Что-же я могу сдѣлать? сказалъ я ей.
— Одинъ въ полѣ не воинъ, а я еще никогда не испытывалъ такого одиночества, какъ теперь. Я-бы дорого далъ, чтобы найти во всемъ уѣздѣ хоть одного человѣка, на котораго я могъ-бы положиться.

— А вы пригласите Ивана Ивановича, сказала Марья Герасимовна.

— Въ самомъ дѣлѣ! вспомнилъ я и обрадовался. — Это идея! *C'est raison*, запѣлъ я, идя къ себѣ въ кабинетъ, чтобы написать письмо Ивану Ивановичу. — *C'est raison, c'est raison ...*

II.

Изъ всей массы знакомыхъ, которые когда-то, лѣтъ 25—35 назадъ, плясали въ этомъ домѣ, пили, ѣли, пріѣзжали ряжеными, влюблялись, женились, надоѣдали разговорами о своихъ великолѣпныхъ сворахъ и лошадахъ, остался въ живыхъ одинъ только Иванъ Ивановичъ Брагинъ. Когда-то онъ былъ очень дѣятеленъ, болтливъ, крикливъ и влюбчивъ, и славился своимъ крайнимъ направленіемъ и какимъ-то особеннымъ выраженіемъ лица, которое очаровывало не только женщинъ, но и мужчинъ; теперь-же онъ совсѣмъ постарѣлъ, заплылъ жиромъ и доживалъ свой вѣкъ безъ направленія и выраженія. Пріѣхалъ онъ на другой день по полученіи отъ меня письма, вечеромъ, когда въ столовой только что подали самоваръ и маленькая Марья Герасимовна рѣзала лимонъ.

— Очень радъ васъ видѣть, мой другъ, сказалъ я весело, встрѣчая его. — А вы все полнѣете!

— Это я не полнѣю, а распухъ, отвѣтилъ онъ. — Меня пчелы покусали.

Съ фамиллярностью человѣка, который самъ смѣется надъ своею толщиной, онъ взялъ меня обѣими руками за талію и положилъ мнѣ на грудь свою мягкую большую голову съ волосами, зачесанными на лобъ по-хохлацки, и залился тонкимъ, старческимъ смѣхомъ.

— А вы все молодѣете! выговорилъ онъ сквозь смѣхъ. — Не знаю, какой это вы краской голову и бороду красите, мнѣ-бы дали. — Онъ, сопя и задыхаясь, обнялъ меня и поцѣловалъ въ щеку. — Мнѣ-бы дали... повторилъ онъ. — Да вамъ, родной мой, есть сорокъ?

— Ого, уже сорокъ шесть! засмѣялся я.

Отъ Ивана Ивановича пахло свѣчнымъ саломъ и кухоннымъ дымомъ, и это шло къ нему. Его большое, распухшее, неповоротливое тѣло было стянуто въ длинный сюртукъ, похожій на кучерской кафтанъ, съ крючками и съ петлями вмѣсто пуговицъ и съ высокой таліей, и было-бы странно, если-бы отъ него пахло, напримѣръ, одеколономъ. Въ двойномъ, давно не бритомъ, сизомъ, напоминавшемъ речейникъ подбородкѣ, въ выпученныхъ глазахъ, въ одышкѣ и во всей неуклюжей, неряшливой фигурѣ, голосѣ, смѣхѣ и въ рѣчахъ трудно было узнать того стройнаго, интереснаго краснобая, къ которому когда-то уѣздные мужья ревновали своихъ женъ.

— Вы мнѣ очень нужны, мой другъ, сказалъ я, когда мы уже сидѣли въ столовой и пили чай. — Хочется мнѣ организовать какую-нибудь помощь для голодающихъ, и я не знаю, какъ за это приняться. Такъ вотъ, быть можетъ, вы будете любезны, посоветуете что-нибудь.

— Да, да, да... сказалъ Иванъ Ивановичъ, вздыхая. — Такъ, такъ, такъ...

— Я-бы васъ не беспокоилъ, но, право, кро-

мѣ васъ, милѣйшій, тутъ положительно не къ кому обратиться. Вы знаете, какіе тутъ люди.

— Такъ, такъ, такъ... Да...

Я подумалъ: предстояло совѣщаніе серьезное и дѣловое, въ которомъ могъ принимать участіе всякій, независимо отъ мѣста и личныхъ отношеній, а потому не воспользоваться-ли этимъ предлогомъ и не пригласить-ли Наталью Гавриловну? Мысль, что она можетъ прійти и будетъ сидѣть у меня и я буду ее видѣть вблизи, поразила меня и испугала: а вдругъ она не придетъ!

— *Tres faciunt collegium!* сказалъ я весело. — Что, если-бы мы пригласили Наталью Гавриловну? Какъ вы думаете? Оня, обратился я къ горничной, — попросите Наталью Гавриловну пожаловать къ намъ навѣрхъ, если можно, сію минуту. Скажите: очень важное дѣло.

Немного погодя, пришла Наталья Гавриловна. Я поднялся ей навстрѣчу и сказалъ:

— Простите, *Natalie*, что мы беспокоимъ васъ. Мы толкуемъ здѣсь объ одномъ очень важномъ дѣлѣ и намъ пришла счастливая мысль воспользоваться вашимъ добрымъ совѣтомъ, въ которомъ вы намъ не откажете. Садитесь, прошу васъ.

Иванъ Ивановичъ поцѣловалъ у Натальи Гавриловны руку, а она его въ голову, потомъ когда всѣ сѣли за столъ, онъ, слезливо и блаженно глядя на нее, потянулся къ ней и опять поцѣ-

ловаль руку. Одѣта она была въ черное и старательно причесана, и пахло отъ нея свѣжими духами: очевидно, собралась въ гости, или ждала къ себѣ кого-нибудь. Входя въ столовую, она просто и дружески протянула мнѣ руку и улыбалась мнѣ такъ-же привѣтливо, какъ и Ивану Ивановичу — это понравилось мнѣ; но она, разговаривая, жестикулировала пальцами, часто и рѣзко откидывалась на спинку стула и говорила быстро, на пѣвучій, щебечущій манеръ, какъ итальянка, и эта нервность въ рѣчахъ и движеніяхъ раздражала меня и напоминала мнѣ ея родину — Одессу, гдѣ общество мужчинъ и женщинъ когда-то утомляло меня своимъ дурнымъ тономъ.

— Я хочу сдѣлать что-нибудь для голодающихъ, началъ я; помолчавъ немного, я продолжалъ: — деньги, разумѣется, великое дѣло, но ограничиться однимъ только денежнымъ пожертвованіемъ и на этомъ успокоиться, значило-бы откупиться отъ главнѣйшихъ заботъ. Помощь должна заключаться въ деньгахъ, но главнымъ образомъ въ правильной и серьезной организаціи. Давайте-же подумаемъ, господа, и сдѣлаемъ что нибудь.

Наталья Гавриловна вопросительно посмотрѣла на меня и пожала плечами, какъ-бы желая сказать: „Что-же я знаю“?

— Да, да, голодъ... забормоталъ Иванъ Ивановичъ. Дѣйствительно... Да...

— Положеніе серьезное, сказалъ я, — и помощь нужна скорѣйшая. Полагаю, пунктомъ первымъ тѣхъ правилъ, которыя намъ предстоитъ выработать, должна быть именно скорость. По военному: глазомѣръ, быстрота и натискъ.

— Да, быстрота... проговорилъ Иванъ Ивановичъ сонно и вяло, какъ будто засыная. — Только ничего не подѣлаешь. Земля не уродила, такъ что ужъ тутъ... никакимъ глазомѣромъ и натискомъ ее не проймешь... Стихія... Противъ Бога и судьбы не пойдешь...

— Да, но вѣдь человѣку дана голова, чтобы бороться со стихіями.

— А? Да... Это такъ, такъ... Да.

Иванъ Ивановичъ чихнулъ въ платокъ, ожилъ и, какъ будто только что проснулся, оглядѣлъ меня и жену.

— У меня тоже ничего не уродило! засмѣялся онъ тонкимъ голоскомъ и хитро подмигнулъ, какъ будто это въ самомъ дѣлѣ было очень смѣшно. — Денегъ нѣтъ, хлѣба нѣтъ, а работниковъ полонъ дворъ, какъ у графа Шереметьева. Хочу по шеямъ разогнать, да жалко какъ будто.

Наталья Гавриловна засмѣялась и стала спрашивать Ивана Ивановича объ его домашнихъ дѣлахъ. Ея присутствіе доставляло мнѣ удовольствіе, какого я уже давно не испытывалъ, и я боялся смотрѣть на нее, чтобы мой боготворящій, или восторженный взглядъ какъ нибудь

не выдалъ моего скрытаго чувства. Наши отношенія были таковы, что это чувство могло бы показаться неожиданнымъ и смѣшнымъ. Жена говорила съ Иваномъ Ивановичемъ и смѣялась, нисколько не смущаясь тѣмъ, что она у меня и что я не смѣюсь; ея щека, смѣющійся глазъ (она сидѣла ко мнѣ въ профиль) и движенія головы говорили мнѣ: — „Для вашего и моего спокойствія я рѣшила при всѣхъ обстоятельствахъ не замѣчать васъ“.

— И такъ, господа, что-же мы сдѣлаемъ? спросилъ я, выждавъ паузу. — Полагаю, мы прежде всего, по возможности скорѣе, объявимъ подписку. Мы, Natalie, напишемъ нашимъ столичнымъ и одесскимъ знакомымъ и привлечемъ ихъ къ пожертвованіямъ. Когда-же у насъ соберется мала толика, мы займемся покупкой хлѣба и корма для скота, а вы, Иванъ Ивановичъ, будете добры, займетесь распредѣленіемъ пособій. Во всемъ полагаясь на присушіе вамъ тактъ и распорядительность, мы со своей стороны позволимъ себѣ только выразить желаніе, чтобы вы, прежде чѣмъ выдавать пособіе, подробно знакомились на мѣстѣ со всѣми обстоятельствами дѣла, а также, что очень важно, имѣли-бы наблюденіе, чтобы хлѣбъ былъ выдаваемъ только истинно нуждающимся, но отнюдь не пьяницамъ, не лѣнтяямъ и не кулакамъ.

— Да, да, да... забормоталъ Иванъ Ивановичъ. — Такъ, такъ, такъ... Надоѣли мнѣ эти

голодающіе, ну ихъ! Бѣжалъ-бы на край свѣта, кажется.

— „Ну, съ этой слюнявой развалиной каши не сваришь“, подумалъ я и почувствовалъ раздраженіе.

— И все обижаются, и все обижаются, продолжалъ Иванъ Ивановичъ, обсасывая лимонную корку. — Голодные обижаются на сытыхъ. И тѣ, у кого есть хлѣбъ, обижаются на голодныхъ. Да... Теперь нельзя обижаться, снисходить надо... Съ голоду человѣкъ шалѣетъ, дурѣетъ, становится дикій. Голодъ не картошка. Бывало, съ охоты вернешься домой голодный, родной матери грубишь... Да... Голодный и грубости говорить, и воруетъ, и, можетъ, еще что похуже... Понимать надо.

Иванъ Ивановичъ поперхнулся чаемъ, закашлялся и весь затрясся отъ скрипучаго, удушливаго смѣха.

— Было дѣло подъ По... полтавой! выговорилъ онъ, отмахиваясь обѣими руками отъ смѣха и кашля, которые мѣшали ему говорить. — Было дѣло подъ Полтавой! Когда года черезъ три послѣ воли былъ тутъ въ двухъ уѣздахъ голодъ, пріѣзжаетъ ко мнѣ покойничекъ Федоръ Федорычъ и зоветъ къ себѣ. Поѣдемъ, да поѣдемъ — присталъ, какъ съ ножомъ къ горлу. Отчего-жъ? Поѣдемъ, говорю. Ну, взяли и поѣхали. Дѣло было къ вечеру, снѣжокъ шелъ. Подъѣзжаемъ уже ночью къ его усадьбѣ и

вдругъ изъ лѣсу: бацъ! и въ другой разъ: бацъ! Ахъ, ты шутъ тебя... Выскочилъ я изъ саней, гляжу — въ потемкахъ на меня человѣкъ бѣжитъ и по колѣна въ снѣгу грузнетъ; я его обхватилъ рукой за плечи, вотъ этакъ, и выбилъ изъ рукъ ружьишко, потомъ другой подвернулся, я его по затылку урѣзалъ, такъ что онъ крякнулъ и въ снѣгъ носомъ ткнулся — здоровый я тогда былъ, рука тяжелая; я съ двумя управился, гляжу, а Федя уже на третьемъ верхомъ сидитъ. Задержали мы трехъ молодчиковъ, ну, скрутили имъ назадъ руки, чтобъ какого зла намъ и себѣ не сдѣлали, и привели дураковъ въ кухню. И зло на нихъ беретъ, и глядѣть стыдно: мужики-то знакомые и народъ хорошій, жалко. Совсѣмъ одурѣли съ перепугу. Одинъ плачетъ и прощенія просить, другой звѣремъ глядитъ и ругается, третій сталъ на колѣнки и Богу молится. Я и говорю Федѣ: не обижайся, отпусти ты ихъ подлецовъ! Онъ накормилъ ихъ, далъ по пуду муки и отпустилъ: ступайте къ шуту! Такъ вотъ какъ... Царство небесное, вѣчный покой. Понималъ и не обижался, а были, которые обижались, и сколько народу перепортили! Да... Изъ-за одного Клочковского кабака одиннадцать человѣкъ въ арестантскія роты пошло. Да... И теперь, гляди, тоже самое будетъ. Въ четвергъ у меня ночевалъ слѣдователь Анисѣинъ, такъ вотъ онъ рассказывалъ про какого-то помѣщика... Да... Ночью у помѣщика разобрали стѣну въ амбарѣ

и вытащили двадцать кулей ржи. Когда утромъ помѣщикъ узналъ, что у него такой криминалъ случился, то сейчасъ бухъ губернатору телеграмму, потомъ другую бухъ прокурору, третью исправнику, четвертую слѣдователю... Известно, кляузниковъ боятся... Начальство всполошилось и началась катавасія. Двѣ деревни обыскали.

— Позвольте, Иванъ Ивановичъ, сказалъ я. — Двадцать кулей ржи украли у меня и это я телеграфировалъ губернатору. Я и въ Петербургъ телеграфировалъ. Но это вовсе не изъ любви къ кляузничеству, какъ вы сказали, и не потому, что я обижался. На всякое дѣло я прежде всего смотрю съ принципіальной стороны. Крадетъ-ли сытый или голодный — для закона безразлично.

— Да, да... забормоталъ Иванъ Ивановичъ, смутившись. — Конечно... Такъ, да...

Наталья Гавриловна покраснѣла.

— Есть люди... сказала она и остановилась; она сдѣлала надъ собой усиліе, чтобы казаться равнодушной и молчать, но не выдержала и посмотрѣла мнѣ въ глаза съ ненавистью, которая мнѣ была такъ знакома. — Есть люди, сказала она, для которыхъ голодъ и человѣческое горе существуютъ только для того, чтобы можно было срывать на нихъ свой дурной, ничтожный характеръ.

Я смутился и пожалъ плечами.

— Я хочу сказать вообще, породолжала

она, — есть люди совершенно равнодушные, лишенные всякаго чувства состраданія, но которые не проходят мимо человѣческаго горя и вмѣшиваются изъ страха, что безъ нихъ могутъ обойтись. Для ихъ тщеславія нѣтъ ничего святого.

— Есть люди, сказалъ я мягко, но съ не-пріятной, натянутой улыбкой, которой я самъ не любилъ у себя. — Есть люди, которые обладаютъ ангельскимъ характеромъ, но выражаютъ свои великолѣпныя мысли въ такой формѣ, что бываетъ трудно отличить ангела отъ базарной торговли.

Прошли минуты двѣ въ молчаніи. Съ лица жены уже сошла сплошная краска и выступили на немъ багровыя пятна. Она поглядывала на меня такъ, какъ будто ей стоило большихъ усилій, чтобы молчать. Ея внезапная вспышка и затѣмъ неумѣстное краснорѣчіе по поводу моего желанія помочь голодающимъ оскорбили меня; когда я приглашалъ ее наверхъ, я ожидалъ совершенно иного отношенія къ себѣ и къ своимъ намѣреніямъ. Не могу сказать опредѣленно, чего я ожидалъ, но ожиданіе пріятно волновало меня. Теперь-же я видѣлъ, что продолжать говорить о голодающихъ было-бы тяжело и глупо.

— Да... забормоталъ некстати Иванъ Ивановичъ. — У купца Бурова тысячъ четыреста есть, а, можетъ, и больше. Я ему и говорю: — „Отвали-ка, тезка, голодающимъ тысячъ сто, или

двѣсти. Все равно помирать будешь, на тотъ свѣтъ съ собой не возьмешь“. Обидѣлся. А помирать-то вѣдь надо. Смерть не картошка.

Опять наступило молчаніе.

— И такъ, значить, остается одно: мириться съ одиночествомъ, вздохнулъ я. — Одинъ въ полѣ не воинъ. Ну, что-жъ? Попробую и одинъ воевать. Авось война съ голодомъ будетъ болѣе успѣшна, чѣмъ война съ равнодушіемъ.

— Меня внизу ждуть, сказала Наталья Гавриловна; она встала изъ-за стола и обратилась къ Ивану Ивановичу: — Такъ вы придете ко мнѣ внизъ на минутку. Я не прощаюсь съ вами.

И ушла. По ея лицу, голосу и походкѣ я видѣлъ, что у нея начинался припадокъ ненависти ко мнѣ. Это была уже не та спокойная, холодная и тактичная Наталья Гавриловна, которую я привыкъ видѣть мелькомъ въ послѣдніе два года, а беспокойная, характерная, ненавидящая и дурно воспитанная жена, которую я зналъ два года тому назадъ. Какая муха ее вдругъ укусила? Что за причина?

Иванъ Ивановичъ пилъ уже седьмой стаканъ, задыхаясь, чмокая и обсасывая то усы, то лимонную корку. Онъ сонно и вяло бормоталъ о чемъ-то, а я не слушалъ и ждалъ, когда онъ уйдетъ. Наконецъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто онъ пріѣхалъ ко мнѣ только затѣмъ, что-

бы напиться чаю, онъ поднялся и сталъ прощаться. Провожая его, я сказалъ:

— И такъ, вы не дали мнѣ никакого совѣта.

— А? Я человѣкъ сырой, отупѣлъ, отвѣтилъ онъ — какіе мои совѣты? И вы напрасно беспокоитесь... Не знаю, право, отчего вы беспокоитесь? Не безпокойтесь, голубчикъ! Ей Богу ничего нѣтъ... зашепталъ онъ ласково и искренно, успокаивая меня, какъ ребенка. — Ей Богу ничего.

Какъ-же ничего? Мужики сдираютъ съ избъ крыши и уже, говорятъ, гдѣ-то тифъ...

— Ну такъ что-же? Въ будущемъ году уродить, будутъ новыя крыши, а если помремъ отъ тифа, то послѣ насъ другіе люди жить будутъ. И все равно помирать надо, не теперь, такъ послѣ. Ей Богу ничего... Не безпокойтесь, красавецъ.

— Я не могу не беспокоиться, сказалъ я раздраженно.

Мы стояли въ слабоосвѣщенной передней. Иванъ Ивановичъ вдругъ взялъ меня за локоть и, собираясь сказать что-то, повидимому, очень важное, съ полминуты молча смотрѣлъ на меня.

— Павелъ Андреичъ! сказалъ онъ тихо, и на его жирномъ, застывшемъ лицѣ и въ темныхъ глазахъ вдругъ вспыхнуло то особенное выраженіе, которымъ онъ когда-то славился, въ самомъ дѣлѣ очаровательное. — Павелъ Андреичъ, скажу я вамъ по-дружески: перемѣните вашъ характеръ! Тяжело съ вами! Голубчикъ, тяжело!

Онъ пристально посмотрѣлъ мнѣ въ лицо, прекрасное выраженіе потухло, взглядъ потускнѣлъ, и онъ забормоталъ вяло и сопя:

— Да, да... Извините старика... Чепухенція... Да...; тяжело спускаясь внизъ по лѣстницѣ, растопыривъ руки для баланса и показывая мнѣ свою жирную, громадную спину и красный затылокъ, онъ давалъ непріятное впечатлѣніе какого-то краба, или каракатицы. — Бхали-бы вы куда-нибудь, ваше превосходительство, — бормоталъ онъ. — Въ Петербургъ, или за границу... Зачѣмъ вамъ тутъ жить и золотое время терять? Человѣкъ вы молодой, здоровый, богатый... Да... Эхъ, будь я помоложе, улепетнулъ-бы, какъ заяцъ, и только-бы въ ушахъ засвистѣло!

III.

Вспышка жены напомнила мнѣ нашу супружескую жизнь. Прежде, обыкновенно, послѣ всякой вспышки насъ непреодолимо тянуло другъ къ другу, мы сходились и пускали въ ходъ весь динамитъ, какой съ теченіемъ времени скоплялся въ нашихъ душахъ. И теперь, послѣ ухода Ивана Ивановича, меня сильно потянуло къ женѣ. Мнѣ хотѣлось сойти внизъ и сказать ей, что ея поведеніе за чаемъ оскорбило меня, что она

жестока, не интеллигентна, мелочна и что со своимъ мѣщанскимъ умомъ она никогда не возвышалась до пониманія того, что я говорю и что я дѣлаю. Я долго ходилъ по комнатамъ, придумывая фразы, какія скажу ей, и угадывая то, что она мнѣ отвѣтитъ. Потомъ я соображалъ, что, такъ какъ жена меня теперь ненавидитъ, то ей пріятно будетъ видѣть меня жестокимъ, грубымъ и тоже ненавидящимъ, и наоборотъ, я непріятно уязвлю ее, если вдругъ послѣ вспышки явлюсь передъ нею веселымъ, добрымъ, великодушнымъ. „Скажу ей такъ, думалъ я: вы молоды и прекрасны, а я уже старъ... Забудьте обо мнѣ, если можно, и будьте счастливы!“ Или же объявлю ей, что я жертвую голодающимъ пять тысячъ рублей. Ахъ, какъ бы это пришлось ей не по вкусу!

То безпокойство, которое томило меня въ послѣднее время, въ этотъ вечеръ, когда ушелъ Иванъ Ивановичъ, я чувствовалъ въ какой-то особенной раздражающей формѣ. Я не могъ ни сидѣть, ни стоять, а ходилъ и ходилъ, причемъ выбиралъ только освѣщенные комнаты и держался ближе той, въ которой сидѣла Марья Герасимовна. Было чувство, очень похожее на то, какое я испытывалъ однажды на Нѣмецкомъ морѣ во время бури, когда всѣ боялись, что пароходъ, не имѣвшій груза и балласта, опрокинется. И въ этотъ вечеръ я понималъ, что мое безпокойство было не разочарованіе, какъ я ду-

малъ раньше, а что-то другое, но что именно, я не понималъ, и это меня еще больше раздражало.

— Пойду къ ней, рѣшилъ я. — А предлогъ можно выдумать. Скажу, что мнѣ понадобился Иванъ Ивановичъ, вотъ и все.

Я спустился внизъ, и по коврамъ, не торопясь, прошелъ переднюю и залу. Иванъ Ивановичъ сидѣлъ въ гостиной на диванѣ, опять пилъ чай и бормоталъ. Жена стояла противъ него, держась за спинку кресла. На лицѣ у нея было то тихое, сладкое и послушное выраженіе, съ какимъ слушаютъ юродивыхъ и блаженненькихъ, когда въ ничтожныхъ словахъ и въ бормотаньи предполагаютъ особое, скрытое значеніе. Въ выраженіи и позѣ жены, показалось мнѣ, было что-то психопатическое, или монашеское, и ея комнаты со старинной мебелью, со спящими птицами въ клѣткахъ и съ запахомъ герани, невысокія, полутемныя, очень теплыя, напоминали мнѣ покои игуменьи, или какой-нибудь богомольной старухи-генеральши.

Я вошелъ въ гостиную. Жена не выразила ни удивленія, ни смущенія, и посмотрѣла на меня сурово и спокойно, какъ будто знала, что я приду.

— Виноватъ, сказалъ я мягко. — Очень радъ, Иванъ Ивановичъ, что вы еще не уѣхали. Забылъ я у васъ наверху спросить: не знаете

ли, какъ имя и отчество предсѣдателя нашей земской управы?

— Андрей Станиславовичъ. Да...

— Merci, сказалъ я, досталъ изъ кармана книжку и записалъ.

Наступило неловкое молчаніе, въ продолженіи котораго жена и Иванъ Ивановичъ, вѣроятно, ждали, когда я уйду; жена не вѣрила, что мнѣ нуженъ предсѣдатель земской управы — это я видѣлъ по ея глазамъ. Дѣлая видъ, что я не ухожу только потому, что неприлично-же уходить сразу, не сказавши ни одного слова, я прошелся по гостиной и сѣлъ около камина.

— Такъ я поѣду, красавица, забормоталъ Иванъ Ивановичъ.

— Нѣтъ, быстро сказала Наталья Гавриловна, дотронувшись до его руки. — Еще четверть часа... Прошу васъ.

Очевидно, ей не хотѣлось оставаться со мной съ глазу на глазъ, безъ свидѣтелей.

„Что-жъ, и я подожду четверть часа“, подумалъ я.

— А, идетъ снѣгъ! сказалъ я, вставая и глядя въ окно. — Превосходный снѣгъ! Иванъ Ивановичъ, продолжалъ я мягко, прохаживаясь по гостиной, — я очень жалѣю, что я не охотникъ. Воображаю, какое удовольствіе по такому снѣгу гоняться за зайцами и волками!

Жена, хорошо знавшая мягкость моего голоса, стоя на одномъ мѣстѣ и не поворачивая

головы, а только искоса поглядывая, слѣдила за моими движеніями; у нея было такое выраженіе, какъ будто я пряталъ въ карманѣ острый ножъ или револьверъ.

— Иванъ Ивановичъ, возьмите меня какъ-нибудь на охоту, продолжалъ я мягко. — Я буду вамъ очень, очень благодаренъ!

Въ это время въ гостиную вошелъ гость. Это былъ не знакомый мнѣ господинъ, лѣтъ сорока, высокій, плотный, плѣшивый, съ большой русой бородой и съ маленькими глазами. По помятому, мѣшковатому платью и по манерамъ я принялъ его за дьячка или учителя, но жена отрекомендовала мнѣ его докторомъ Соболемъ.

— Очень, очень радъ познакомиться! сказалъ докторъ громкимъ теноромъ, крѣпко пожимая мнѣ руку и наивно улыбаясь. — Очень радъ!

Онъ сѣлъ за столъ, взялъ стаканъ чаю и сказалъ громко:

— А нѣтъ-ли у васъ случаемъ рому, или коньячку? Будьте милостивы, Оля, обратился онъ къ горничной, поищите въ шкафчикѣ, а то я озябъ.

Я опять сѣлъ у камина, глядѣлъ, слушалъ и изрѣдка вставлялъ въ общій разговоръ какое-нибудь слово. На лицѣ моемъ была та непріятная улыбка, которой я самъ не любилъ у себя, потому что чувствовалъ ее: длинный ротъ, брови углами и сморщенный, напряженный лобъ. Жена привѣтливо улыбалась гостямъ и зорко слѣдила

за мною, какъ за звѣремъ, и тяготилась моимъ присутствіемъ. Это возбуждало во мнѣ ревность, досаду и упрямое желаніе причинить ей боль. Жена, думаль я, эти уютныя комнаты, мѣстечко около камина — мои, давно мои, но почему-то какой-нибудь выжившій изъ ума Иванъ Ивановичъ, или Соболевъ имѣютъ на нихъ больше правъ, чѣмъ я. Теперь я вижу жену не въ окно, а вблизи себя, въ обычной домашней обстановкѣ, въ той теплой, ласкающей атмосферѣ, которой не достаетъ мнѣ въ мои пожилые годы, и не смотря на ея ненависть ко мнѣ, я скучаю по ней, какъ когда-то въ дѣтствѣ скучалъ по матери и нянѣ, и чувствую, что теперь, подъ старость, я люблю ее чище и выше, чѣмъ любилъ прежде, въ ней одной поэзія и чистота моей жизни, она моя гордость — и поэтому мнѣ хочется подойти къ ней, покрѣпче наступить ей каблукомъ на носокъ и при этомъ улыбнуться.

— Мосей Енотъ, обратился я къ доктору, — сколько у насъ въ уѣздѣ больницъ?

— Соболевъ... поправила жена и презрительно усмѣхнулась моему остроумію.

— Двѣ-съ! отвѣтилъ Соболевъ, нетерпѣливо протягивая обѣ руки на встрѣчу Олѣ, которая несла ему коньякъ. — Двѣ-съ!

— А сколько покойниковъ приходится ежегодно на долю каждой больницы?

— Павелъ Андреичъ, мнѣ нужно поговорить съ вами, сказала мнѣ жена.

Она извинилась передъ гостями и вышла въ сосѣдную комнату. Я всталъ и пошелъ за ней.

— Вы сію же минуту уйдете къ себѣ наверхъ, сказала она, стоя близко и глядя мнѣ въ грудь.

— Вы дурно воспитаны, сказалъ я.

— Вы сію же минуту уйдете къ себѣ наверхъ, рѣзко повторила она и сдѣлала правой рукой быстрый жестъ, какъ будто отрывая нитку, и съ ненавистью посмотрѣла мнѣ въ лицо.

Она стояла такъ близко, что если-бы я немножко нагнулся, то моя борода коснулась-бы ея лица.

— Но что такое? сказалъ я. — Въ чемъ я такъ вдругъ провинился?

Подбородокъ ея задрожалъ, она торопясь вытерла глаза, мелькомъ взглянула на себя въ зеркало и прошептала:

— Начинается опять старая исторія. Вы, конечно, не уйдете... Ну, какъ хотите. Я сама уйду, а вы оставайтесь.

Она съ рѣшительнымъ лицомъ, а я пожимая плечами и стараясь насмѣшливо улыбаться, вернулись въ гостиную. Здѣсь уже были новые гости: какая-то пожилая дама и молодой человекъ въ очкахъ. Не здороваясь съ новыми и не прощаясь со старыми, я пошелъ къ себѣ.

Я былъ оскорбленъ, униженъ, неудовлетворенъ и испуганъ. Послѣ того, что произошло у меня за чаемъ и у нея внизу, для меня стало

ясно, что наше „семейное счастье“, о которомъ мы стали уже забывать въ эти послѣдніе два года, въ силу какихъ-то ничтожныхъ, бессмысленныхъ причинъ возобновлялось опять и что ни я, ни жена не могли уже остановиться и что завтра, или послѣзавтра вслѣдъ за взрывомъ ненависти, какъ я могъ судить по опыту прошлыхъ лѣтъ, должно будетъ произойти что-нибудь отвратительное, что перевернетъ весь порядокъ нашей жизни. „Значить въ эти два года, думалъ я, начиная ходить по своимъ комнатамъ, мы не стали умнѣе, холоднѣе и покойнѣе. Значить, опять пойдутъ слезы, крики, проклятія, чемоданы, заграница, пакостное чувство, возбуждаемое деньгами, потомъ постоянный болѣзненный страхъ, что она тамъ за границей съ какимъ-нибудь итальянцемъ, или русскимъ сибаритомъ надругается надо мной, опять отказъ въ паспортѣ, письма, круглое одиночество, скука по ней, а черезъ пять лѣтъ старость, сѣдые волосы, слабость“... Я ходилъ и воображалъ то, чего не можетъ быть какъ она красивая, пополнѣвшая, обнимается съ музыкантомъ, какъ въ „Крейцеровой сонатѣ“... Уже увѣренный, что это непременно произойдетъ — отчего, спрашивалъ я себя въ отчаяніи, отчего въ одну изъ прошлыхъ давнишнихъ ссоръ я не далъ ей развода, или отчего она въ ту пору не ушла отъ меня совсѣмъ, навсегда? Теперъ-бы не было этой скуки по ней, ненависти, тревоги, и я доживалъ-бы

свой вѣкъ покойно, работая и ни о чемъ не думая.

Во дворъ въѣхала карета съ двумя фонарями, потомъ широкія сани тройкой. У жены, очевидно, былъ вечеръ. Прислушиваясь къ веселому говору кучеровъ и визгу полозьевъ, я припалъ лбомъ къ оконной рамѣ и сталъ смотрѣть въ потемки.

„Дворъ немножко видно, думалъ я, развлекая себя, а забора и что дальше не видно. Огонекъ въ Пестровѣ... Да, какъ же съ голодающими? Что дѣлать“?

До 12 часовъ внизу у жены было тихо и я ничего не слышалъ, но въ полночь задвигали стульями и застучали посудой. Значитъ, ужинъ. Потомъ опять задвигали стульями и мнѣ явственно изъ-подъ пола послышался крикъ ура. Марья Герасимовна уже спала и во всемъ верхнемъ этажѣ былъ только я одинъ; въ гостиной глядѣли на меня со стѣнъ портреты моихъ предковъ, людей ничтожныхъ и жестокихъ, а въ кабинетѣ непріятно подмигивало отраженіе моей лампы въ окнѣ. „Вы сію же минуту уйдете къ себѣ наверхъ“ — эти слова все еще звучали въ моихъ ушахъ. И съ завистливымъ, ревнивымъ чувствомъ къ тому, что происходило внизу, я прислушивался и думалъ: „Хозяинъ тутъ я, если захочу, то въ одну минуту могу разогнать всю эту почтенную компанію“. Но я зналъ, что это вздоръ, никого разогнать нельзя

и слово „хозяинъ“ ничего не значить. Можно сколько угодно считать себя хозяиномъ, женатымъ, богатымъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и въ то же время не знать, что это значить.

Послѣ ужина кто-то внизу запѣлъ теноромъ. „Вѣдь ничего-же не случилось особеннаго! убѣждалъ я себя. — Что же я такъ волнуюсь? Завтра не пойду къ ней внизъ, вотъ и все — и конецъ нашей ссорѣ.

Въ четверть второго я пошелъ спать.

— Внизу уже разъѣхались гости? спросилъ я у Алексѣя, который раздѣвалъ меня.

— Точно такъ, разъѣхались.

У моей жены часто бывали гости, это меня волновало, но я никогда не допрашивалъ прислугу, считая это недостойнымъ ни себя, ни жены, но теперь рѣшилъ допросить.

— А зачѣмъ кричали ура? спросилъ я.

— Алексѣй Дмитричъ Махоновъ пожертвовали на голодающихъ тысячу пудовъ муки и тысячу рублей денегъ. И старая барыня, не знаю, какъ ихъ звать, обѣщали устроить у себя въ имѣніи столовую на полтора ста человѣкъ. Славу Богу-съ... Отъ Натальи Гавриловны вышло такое рѣшеніе: всѣмъ господамъ собираться каждую пятницу.

— Собираться здѣсь внизу?

— Точно такъ. Передъ ужиномъ бумагу читали: съ августа по сей день Наталья Гавриловна собрали тысячъ восемь деньгами, кромѣ

хлѣба. Славу Богу-съ . . . Я такъ понимаю, ваше превосходительство, ежели барыня похлопочуть за спасеніе души, то много соберутъ. Народъ тутъ есть богатый.

Отпустивъ Алексѣя, я потушилъ огонь и укрылся съ головой.

„Въ самомъ дѣлѣ, что я такъ беспокоюсь? думалъ я. — Какая сила тянетъ меня къ голодающимъ, какъ бабочку на огонь? Вѣдь я же ихъ не знаю, не понимаю, никогда не видѣлъ и не люблю. Откуда же это беспокойство“?

Я вдругъ перекрестился подъ одѣяломъ. Это произвольное движеніе испугало меня. Такъ, кажется, начинается умственное разстройство. Фу, ты пропасть!

— Но какова? говорилъ я себѣ, думая о женѣ. — Тайно отъ меня организовала въ этомъ домѣ цѣлый комитетъ. Почему тайно? Почему заговоръ? Что я имъ сдѣлалъ? Какъ она и Иванъ Ивановичъ должны были смѣяться въ душѣ надо мной, когда я сегодня за чаемъ говорилъ о своемъ одиночествѣ! Оскорбительно . . . Жестоко . . .

„Иванъ Ивановичъ правъ, думалъ я, мнѣ нужно уѣхать. Эти большія комнаты, бабьи дразги, скука и отсутствіе людей раздражаютъ меня. Непремѣнно уѣду“.

На другой день проснулся я съ твердымъ рѣшеніемъ — укладываться и поскорѣе ѣхать. Подробности вчерашняго дня — разговоръ за

чаемъ, жена, Соболю, ужинъ, мои страхи возбуждали во мнѣ чувство стыда и я радъ былъ, что скоро избавлюсь отъ всего этого. Когда я пилъ кофе, Владиміръ Прохорычъ длинно докладывалъ мнѣ о разныхъ дѣлахъ. Самое пріятное онъ приберегъ къ концу.

— Воры, что рожь у насъ украли, нашлись, доложилъ онъ, улыбаясь. — Вчера слѣдователь арестовалъ въ Цестровѣ трехъ мужиковъ.

— Убирайтесь вонъ! крикнулъ я ему и бросилъ въ него бисквитомъ.

IV.

Послѣ завтрака я потиралъ руки и думалъ: надо пойти къ женѣ и объявить ей о своемъ отъѣздѣ. Для чего? Кому это нужно? Никому не нужно, отвѣчалъ я себѣ, но почему же и не объявить, тѣмъ болѣе, что это не доставитъ ей ничего, кромѣ удовольствія? Къ тому же уѣхать послѣ вчерашней ссоры, не сказавши ей ни одного слова, было-бы не совсѣмъ тактично: она можетъ подумать, что я испугался ея и, пожалуй, мысль, что она выжила меня изъ моего дома, будетъ тяготить ее. Не мѣшаетъ также объявить ей, что я жертвую пять тысячъ, и дать ей нѣсколько совѣтовъ насчетъ организаціи и предостеречь, что ея неопытность въ такомъ

сложномъ, отвѣтственномъ дѣлѣ можетъ повести къ самымъ плачевнымъ результатамъ. Однимъ словомъ, меня тянуло къ женѣ и, когда я придумывалъ разные предлоги, чтобы пойти къ ней, во мнѣ уже сидѣла крѣпкая увѣренность, что я это непременно сдѣлаю.

Когда я пошелъ къ ней, было свѣтло и еще не зажигали лампъ. Она сидѣла въ своей рабочей комнатѣ, проходной между гостиной и спальней, и, низко нагнувшись къ столу, что-то быстро писала. Увидѣвъ меня, она вздрогнула, вышла изъ-за стола и остановилась въ такой позѣ, какъ будто загораживала отъ меня свои бумаги.

— Виновать, я на одну минуту, сказалъ я и, не знаю отчего, смутился. — Я узналъ случайно, что вы, Natalie, организуете помощь голодающимъ.

— Да, организую. Но это мое дѣло, отвѣтила она.

— Да, это ваше дѣло, сказалъ я мягко, я радъ ему, потому что оно вполне отвѣчаетъ моимъ намѣреніямъ. Я прошу позволенія участвовать въ немъ.

— Простите, я не могу вамъ этого позволить, отвѣтила она и посмотрѣла въ сторону.

— Почему же, Natalie? спросилъ я тихо, любуясь ея профилемъ. — Почему же? Я тоже сытъ и тоже хочу помочь голодающимъ.

— Я не знаю, при чемъ вы тутъ? спросила

она, презрительно усмѣхнувшись и пожавъ однимъ плечомъ. — Васъ никто не просить.

— И васъ никто не просить, однако-же вы въ *моемъ* домѣ устроили цѣлый комитетъ! сказалъ я.

— Меня просятъ, а васъ, повѣрьте, никто и никогда не попросить. Идите помогайте тамъ, гдѣ васъ не знаютъ.

— Бога ради, не говорите со мною такимъ тономъ.

Я старался быть кроткимъ и всѣми силами души умолялъ себя не терять хладнокровія. Въ первыя минуты мнѣ было хорошо около жены. На меня вѣяло чѣмъ-то мягкимъ, домовитымъ, молодымъ, женственнымъ, въ высшей степени изящнымъ, именно тѣмъ, чего такъ не хватало въ моемъ этажѣ и вообще въ моей жизни. На женѣ былъ капотъ изъ розовой фланели съ желтоватыми кружевами — это сильно молодило ее и придавало мягкость ея быстрымъ, иногда рѣзкимъ жестамъ. Ея хорошіе, темные волосы, одинъ видъ которыхъ когда-то возбуждалъ во мнѣ страсть, теперь оттого, что она долго сидѣла нагнувшись, выбились изъ прически и имѣли беспорядочный видъ, но отъ этого казались еще пышнѣе и роскошнѣе. Впрочемъ все это банально. Передо мною стояла обыкновенная женщина, быть можетъ, не красивая и не изящная, но это была моя жена, съ которой я когда-то жилъ и съ которою жилъ-бы до сегодня, если-бы не ея несчастный ха-

рактёръ; это былъ единственный на всемъ земномъ шарѣ человѣкъ, котораго я любилъ. Теперь передъ отъѣздомъ, когда я зналъ, что не буду видѣть ея даже въ окно, она, даже суровая и холодная, отвѣчающая мнѣ съ гордой, презрительной усмѣшкой, казалась мнѣ обольстительной, я гордился ею, хотѣлъ плакать отъ умиленія и грусти, и сознавался себѣ, что уѣхать отъ нея мнѣ страшно и невозможно. Легче, кажется, убить ее, чѣмъ уѣхать.

— Павелъ Андреичъ, сказала она послѣ нѣкотораго молчанія, — два года мы не мѣшали другъ другу и жили покойно. Зачѣмъ это вдругъ вамъ такъ понадобилось возвращаться къ прошлому? Я вчера еще все поняла... Вы пришли, чтобы оскорбить меня и унижить, продолжала она, возвышая голосъ, и лицо ея покраснѣло, и глаза вспыхнули ненавистью, — но воздержитесь, не дѣлайте этого, Павелъ Андреичъ! Завтра я подамъ прошеніе, мнѣ дадутъ паспортъ, и я уйду въ монастырь, во вдовій домъ, въ богадѣльню...

— Въ сумасшедшій домъ! крикнулъ я, не выдержавъ. — Что вы орете на меня?

— Даже въ сумасшедшій домъ! Лучше! лучше! продолжала она кричать, блестя глазами. — Сегодня, когда я была въ Пестровѣ, я завидовала голоднымъ и больнымъ бабамъ, потому что онѣ не живутъ съ такимъ человѣкомъ, какъ вы. Онѣ честны и свободны, а я, по вашей

милости, тунеядица, погибаю въ праздности, ѣмъ вашъ хлѣбъ, трачу ваши деньги и плачу вамъ своей свободой и какою-то вѣрностью, которая никому не нужна. За то, что вы не даете мнѣ паспорта, я должна стеречь ваше честное имя, котораго у васъ нѣтъ. Мало вамъ этой моей презрѣнной роли, такъ что же вы еще хотите? Что?

— Проклятая бабья логика! пробормоталъ я, стиснувъ зубы, и быстро вышелъ въ гостинную, но тотчасъ же вернулся и сказалъ, энергически размахивая правой рукой: — Убѣдительно прошу, чтобы этихъ сборищъ, заговоровъ и конспиративныхъ квартиръ у меня въ домѣ больше не было! Въ свой домъ я пускаю только тѣхъ, съ кѣмъ я знакомъ, а эта вся ваша сволочь, если ей угодно заниматься филантропіей, пусть ищетъ себѣ другое мѣсто. Я не позволю, чтобы въ моемъ домѣ по ночамъ орали ура отъ радости, что могутъ эксплоатировать такую психопатку, какъ вы.

Жена, ломая руки и съ протяжнымъ стономъ, какъ будто у нея болѣли зубы, блѣдная и каждую секунду вздрагивая головой, быстро прошла изъ угла въ уголъ. Я махнулъ рукой и вышелъ въ гостинную. Меня душило бѣшенство и въ то же время я дрожалъ отъ страха, что не выдержу и сдѣлаю, или скажу что-нибудь такое, въ чемъ буду раскаяваться

всю жизнь. И я крѣпко сжималъ себѣ руки, думая, что этимъ сдерживаю себя.

— Что же это такое? спрашивалъ я себя.
— Что же это такое? Никогда она не говорить со мной по человѣчески, а всегда этотъ напряженный, приподнятый тонъ, ненавистническій пафосъ. За что? Что я ей сдѣлалъ? Нелѣпая, сумасшедшая, бабья логика! Вчера она прогнала меня, какъ мальчишку, а сейчасъ оскорбила и довела до того, что я, интеллигентный, порядочный, прекрасно воспитанный человѣкъ, долженъ былъ прибѣгнуть къ грубымъ ругательствамъ. Она, подъ видомъ организаціи помощи, составила противъ меня въ моемъ домѣ цѣлый заговоръ, чтобы поскорѣе забрать въ свои руки святое, отвѣтственное дѣло и чтобы такимъ образомъ унижить меня. Она отлично знаетъ, что по всѣмъ правамъ и по логикѣ здраваго смысла это дѣло должно принадлежать въ уѣздѣ только мнѣ. И отъ обиды у меня изъ глазъ брызнули слезы, чего раньше никогда со мной не было. Затѣмъ она видитъ что-то низкое и гадкое въ томъ, что я не даю ей паспорта. Я тиранъ, я деспотъ, я собака, которая лежитъ на сѣнѣ и другимъ не даетъ. Но посудила бы она, могу-ли я ее, молодую, неопытную, съ ея несчастнымъ характеромъ, отпустить на волю, въ тотъ міръ, въ которомъ она меньше, чѣмъ черезъ годъ, благодаря современному направленію общества, неизбежно обратилась бы въ кокотку?

Всѣ современныя, такъ называемыя интеллигентныя женщины, выпущенныя изъ-подъ надзора семьи, представляютъ изъ себя стадо, которое на половину состоитъ изъ любительницъ драматическаго искусства, а на половину изъ кокотокъ. Надо мыслить. Она должна знать, что я, какъ бы то ни было, ея мужъ и что я отвѣчаю за нее передъ своею совѣстью и обществомъ.

Немного успокоившись, я вернулся къ женѣ. Она стояла въ прежней позѣ, какъ бы загораживая отъ меня бумаги. Но ея холодному блѣдному лицу медленно текли слезы.

— Какъ вы меня не понимаете! сказалъ я ей съ горечью. — Какъ вы ко мнѣ несправедливы! Клянусь честью, я шелъ къ вамъ съ чистыми побужденіями, съ единственнымъ желаніемъ — сдѣлать добро.

Она молчала.

— Ну, полно, полно . . . сказалъ я, тронутый ея слезами и блѣдностью. — Я извиняюсь . . . Давайте говорить хладнокровно.

— Павелъ Андреичъ, сказала она, сложивъ на груди руки, и ея лицо приняло страдальческое, умоляющее выраженіе, съ какимъ испуганныя, плачущія дѣти просятъ, чтобы ихъ не наказывали. — Я отлично знаю, вы мнѣ откажете, но я все-таки прошу. Принудьте себя, сдѣлайте хоть разъ въ жизни доброе дѣло. Сдѣлайте это доброе дѣло хоть изъ эгоизма, изъ

тщеславія . . . Я прошу васъ, уѣзжайте отсюда! Это единственное, что вы можете сдѣлать для голодающихъ. Не сердитесь. Уѣзжайте и, клянусь, я прощу вамъ все, все . . .

— Напрасно вы меня оскорбляете, Natalie, вздохнулъ я, чувствуя какой-то особенный приливъ смиренія и желанія прощать. — Я уже рѣшилъ уѣхать, но я не уѣду прежде, чѣмъ не сдѣлаю чего-нибудь для голодающихъ. Это мой долгъ.

— Ахъ! сказала она тихо и нетерпѣливо поморщилась. — Вы можете сдѣлать отличную желѣзную дорогу, или мостъ, но для голодающихъ вы ничего не можете сдѣлать. Поймите вы!

— Да? Вы вчера попрекнули меня въ равнодушіи и въ томъ, что я лишенъ чувства состраданія. Какъ вы меня хорошо знаете! усмѣхнулся я. — Вы вѣруете въ Бога, такъ вотъ вамъ Богъ свидѣтель, что я беспокоюсь день и ночь . . .

— Я вижу, что вы беспокоитесь, но голодъ и состраданіе тутъ не при чемъ. Вы беспокоитесь оттого, что голодающіе обходятся безъ васъ, и что администрація, земство и вообще всѣ помогающіе не нуждаются въ вашемъ руководствѣ. Помилуйте, сказала она и засмѣялась басомъ, — вѣдь во всемъ уѣздѣ только вы одинъ честный человѣкъ и съ правилами . . .

— Неостроумно, сказалъ я и помолчалъ,

чтобы подавить въ себѣ раздраженіе. — Я пришла, чтобы поговорить съ вами о дѣлѣ. Садитесь. Садитесь, прошу васъ.

Она не садилась.

— Садитесь, прошу васъ! повторилъ я и указалъ ей на стулъ.

Она сѣла. Я тоже сѣлъ, подумалъ и сказалъ:

— Прошу васъ отнестись серьезно къ тому, что я говорю. Слушайте... Вы, побуждаемая любовью къ ближнему, взяли на себя организацію помощи голодающимъ. Противъ этого, конечно, я ничего не имѣю, вполнѣ вамъ сочувствую и готовъ оказывать вамъ всякое содѣйствіе, каковы бы отношенія наши ни были. Но при всемъ уваженіи моемъ къ вашему уму и сердцу... и сердцу, повторилъ я, жмурясь и поглаживая колѣни, я не могу допустить, чтобы такое трудное, сложное и отвѣтственное дѣло, какъ организація помощи, находилась въ однѣхъ только вашихъ рукахъ. Вы женщина, вы неопытны, незнакомы съ жизнью, слишкомъ доверчивы и экспансивны. Вы окружили себя помощниками, которыхъ совершенно не знаете. Не преувеличу, если скажу, что при названныхъ условіяхъ ваша дѣятельность неминуемо повлечетъ за собою два печальныхъ послѣдствія. Во-первыхъ, нашъ уѣздъ останется совершенно безъ помощи, и во-вторыхъ, за свои ошибки и за ошибки вашихъ помощниковъ вамъ придется

расплачиваться не только собственными карманами, но и своей репутацией. Растраты и упущения, допустимъ, я покрою, но кто вамъ возвратитъ ваше честное имя? Когда вслѣдствіе плохого контроля и упущеній разнесется слухъ, что вы, а стало быть и я, нажили на этомъ дѣлѣ двѣсти тысячъ, то развѣ ваши помощники придутъ къ вамъ на помощь?

„Все это вполне справедливо“, подумалъ я. Она молчала.

— Не изъ самолюбія, какъ вы говорите, продолжалъ я, — а просто изъ разсчета, чтобы голодающіе не остались безъ помощи, а вы безъ честнаго имени, я считаю своимъ нравственнымъ долгомъ вмѣшаться въ ваши дѣла.

— Говорите покороче, сказала жена и засмѣялась.

Этотъ отрывистый, басовый смѣхъ, какой бываетъ у людей съ простуженнымъ горломъ, во время прежнихъ нашихъ ссоръ служилъ мнѣ всякій разъ указателемъ, что жена уже утомилась и что ссора подходитъ къ концу. Это бывало обыкновенно дня черезъ три, или четыре послѣ начала ссоры, и потому теперь утомленіе жены, съ которой я не говорилъ еще и часа, показалось мнѣ страннымъ.

— Вы будете такъ добры, продолжалъ я, — укажите мнѣ, сколько у васъ поступило до сегодня на приходъ и сколько вы уже потратили. Затѣмъ о каждомъ новомъ поступленіи

деньгами или натурой, о каждом новомъ расходѣ вы будете ежедневно извѣщать меня. Вы, Natalie, дадите мнѣ также списокъ вашихъ помощниковъ. Быть можетъ, они вполне порядочные люди, я не сомнѣваюсь въ этомъ, но все-таки необходимо навести справки.

Она молчала. Я всталъ и прошелся по комнатѣ.

— Давайте же займемся, сказалъ я и сѣлъ за ея столъ.

— Вы это серьезно? спросила она, глядя на меня съ недоумѣніемъ и испугомъ.

— Natalie, будьте разсудительны! сказалъ я умоляюще, видя по ея лицу, что она хочетъ протестовать. — Прошу васъ, довѣрьтесь вполне моему опыту и порядочности.

— Я все-таки не понимаю: что вамъ нужно?

— Покажите мнѣ, сколько вы уже собрали и сколько истратили?

— У меня нѣтъ тайнъ. Всякій можетъ видѣть. Смотрите.

На столѣ лежало штукъ пять ученическихъ тетрадокъ, нѣсколько листовъ исписанной почтовой бумаги, карта уѣзда и множество клочковъ бумаги всякаго формата. Наступали сумерки. Я зажегъ свѣчу.

— Извините, я пока еще ничего не вижу, сказалъ я, перелистывая тетрадки. — Гдѣ у васъ вѣдомость о поступленіи пожертвованій деньгами?

— Это видно изъ подписныхъ листовъ.

— Да-съ, но вѣдь и вѣдомость же нужна! сказалъ я, улыбаясь ея наивности. — Гдѣ у васъ письма, при которыхъ вы получали пожертвованія деньгами и натурой? Pardon, маленькое практическое указаніе, Natalie: эти письма необходимо беречь. Вы каждое письмо нумеруйте и записывайте его въ особую вѣдомость. Также вы поступайте и со своими письмами. Впрочемъ, все это я буду дѣлать самъ.

— Дѣлайте, дѣлайте . . . сказала она, смѣясь басомъ.

Я былъ очень доволенъ собой. Увлечшись живымъ, интереснымъ дѣломъ, маленькимъ столомъ, наивными тетрадками и прелестью, какую обѣщала мнѣ эта работа въ обществѣ жены, я боялся, что жена вдругъ помѣшаетъ мнѣ и все разстроить какою-нибудь неожиданной выходкой, и потому я торопился и дѣлалъ надъ собою усилія, чтобы не придавать никакого значенія тому, что у нея трясутся губы и что она пугливо и растерянно, какъ пойманный звѣрь, смотреть по сторонамъ.

— Вотъ что, Natalie, сказалъ я, не глядя на нее. — Позвольте мнѣ взять всѣ эти бумаги и тетрадки къ себѣ наверхъ. Я тамъ посмотрю, ознакомлюсь и завтра скажу вамъ свое мнѣніе. Нѣтъ-ли у васъ еще какихъ бумагъ? спросилъ я, складывая тетради и листки въ пачки.

— Берите, все берите! сказала жена, плача,

смѣясь и помогая мнѣ складывать бумаги въ пачки. — Берите все. Это все, что оставалось у меня въ жизни... Отнимайте послѣднее.

— Ахъ, Natalie, Natalie! вздохнулъ я укоризненно.

Она, толкая меня въ грудь локтемъ и касаясь моего лица волосами, выдвинула изъ стола ящикъ и стала оттуда выбрасывать мнѣ на столъ бумаги; при этомъ мелкія деньги сыпались мнѣ на колѣни и на полъ.

— Все берите... говорила она осипшимъ голосомъ.

Выбросивъ бумаги, она отошла отъ меня и, ухватившись обѣими руками за голову, повалилась на кушетку. Я подобралъ деньги, положилъ ихъ обратно въ ящикъ и заперъ, чтобы не вводить въ грѣхъ прислугу, потомъ взялъ въ охапку всѣ бумаги и пошелъ къ себѣ. Проходя мимо жены, я остановился и, глядя на ея спину и вздрагивающія плечи, сказалъ:

— Какой вы еще ребенокъ, Natalie! Ай-ай! Слушайте, Natalie: когда вы поймете, какъ серьезно и отвѣтственно это дѣло, то вы первая-же будете благодарить меня. Клянусь вамъ.

Придя къ себѣ, я не спѣша занялся бумагами. Тетрадки не прошнурованы, на страницахъ нумеровъ нѣтъ. Записи сдѣланы различными почерками, очевидно, въ тетрадкахъ хозяйничаетъ всякій, кто хочетъ. Въ спискахъ пожертвованій натурою не проставлена цѣна про-

дуктовъ. Но вѣдь, позвольте, та рожь, которая теперь стоитъ 1 р. 15 к., черезъ два мѣсяца можетъ подняться въ цѣнѣ до 2 р. 15 к. Какъ же можно такъ? Затѣмъ, „выдано А. М. Соболю 32 р.“ Когда выдано? Для чего выдано? Гдѣ оправдательный документъ? Ничего нѣтъ и ничего не поймешь. Въ случаѣ судебного разбирательства, эти бумаги будутъ только затемнять дѣло.

— Какъ она наивна! изумлялся я. Какой она еще ребенокъ!

Мнѣ было и досадно, и смѣшно.

V.

Жена собрала уже восемь тысячъ, прибавить къ нимъ мои пять и того будетъ тринадцать. Для начала это очень хорошо. Дѣло, которое меня такъ интересовало и беспокоило, находится наконецъ въ моихъ рукахъ; я дѣлаю то, что не хотѣли и не могли сдѣлать другіе, я исполняю свой долгъ, организую правильную и серьезную помощь голодающимъ. Все, кажется, идетъ согласно съ моими намѣреніями и желаніями, но почему-же меня не оставляетъ мое беспокойство?

Я впродолженіе четырехъ часовъ разсматривалъ бумаги жены, уясняя ихъ смыслъ и исправляя ошибки, но вмѣсто успокоенія я испы-

тывалъ такое чувство, какъ будто кто-то чужой стоялъ сзади меня и водилъ по моей спинѣ шаршавой ладонью. Чего мнѣ не доставало? Организация помощи попала въ надежныя руки, голодающіе будутъ сыты — что-же еще имъ нужно отъ меня?

Легкая четырехчасовая работа почему-то утомила меня, такъ что я не могъ ни сидѣть согнувшись, ни писать. Снизу изрѣдка доносились глухіе стоны — это рыдала жена. Мой всегда смирный, сонный и ханжеватый Алексѣй то и дѣло подходилъ къ столу, чтобы поправить свѣчи, и посматривалъ на меня со злобой и съ отвращеніемъ.

— Нѣтъ, надо уѣхать! ряшилъ я наконецъ, выбившись изъ силъ. — Подальше отъ этихъ великолѣпныхъ впечатлѣній! Завтра-же уѣду.

Я собралъ бумаги и тетрадки и пошелъ къ женѣ. Когда я, чувствуя сильное утомленіе и разбитость, прижалъ обѣими руками къ груди бумаги и тетради и, проходя черезъ спальню, увидѣлъ свои чемоданы и до меня изъ-подъ полу донесся плачъ, въ мозгу моемъ вдругъ мелькнула мысль: — „Какая однако я гадина!“

— Все вздоръ, вздоръ, вздоръ... бормоталъ я, спускаясь по лѣстницѣ. — Вздоръ... И то вздоръ, будто мною руководить самолюбіе, или тщеславіе... Какіе пустяки! Развѣ за голодающихъ дадутъ мнѣ звѣзду, что-ли, или сдѣлаютъ меня директоромъ департамента? Вздоръ, вздоръ.

И передъ кѣмъ тутъ въ деревнѣ тщеславиться?
Я хлопочу и беспокоюсь изъ любви къ ближ-
нему... Да...

Я смутно чувствовалъ, что лгу и виляю
передъ собой, что любовь къ голодающимъ ближ-
нимъ, которыхъ я никогда не видѣлъ и не знаю,
тутъ не при чемъ, мнѣ стало стыдно и почему-
то я вспомнилъ строку изъ одного стариннаго
стихотворенія, которое когда-то зналъ въ дѣт-
ствѣ: — „Какъ пріятно добрымъ быть!“ и мнѣ
стало еще стыднѣе...

Жена лежала на кушеткѣ въ прежней позѣ
— лицомъ внизъ и обхвативъ голову обѣими
руками. Она плакала. Возлѣ нея стояла гор-
ничная съ испуганнымъ, недоумѣвающимъ ли-
цомъ. Я отослалъ горничную, сложилъ бумаги
на столъ, подумалъ и сказалъ:

— Вотъ ваша канцелярія, Natalie. Все въ
порядкѣ, все прекрасно и я очень доволенъ.
Завтра я уѣзжаю.

Она продолжала плакать. Я вышелъ въ
гостиную и сѣлъ тамъ въ потемкахъ. Всхли-
пыванія жены, ея вздохи и сморканье обвиняли
меня въ чемъ-то и, чтобы оправдать себя, я
припоминалъ всю нашу ссору, начиная съ того
момента, когда мнѣ пришла въ голову несчаст-
ная мысль пригласить жену на совѣщаніе, и
кончая тетрадками и этимъ плачемъ. Это былъ
обычный припадокъ нашей супружеской нена-
висти, безобразный и бессмысленный, какихъ

было много послѣ нашей свадьбы, но при чемъ же тутъ голодающіе? Какъ это могло случиться, что они попали намъ подъ горячую руку? Вѣдь это кощунство! Похоже на то, какъ будто мы, гоняясь другъ за другомъ, нечаянно вбѣжали въ алтарь и подняли тамъ драку.

— Natalie, говорю я тихо изъ гостиной, полно, полно!

Чтобы прекратить плачъ и положить конецъ этой мучительной тоскѣ, надо пойти къ женѣ и утѣшить, приласкать, или извиниться, но какъ это сдѣлать, чтобы она мнѣ повѣрила? Какъ я могу убѣдить дикаго утенка, живущаго въ неволѣ и ненавидящаго меня, что онъ мнѣ симпатиченъ и что я сочувствую его страданію? Жены своей я никогда не зналъ и потому никогда не зналъ, о чемъ и какъ съ нею говорить. Это была высокая, стройная женщина съ прекраснымъ гордымъ профилемъ; прямой носъ, острый приподнятый подбородокъ и наполовину опущенныя вѣки придавали ея лицу и взгляду выраженіе презрительной важности и высокомерія. Одѣвалась она прекрасно, и одно только было дурно въ ея наружности — это изляшняя нервность и часто рѣзкость манеръ. Наружность ея я зналъ хорошо и цѣнилъ по достоинству, но ея душевный, нравственный міръ, умъ, міросозерцаніе, частыя переменны въ настроеніи, ея ненавидящіе глаза, высокомеріе, начитанность, которою она иногда поражала меня, или, напри-

мѣръ, монашеское, выраженіе, какъ вчера — все это было мнѣ неизвѣстно и непонятно. Когда въ своихъ столкновеніяхъ съ нею я пытался опредѣлить, что она за человѣкъ, то моя психологія не шла дальше такихъ опредѣленій, какъ взбаломошная, не серьезная, несчастный характеръ, бабья логика — и для меня этого было совершенно достаточно. Но теперь, пока она плакала, у меня было страстное желаніе открыть ея душу и заглянуть въ самую глубину.

Плачь прекратился. Я пошелъ къ женѣ. Она сидѣла на кушеткѣ, подперевъ голову обѣими руками и задумчиво, неподвижно глядѣла на огонь.

— Я уѣзжаю завтра утромъ, сказалъ я. — Даю вамъ честное слово. Это рѣшено.

Она молчала. Я прошелся по комнатѣ, вздохнулъ и сказалъ:

— Natalie, когда вы просили меня уѣхать, то сказали: прощу вамъ все, все... Значить, вы считаете меня сильно виноватымъ передъ вами. Прошу васъ хладнокровно и въ короткихъ выраженіяхъ, формулируйте мою вину передъ вами.

— Я утомлена. Послѣ... сказала жена.

— Какая вина? продолжалъ я. — Что я сдѣлалъ? Скажете, вы молоды, красивы, хотите жить, а я почти вдвое старше васъ и ненавижу васъ, но развѣ это вина? Я женился на

васъ не насильно. Ну, что-жъ, если хотите жить на свободѣ, идите, я дамъ вамъ паспортъ. Идите, можете любить, кого вамъ угодно... Я и разводъ дамъ.

— Этого мнѣ не надо, сказала она. — Вы знаете, я васъ любила прежде и всегда считала себя старше васъ. Пустяки все это... — она отмахнулась, какъ отъ мухи, и продолжала: — Вина ваша не въ томъ, что вы старше, а я моложе, или что на свободѣ я могла-бы полюбить другого, а въ томъ, что вы дурной, тяжелый человѣкъ, злой эгоистъ, ненавистникъ.

— Не знаю, можетъ быть... проговорилъ и покорно.

— Уходите, пожалуйста. Вы хотите ѣсть меня до утра, но предупреждаю, я совсѣмъ ослабѣла и отвѣчать вамъ не могу. Вы дали мнѣ слово уѣхать, я очень вамъ благодарна, и больше ничего мнѣ не нужно.

Жена хотѣла, чтобы я ушелъ, но мнѣ не легко было уйти. Я ослабѣлъ и боялся своихъ большихъ, неуютныхъ, опостылѣвшихъ комнатъ. Бывало въ дѣтствѣ, когда у меня болѣло что-нибудь, я жался къ матери или нянѣ, и, когда я пряталъ лицо въ складкахъ теплаго платья, мнѣ казалось, что я прячусь отъ боли. Такъ и теперь почему-то мнѣ казалось, что отъ своего безпокойства я могу спрятаться только въ этой маленькой комнатѣ, около жены. Я сѣлъ и рукою заслонилъ глаза отъ свѣта. Было тихо.

— Какая вина! — сказала жена осипшимъ голосомъ, послѣ долгаго молчанія, глядя на меня красными, блестящими отъ слезъ глазами. — Вы прекрасно образованы и воспитаны, очень честны, справедливы, съ правилами, но все это выходитъ у васъ такъ, что кудабы вы ни вошли, вы всюду вносите какую-то духоту, гнетъ, что-то въ высшей степени оскорбительное и унижительное. У васъ честный образъ мыслей и потому вы ненавидите весь міръ. Вы ненавидите вѣрующихъ, такъ какъ вѣра есть выраженіе неразвитія и невѣжества, и въ тоже время ненавидите и невѣрующихъ за то, что у нихъ нѣтъ вѣры и идеаловъ; вы ненавидите стариковъ за отсталость и консерватизмъ, а молодыхъ — за вольнодумство. Вамъ дороги интересы народа и Россіи, и потому вы ненавидите народъ, такъ какъ въ каждомъ подозрѣваете вора и грабителя. Вы всѣхъ ненавидите. Вы справедливы и всегда стоите на почвѣ законности, и потому вы постоянно судитесь съ мужиками и сосѣдями. У васъ украли 20 кулей ржи и изъ любви къ порядку вы пожаловались на мужиковъ губернатору и всему начальству, а на здѣшнее начальство пожаловались въ Петербургъ. Почва законности! — сказала жена и засмѣялась. — На основаніи закона и въ интересахъ нравственности вы не даете мнѣ паспорта. Есть такая нравственность и такой законъ, чтобы молодая, здоровая, самолюбивая

женщина проводила свою жизнь въ праздности, въ тоскѣ, въ постоянномъ страхѣ и получала-бы за это столъ и квартиру отъ человѣка, котораго она не любить. Вы превосходно знаете законы, очень честны и справедливы, уважаете бракъ и семейныя основы, а изъ всего этого вышло то, что за всю свою жизнь вы не сдѣлали ни одного добраго дѣла, всѣ васъ ненавидятъ, со всѣми вы въ ссорѣ и за эти семь лѣтъ, пока женаты, вы и семи мѣсяцевъ не прожили съ женой. У васъ жены не было, а у меня не было мужа. Съ такимъ человѣкомъ, какъ вы, жить невозможно, нѣтъ силъ. Въ первые годы мнѣ съ вами было страшно, а теперь мнѣ стыдно . . . Такъ и пропали лучшіе годы. Пока воевала съ вами, я испортила себѣ характеръ, стала рѣзкой, грубой, пугливой, недовѣрчивой . . . Э, да что говорить! Развѣ вы захотите понять? Идите себѣ съ Богомъ . . .

Жена прилегла на кушетку и задумалась.

— А какая-бы могла быть перкрасная, завидная жизнь! тихо сказала она, глядя въ раздумьи на огонь. — Какая жизнь! Не вернешь теперь.

Кто живаль зимою въ деревнѣ и знаетъ эти длинные, скучные, тихіе вечера, когда даже собаки не лаютъ отъ скуки и, кажется, часы томятся оттого, что имъ надоѣло тикать, и кого въ такіе вечера тревожила пробудившаяся совѣсть и кто безпокойно метался съ мѣста на

мѣсто, желая то заглушить, то разгадать свою совѣсть, тотъ пойметъ, какое развѣлеченіе и наслажденіе доставлялъ мнѣ женскій голосъ, раздававшійся въ маленькой, уютной комнатѣ и говорившій мнѣ, что я дурной человѣкъ. Я не понималъ, что хочетъ моя совѣсть, и жена, какъ переводчикъ, по женски, но ясно истолковывала мнѣ смыслъ ея тревоги. Какъ часто раньше, въ минуты сильнаго безпокойства, я догадывался, что весь секретъ не въ голодающихъ, а въ томъ, что я дурной человѣкъ!

Жена черезъ силу поднялась и подошла ко мнѣ.

— Навель Андреичъ, сказала она, печально улыбаясь и съ тѣмъ монашескимъ выраженіемъ, какое я видѣлъ у нея вчера. — Простите, я не вѣрю вамъ: вы не уѣдете. Но я еще разъ прошу. Называйте это — она указала на свои бумаги — самообманомъ, бабьей логикой, ошибкой, какъ хотите, но не мѣшайте мнѣ. Это все, что осталось у меня въ жизни. — Она отвернулась и помолчала. — Раньше у меня ничего не было. Свою молодость я потратила на то, что воевала съ вами. Теперь я ухватила за это и ожила, я счастлива... Мнѣ кажется, въ этомъ я нашла способъ, какъ оправдать свою жизнь.

— Natalie, вы хорошая, идейная женщина, сказалъ я, восторженно глядя на жену, — и все, что вы дѣлаете и говорите, прекрасно и

умно. Чтобы скрыть свое волненіе, я прошелся по комнатѣ. — Natalie, продолжалъ я черезъ минуту, — передъ отъѣздомъ прошу у васъ, какъ особенной милости: помогите мнѣ сдѣлать что-нибудь для голодающихъ!

— Что-же, я могу? сказала жена и пожала плечами. — Развѣ вотъ только подписной листъ?

Она порылась въ своихъ бумагахъ и нашла подписной листъ.

— Пожертвуйте скольконибудь деньгами, сказала она, и по ея тону замѣтно было, что своему подписному листу она не придавала серьезнаго значенія. — А участвовать въ этомъ дѣлѣ какъ-нибудь иначе вы не можете.

Я взялъ листъ и подписалъ: *Неизвѣстный* — 5000.

Въ этомъ „неизвѣстный“ было что-то нехорошее, фальшивое, самолюбивое, но я понималъ это только, когда замѣтилъ, что жена сильно покраснѣла и торопливо сунула листъ въ кучу бумагъ. Намъ обоимъ стало стыдно. Я почувствовалъ, что мнѣ непременно, во что бы то ни стало, сейчасъ-же нужно загладить эту неловкость, иначе мнѣ будетъ стыдно потомъ и въ вагонѣ, и въ Петербургѣ. Надо было сказать что-нибудь искреннее, правдивое, сердечное.

— Я благословляю вашу дѣятельность, Natalie, сказалъ я искренно, — и желаю самъ всякаго успѣха. Но позвольте на прощаньи дать вамъ одинъ совѣтъ. Natalie, держите себя поострож-

нѣе съ Соболемъ и вообще съ вашими помощниками, и не довѣряйтесь имъ. Я не скажу, чтобы они были не честны, но это люди безъ идеи, безъ идеаловъ и вѣры, безъ цѣли въ жизни, безъ опредѣленныхъ принциповъ, и весь смыслъ ихъ жизни зиждется на рублѣ. Рубль, рубль и рубль! вздохнулъ я. — Они любятъ легкіе и даровые хлѣба и въ этомъ отношеніи, чѣмъ они образованнѣе, тѣмъ опаснѣе для дѣла.

Жена пошла къ кушеткѣ и прилегла.

— Идеи, идейно, проговорила она вяло и нехотя, — идейность, идеалы, цѣль жизни, принципы... Эти слова вы говорили всегда, когда хотѣли кого нибудь унизить, обидѣть, или сказать непріятность. Вѣдь вотъ вы какой! Если съ вашими взглядами и съ такимъ отношеніемъ къ людямъ, подпустить васъ близко къ дѣлу, то это, значитъ, разрушить дѣло въ первый-же день. Пора-бы это понять.

Она вздохнула и помолчала.

— Это грубость нравовъ, Павелъ Андреичъ, сказала она. — Вы образованы и воспитаны, но въ сущности какой вы еще скифъ! Это оттого, что вы ведете замкнутую ненавистническую жизнь, ни съ кѣмъ не видите и не читаете ничего, кромѣ вашихъ желѣзнодорожныхъ книгъ. А какіе есть хорошіе люди, какія книги! Да... Но я утомилась и мнѣ тяжело говорить. Спать надо.

— Такъ я ѣду, Natalie, сказалъ я.

— Да, да . . . Хорошо. Merci . . .

Я постоялъ немного и пошелъ къ себѣ наверхъ. Часъ спустя — это было въ половинѣ второго — я со свѣчою въ рукахъ опять сошелъ внизъ, чтобы поговорить съ женой. Я не зналъ, что скажу ей, но чувствовалъ, что мнѣ нужно сказать ей что-то очень важное и необходимое. Въ рабочей комнаткѣ ея не было. Дверь, которая вела въ спальню, была закрыта.

— Natalie, вы спите? тихо спросилъ я.

Отвѣта не было. Я постоялъ около двери, вздохнулъ и пошелъ въ гостиную. Здѣсь я сѣлъ на диванъ, потушилъ свѣчу и просидѣлъ въ потемкахъ до самаго разсвѣта.

VI.

Выѣхалъ я на станцію въ 10 часовъ утра. Мороза не было, но валилъ съ неба крупный, мокрый снѣгъ и дулъ непріятный сырой вѣтеръ.

Миновали прудъ, потомъ березнякъ, и стали взбираться на гору по дорогѣ, которая была видна мнѣ изъ оконъ. Я оглянулся, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на свой домъ, но за снѣгомъ ничего не было видно. Немного погодя, впереди, какъ въ туманѣ, показались темныя избы. Это Пестрово.

„Если я когданибудь сойду съ ума, то ви-

новато будетъ Пестрово, подумалъ я. Оно меня преслѣдуетъ“.

Вѣхали на улицу. На избахъ всѣ крыши цѣлы, нѣтъ ни одной содранной — значитъ, совралъ мой прикащикъ. Мальчикъ возить въ салазкахъ дѣвочку съ ребенкомъ; другой мальчикъ, лѣтъ трехъ, съ окутанной по бабьи головой и съ громадными рукавицами хочетъ поймать языкомъ летающія снѣжинки и смѣется. Вотъ навстрѣчу ѣдетъ возъ съ хворостомъ, около идетъ мужикъ, и никакъ не поймешь, сѣдѣ-ли онъ, или же борода его бѣла отъ снѣга. Онъ узналъ моего кучера, улыбается ему и что-то говоритъ, и передо мной машинально снимаетъ шапку. Собаки выбѣгаютъ изъ дворовъ и съ любопытствомъ смотрятъ на моихъ лошадей. Все тихо, обыкновенно, просто. Вернулись переселенцы, нѣтъ хлѣба, въ избахъ „кто хохочетъ, кто на стѣну лѣзетъ“, но все это такъ просто, что даже не вѣрится, чтобы это было на самомъ дѣлѣ. Ни растерянныхъ лицъ, ни голосовъ, вопіющихъ о помощи, ни плача, ни брани, а кругомъ тишина, порядокъ жизни, дѣти, салазки, собаки съ задранными хвостами. Не беспокоятся ни дѣти, ни встрѣчный мужикъ, но почему-же я такъ беспокоюсь?

Въ нижнемъ этажѣ моего дома, въ моей людской, въ этихъ темныхъ, молчаливыхъ избахъ, и за тысячу верстъ кругомъ, и еще дальше и дальше, глухо и безъ шума затѣвалась долгая,

упорная борьба съ общимъ бѣдствіемъ. Глядя на улыбающагося мужика, на мальчика съ громадными рукавицами, на избы, вспоминая свою жену, я понималъ теперь, что нѣтъ такого бѣдствія, которое могло-бы побѣдить этихъ сильныхъ, великодушныхъ людей; мнѣ казалось, что въ воздухѣ уже пахнетъ побѣдой, я гордился и готовъ былъ крикнуть имъ, что я тоже русскій, что я одной крови и одной души съ ними, но лошади вынесли изъ деревни въ поле, закружилъ снѣгъ, заревѣлъ вѣтеръ и я остался одинъ со своими мыслями. Изъ миллионной толпы людей, совершавшихъ великое народное дѣло, сама жизнь выбрасывала меня, какъ ненужнаго, неумѣлаго, дурного человѣка. Я помѣха, частица народнаго бѣдствія, меня побѣдили, выбросили и я сѣшу на станцію, чтобы уѣхать и спрятаться въ Петербургѣ въ отелѣ на Большой Морской.

Черезъ часъ пріѣхали на станцію. Сторожъ съ бляхой и кучеръ внесли мои чемоданы въ дамскую комнату. Кучеръ Никаноръ съ заткнутой за поясъ полрой, въ валенкахъ, весь мокрый отъ снѣга и довольный, что я уѣзжаю, улыбнулся мнѣ дружелюбно и сказалъ:

— Счастливой дороги, ваше превосходительство. Дай Богъ часъ.

Сторожъ сказалъ, что поѣздъ еще не выходилъ изъ сосѣдней станціи. Надо было ждать. Я вышелъ наружу и съ тяжелой отъ безсонной ночи головой и едва передвигая ноги отъ утом-

ленія, направился безъ всякой цѣли къ водокачкѣ. Кругомъ не было ни души.

— Зачѣмъ я ѣду? спрашивалъ я себя. — Что меня ожидаетъ тамъ? Знакомые, отъ которыхъ я уже уѣхалъ, одиночество, ресторанные обѣды, шумъ, электрическое освѣщеніе, отъ котораго у меня глаза болятъ... Куда и зачѣмъ я ѣду? Вѣдь, живя въ Петербургѣ, я каждый день буду чувствовать, что моя жизнь приближается уже къ концу; тамошній строй жизни съ ея туманами, праздностью и взаимнымъ ненавистничествомъ таковъ, что всякій, прожившій 35—40 лѣтъ, уже считаетъ себя человѣкомъ поконченнымъ и думаетъ о смерти. Здѣсь-же, если-бы я остался, моя жизнь могла-бы еще только начаться. Зачѣмъ-же я ѣду?

И какъ-то странно было уѣзжать, не поговоривши съ женой. Мнѣ казалось, что я оставилъ ее въ неизвѣстности. Уѣзжая, слѣдовало-бы сказать ей, что она права, что я въ самомъ дѣлѣ дурной, ничтожный человѣкъ.

Когда я повернулъ отъ водокачки, въ дверяхъ показался начальникъ станціи, на котораго я два раза уже жаловался его начальству; приподнявъ воротникъ сюртука, пожимаясь отъ вѣтра и снѣга, онъ подошелъ ко мнѣ и, приложивъ два пальца къ козырьку, съ растеряннымъ, напряженно почтительнымъ и ненавидящимъ лицомъ сказалъ мнѣ, что поѣздъ опоздаетъ на

20 минутъ и что не желаю-ли я пока обождать въ тепломъ помѣщеніи.

— Благодарю васъ, отвѣтилъ я, но, вѣроятно, я не поѣду. Велите сказать моему кучеру, чтобы онъ подождалъ. Я еще подумаю.

Я ходилъ взадъ и впередъ по платформѣ и думалъ: уѣхать мнѣ, или нѣтъ? Когда пришелъ поѣздъ, я рѣшилъ, что не поѣду. Дома меня ожидали насмѣшки и презрѣніе жены, унылый верхній этажъ и мое безпокойство, по это въ мои годы все-таки легче и какъ-то роднѣе, чѣмъ ѣхать двое сутокъ съ чужими людьми, въ Петербургъ, гдѣ я каждую минуту сознавалъ-бы, что жизнь моя приближается къ концу. Нѣтъ, ужъ лучше домой, что бы тамъ ни было ... Я вышелъ изъ станціи. Возвращаться домой, гдѣ всѣ такъ радовались моему отъѣзду, было стыдно при дневномъ свѣтѣ. Остатокъ дня до вечера можно было провести у когонибудь изъ сосѣдей. Но у кого? Съ одними я въ натянутыхъ отношеніяхъ, съ другими незнакомъ вовсе. Я подумалъ и вспомнилъ про Ивана Ивановича.

— Поѣдемъ къ Брагину, сказалъ я кучеру, садясь въ сани.

— Далече, вздохнулъ Никаноръ. — Верстъ, пожалуй, 28 будетъ, а то и всѣ 30.

— Пожалуйста, голубчикъ, сказалъ я такимъ тономъ, какъ будто Никаноръ имѣлъ право не послушаться. — Поѣдемъ, пожалуста.

Никаноръ съ сомнѣніемъ покачалъ головой

и медленно проговорилъ, что по настоящему слѣдовало-бы запречь въ корень не Черкеса, а Мужика, или Чижика, и нерѣшительно, какъ-бы ожидая, что я отмѣню свое рѣшеніе, забралъ возжи въ рукавицы, но лошади, какъ будто оскорбились его сомнѣніями, подхватили съ мѣста, онъ привсталъ, взмахнулъ кнутомъ и весело гикнулъ.

— „Цѣлый рядъ непослѣдовательныхъ поступковъ . . . думалъ я, пряча лицо отъ снѣга. — Это я сошелъ съума. Ну, пускай . . .

Въ одномъ мѣстѣ на очень высокомъ и крутомъ спускѣ Никаноръ осторожно спустилъ лошадей до половины горы, но съ половины лошади вдругъ сорвались и со страшною быстрою понесли внизъ, онъ вздрогнулъ, поднялъ локти и закричалъ голосомъ, какого я раньше никогда у него не слышалъ:

— Эй, прокатимъ генерала! Запалимъ, новыхъ кушитъ, голубчики! Ай, берегись, задавимъ!

Только теперь, когда у меня отъ необыкновенно быстрой ѣзды захватило дыханіе, я замѣтилъ, что онъ сильно пьянъ; должно быть, на станціи выпилъ. На днѣ оврага затрещалъ ледъ, кусокъ крѣпкаго унавоженнаго снѣга, сбитый съ дороги, больно ударилъ меня по лицу. Разбѣжавшіяся лошади, не имѣя силъ удержаться, съ разгону понесли на гору такъ-же быстро, какъ съ горы, и не успѣлъ я крикнуть Никанору, какъ моя тройка уже летѣла по ровному

мѣсту, въ старомъ еловомъ лѣсу, и высокія ели со всѣхъ сторонъ протягивали ко мнѣ свои бѣлыя мохнатыя лапы.

— „Я сошелъ съума, кучеръ пьянъ . . . думалъ я. — Хорошо!

Ивана Ивановича я засталъ дома. Онъ закашлялся отъ смѣха, положилъ мнѣ на грудь голову и сказалъ то, что всегда говоритъ при встрѣчѣ со мной:

— А вы все молодѣете. Не знаю, какой это вы краской голову и бороду красите, мнѣ бы дали.

— Я, Иванъ Ивановичъ, пріѣхалъ вамъ визитъ отдать, солгалъ я. — Не взыщите, человѣкъ я столичный, съ предразсудками: считаюсь визитами.

— Радъ, голубчикъ. Я изъ ума выжилъ, люблю честь . . . Да.

По его голосу и блаженно улыбававшемуся лицу я могъ судить, что своимъ визитомъ я сильно польстилъ ему. Въ передней шубу съ меня снимали двѣ бабы, а повѣсилъ ее на крючокъ мужикъ въ красной рубахѣ. И когда мы съ Иваномъ Ивановичемъ вошли въ его маленькій кабинетъ, двѣ босыя дѣвочки сидѣли на полу и разсматривали иллюстрацію въ переплетѣ; увидѣвъ насъ, онѣ вспрыгнули и побѣжали вонъ, и тотчасъ-же вошла высокая, тонкая старуха въ очкахъ и со ступнями длинными, какъ лыжи, степенно поклонилась мнѣ и, подобравъ съ ди-

вана подушку, а съ полу иллюстрацію, вышла. Изъ сосѣднихъ комнатъ непрерывно слышались шопотъ и шлепанье босыхъ ногъ.

— А я къ себѣ доктора жду обѣдать, сказалъ Иванъ Ивановичъ. — Обѣщаль съ пункта захватъ. Да. Онъ у меня каждую среду обѣдаетъ, дай Богъ ему здоровья. — Онъ потянулся ко мнѣ и поцѣловалъ въ шею. — Пріѣхали, голубчикъ, значитъ, не сердитесь, зашепталъ онъ, сопя. — Не сердитесь, матушка. Да. Можетъ, и обидно, но не надо сердиться. Я объ одномъ только прошу Бога передъ смертью: со всѣми жить въ мирѣ и согласіи, по правдѣ. Да.

— Простите, Иванъ Ивановичъ, я положу ноги на кресло, сказалъ я, чувствуя, что отъ сильнаго утомленія я не могу быть самимъ собой и безпомощно улыбаюсь; я поглубже сѣлъ на диванъ и протянулъ ноги на кресло. Послѣ снѣга и вѣтра у меня горѣло лицо и, казалось, все тѣло впитывало въ себя теплоту и отъ этого становилось слабѣе. — У васъ тутъ хорошо, продолжалъ я, жмурясь отъ удовольствія. — Тепло, мягко, уютно, чистенько . . . И гусиные перья, засмѣялся я, поглядѣвъ на письменный столъ, песочница . . . Все очень хорошо.

— А? Да, да . . . Такъ, такъ . . . Письменный столъ и вотъ этотъ шкафчикъ изъ краснаго дерева дѣлалъ моему отцу столяръ-самоучка Глѣбъ Бутыга, крѣпостной генерала Жукова. Да . . . Большой художникъ по своей части. И

иконы писалъ, и землемѣромъ былъ, и на клиросѣ читалъ — на всѣ руки, однимъ словомъ . . . Да.

Вяло, тономъ засыпающаго человѣка онъ сталъ разсказывать мнѣ про столяра Бутыгу. Я слушалъ. Потомъ Иванъ Ивановичъ вышелъ въ сосѣднюю комнату, чтобы показать мнѣ замѣчательный по красотѣ и дешевизнѣ комодъ изъ полисандроваго дерева. Я тоже вышелъ. Онъ постучалъ пальцемъ по комоду и обратилъ мое вниманіе на изразцовую печь съ рисунками, которыхъ теперь нигдѣ не встрѣтишь. И по печи постучалъ онъ пальцемъ. Отъ комода, изразцовой печи, и отъ кресель, и картинъ, шитыхъ шерстью и шелкомъ по канвѣ, въ прочныхъ и некрасивыхъ рамахъ, вѣяло добродушіемъ и безсмертіемъ. Какъ вспомнишь, что всѣ эти предметы стояли на этихъ же мѣстахъ и точно въ такомъ же порядкѣ, когда я еще былъ ребенкомъ и пріѣзжалъ сюда съ матерью на именины, то просто не вѣрится, что-бы они могли когда-нибудь не существовать.

Я думалъ: какая страшная разница между Бутыгой и мной! Бутыга, строившій прежде всего прочно и основательно, и видѣвшій въ этомъ главное, придавалъ какое-то особенное значеніе человѣческому долготію, не думалъ о смерти и, вѣроятно, не вѣрилъ въ ея возможность; я же, когда строилъ свои желѣзные и каменные мосты, которые будутъ существовать

тысячи лѣтъ, никакъ не могъ удержаться отъ мыслей: „Это не долговѣчно... Это ни къ чему“. Если современемъ какому-нибудь толковому историку искусствъ попадутся на глаза шкафъ Бутыги и мой мостъ, то онъ скажетъ: — „Это два въ своемъ родѣ замѣчательныхъ человѣка: Бутыга любилъ людей и не допускалъ мысли, что они могутъ умирать и разрушаться, и потому, дѣлая свою мебель, имѣлъ въ виду безсмертнаго человѣка; инженеръ же Асоринъ не любилъ ни людей, ни жизни; даже въ счастливыя минуты творчества ему не были противны мысли о смерти, разрушеніи и конечности, и потому, посмотрите, какъ у него жалки, ничтожны, конечны и робки эти линіи“...

— Я только эти комнаты топлю, борматалъ Иванъ Ивановичъ, показывая мнѣ свои комнаты. — Съ тѣхъ поръ, какъ умерла жена и сына на войнѣ убили, я заперъ парадныя. Да... Вотъ...

Онъ отперъ одну дверь и я увидѣлъ большую комнату съ четырьмя колоннами, старый фортепьяно и кучу гороху на полу; пахло холодомъ и запахомъ сырья.

— А въ другой комнатѣ садовыя скамейки... бормоталъ Иванъ Ивановичъ. — Некому ужъ мазурку плясать... Заперъ.

Послышался шумъ. Это пріѣхалъ докторъ Соболевъ. Пока онъ съ холоду потиралъ руки и

приводилъ въ порядокъ свою мокрую бороду, я успѣлъ замѣтить, что во-первыхъ ему жилось очень скучно и потому пріятно было видѣть Ивана Ивановича и меня, и во-вторыхъ, это былъ простоватый и наивный человѣкъ. Онъ смотрѣлъ на меня такъ, какъ будто я былъ очень радъ его видѣть и очень интересуюсь имъ.

— Двѣ ночи не спалъ! говорилъ онъ, наивно глядя на меня и причесываясь. — Одну ночь съ роженицей маялся, а другую, всю напролетъ, клопы кусали, у мужика ночевалъ. Спать хочу, понимаете-ли, какъ сатана.

Съ такимъ выраженіемъ, какъ будто это не можетъ доставить мнѣ ничего кромѣ удовольствія, онъ взялъ меня подъ руку и повелъ въ столовую. Его фамильярность, наивные глаза, помятый сюртукъ, дешевый галстухъ и запахъ іодоформа произвели на меня непріятное впечатлѣніе; я почувствовалъ себя въ дурномъ обществѣ. Но это не надолго. Какъ въ полѣ я, не владея собой, подчинялся Никанору, вѣтру и снѣгу, такъ и теперь я подчинился доктору. Онъ налилъ мнѣ водки и я, безпомощно улыбаясь, выпилъ; онъ положилъ мнѣ на тарелку кусокъ ветчины — и я покорно съѣлъ.

— *Repetitia est mater studiorum*, сказалъ Соболевъ, торопясь выпить другую рюмку. — Вѣрите-ли, отъ радости, что хорошихъ людей увидѣлъ, даже сонъ прошелъ. Я мужикъ, одичалъ въ глуши, огрубѣлъ, но я все-таки еще,

господа, интеллигентный человекъ и искренно говорю вамъ: тяжело безъ людей!

Подали на холодное бѣлаго поросенка съ хрѣномъ и со сметаной, потомъ жирныя, очень горячія щи со свининой и гречневую кашу, отъ которой столбомъ валилъ паръ. Докторъ продолжалъ говорить и скоро я убѣдился, что это былъ слабый, внѣшне безпорядочный и несчастный человекъ. Отъ трехъ рюмокъ онъ опьянѣлъ, неестественно оживился, ѣлъ очень много, покряхивая и причмокивая, и меня уже величалъ по-итальянски: экчеленца. Наивно глядя на меня, какъ будто увѣренный, что я очень радъ видѣть его и слушать, онъ сообщилъ мнѣ, что со своею женою онъ давно уже разошелся и отдаетъ ей три четверти своего жалованья, что живетъ она въ городѣ съ его дѣтьми — мальчикомъ и дѣвочкой, которыхъ онъ обожаетъ, что любить онъ другую, вдову помѣщицу, интеллигентную женщину, но бываетъ у нея рѣдко, такъ какъ бываетъ занятъ своимъ дѣломъ отъ утра до ночи и совсѣмъ не имѣетъ свободнаго времени.

— Цѣлый день то въ больницѣ, то въ разѣздахъ, рассказывалъ онъ, — и, клянусь вамъ, экчеленца, не только, что къ любимой женщинѣ съѣздить, но даже книжку прочесть некогда. Десять лѣтъ ничего не читалъ! Десять лѣтъ, экчеленца! Что же касается матеріальной стороны, то вотъ извольте спросить у Ивана Ивановича: табаку бываетъ купить не на что.

— За то у васъ нравственное удовлетвореніе, сказалъ я.

— Чего - съ? спросилъ онъ и прищурилъ одинъ глазъ. — Нѣтъ, давайте ужъ лучше выпьемъ. Вотъ если-бъ у васъ умерла подъ ножомъ баба, какъ у меня въ прошломъ году, то вы знали-бы, какое тутъ нравственное удовлетвореніе.

Я слушалъ доктора и по своей всегдашней привычкѣ подводилъ къ нему свои обычныя мѣрки — матеріалистъ, идеалистъ, рубль, стадные инстинкты, и т. п., но ни одна мѣрка не подходила даже приблизительно; и странное дѣло, пока я только слушалъ и глядѣлъ на него, то онъ, какъ человѣкъ, былъ для меня совершенно ясенъ, но какъ только я начиналъ подводить къ нему свои мѣрки, то при всей своей откровенности и простотѣ онъ становился необыкновенно сложной, запутанной и непонятной натурой. Можетъ-ли этотъ человѣкъ, спрашивалъ я себя, растратить чужія деньги, злоупотребить довѣріемъ, имѣть склонность къ даровымъ хлѣбамъ? И теперь этотъ, когда-то серьезный, значительный вопросъ казался мнѣ наивнымъ, мелочнымъ и грубымъ.

Подали пирогъ, потомъ, помню, съ длинными промежутками, въ продолженіи которыхъ мы пили наливку, подавали соусъ изъ голубей, что-то изъ потроховъ, жаренаго поросенка, утку, куропаatokъ, цвѣтную капусту, вареники, творогъ съ молокомъ, кисель и, подъ конецъ, блинчики

съ вареньемъ. Сначала, особенно щи и кашу я ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, но потомъ жевалъ и глоталъ машинально, безпомощно улыбаясь и не ощущая никакого вкуса. Отъ горячихъ щей и отъ жары, какая была въ комнатѣ, у меня сильно горѣло лицо. Иванъ Ивановичъ и Соболевъ тоже были красны.

— За здоровье вашей супруги, сказалъ Соболевъ. — Она меня любитъ. Скажите ей, что кланялся ей лейбъ-медикъ.

— Счастливая, ей Богу! вздохнулъ Иванъ Ивановичъ. — Не хлопотала, не беспокоилась, не суетилась, а вышло такъ, что она теперь первая персона во всемъ уѣздѣ. Почти все дѣло у нея въ рукахъ и около нея всѣ: и докторъ, и земскіе начальники, и барыни. У настоящихъ людей это какъ-то само собой выходитъ. Да... Яблонѣ не надо беспокоиться, чтобы на ней яблоки росли — сами вырастутъ.

— Беспокоиться, значить, не нужно? спросилъ я.

— Какъ вамъ сказать? Вотъ ко мнѣ каждый день ходитъ мужичонко Абрамъ и все беспокоится. — „Когда-же, говоритъ, земство будетъ народу продовольствіе выдавать? Ваше высокоблагородіе, говоритъ, пожалѣйте, заставьте вѣчно Бога молить! Голодъ, отъ народа званія не останется“. Что-же ты, говорю, беспокоишься? Ты, слава Богу, сытъ, одѣтъ и деньжонки у тебя есть, и никто не проситъ тебя беспокоиться.

Не слушаетъ мой Абрамъ! Голодающіе молчатъ, а онъ каждый день бѣгаетъ ко мнѣ, мечется, какъ угорѣлый. Да. А почему? Совѣсть не чиста. Тайно кабакъ держать и деньги подъ процентъ даетъ. Кулакъ . . . Въ своей жизни я такъ примѣчалъ: беспокоится, тоскуетъ, мѣста себѣ не находитъ и падаетъ духомъ только тотъ, кто виноватъ и въ комъ совѣсть зазрила, да кто малодушенъ и трусъ, а человѣкъ добрый, честный, смѣлый и отважный всегда весело смотритъ. Голубушка моя, ежели я правъ передъ Богомъ и людьми, то не роди земля хоть пять лѣтъ, или случись потопъ, я все-таки останусь правъ и буду покоенъ. Я ли кого кормлю, меня ли кормятъ, я ли кого хороню, или самъ помираю — всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ я буду покоенъ и правъ . . . Да.

— Не беспокоятся равнодушные, сказалъ я.

— А? Да, да . . . забормоталъ Иванъ Ивановичъ, не разслышавъ. — Это вѣрно . . . Надо быть равнодушнымъ. Такъ, такъ . . . Именно . . . Будь только справедливъ передъ Богомъ и людьми, а тамъ — хоть трава не расти.

— Экчеленца, сказалъ торжественно Соболевъ, — посмотрите вы на окружающую природу: высунъ изъ воротника носъ, или ухо — откусить; останься въ полѣ на одинъ часъ — снѣгомъ засыплетъ. А деревня такая-же, какая еще при Рюрикѣ была, нисколько не измѣнилась, тѣ же печенѣги и половцы. Только и знаемъ, что

горимъ, голодаемъ и на всѣ лады съ природой воюемъ. О чемъ бишь я? Да! Если, понимаете-ли, хорошенько вдуматься, взглядѣться, да разобратъ эту, съ позволенія сказать, кашу, то вѣдь это не жизнь, а пожаръ въ театрѣ! Тутъ кто падаетъ, или кричитъ отъ страха и мечется, тотъ первый врагъ порядка. Надо стоять прямо и глядѣть въ оба — и ни чичиркѣ! Тутъ ужъ некогда нюни распускать и мелочами заниматься. Коли имѣешь дѣло со стихіей, то и выставляй противъ нея стихію — будь твердъ и неподатливъ, какъ камень! Не такъ-ли, дѣдушка? повернулся онъ къ Ивану Ивановичу и засмѣялся. — Я самъ баба, тряпка, кисляй кисляичъ и потому терпѣть не могу кислоты! Не люблю мелкихъ чувствъ! Одинъ хандритъ, другой труситъ, третій войдетъ сейчасъ сюда и скажетъ: — „Ишь ты, уперли десять блюдъ и загсворили о голодающихъ!“ Мелко и глупо! Четвертый попрекнетъ васъ, экчеленца, что вы богаты. Тоже мелко! Пятый... Извините меня, экчеленца, продолжалъ онъ громко, приложивъ руку къ сердцу, но то, что вы задали нашему слѣдователю работу, что онъ вашихъ воровъ день и ночь ищетъ — извините, это тоже мелко съ вашей стороны. Я выпивши, потому и говорю это сейчасъ, но, понимаете-ли, мелко!

— Кто его проситъ беспокоиться, не понимаю? сказалъ я, вставая; — мнѣ вдругъ стало невыносимо стыдно и обидно, и я заходилъ

около стола. — Кто его просить беспокоиться? Я вовсе не просилъ... Чортъ его подери совсѣмъ!

— Трoихъ арестовалъ и выпустилъ. Оказались не тѣ и теперь новыхъ ищеть, засмѣялся Соболю. — Грѣхи!

— Слава Богу, что выпустилъ. И я вовсе не просилъ его беспокоиться, сказалъ я, готовый заплакать отъ волненія. — Къ чему, къ чему все это? Ну да, я былъ не правъ, поступалъ я дурно, но зачѣмъ они стараются, чтобы я былъ еще больше не правъ?

— Ну, ну, ну, ну! сказалъ Соболю, успокаивая меня. — Ну! Я выпивши, потому и сказалъ. Языкъ мой — врагъ мой. Ну-съ, вздохнулъ онъ, поѣли, наливки попили, потолковали, а теперь можно и на боковую.

Онъ всталъ изъ-за стола, поцѣловалъ Ивана Ивановича въ голову и, пошатываясь отъ сытости, вышелъ изъ столовой. Я и Иванъ Ивановичъ молча покурили.

— Я, родной мой, не сплю послѣ обѣда, сказалъ Иванъ Ивановичъ, а вы пожалуйста въ диванную, отдохните.

Я согласился. Въ полутемной, жарко нагретой комнатѣ, которая называлась диванною, стояли у стѣнъ длинныя, широкіе диваны, крѣпкіе и тяжелые, работы столяра Бутыги; на нихъ лежали постели высокія, мягкія, бѣлыя, постланныя, вѣроятно, старушкою въ очкахъ.

На одной постели, лицомъ къ спинкѣ дивана, безъ сюртука и безъ сапогъ, спалъ уже Соболя; другая ожидала меня. Я снялъ сюртукъ, разулся и, подчиняясь усталости, духу Бутыги, который виталъ въ тихой диванной, и легкому, ласковому храпу Соболя — покорно легъ.

„Я съ ума сошолъ и я дурной, ничтожный человекъ, думалъ я, пряча лицо въ теплую подушку, но объ этомъ я никому не скажу. Пускай...“

И тотчасъ-же мнѣ стали сниться жена, ея комната, начальникъ станціи съ ненавидящимъ лицомъ, кучи снѣга, пожаръ въ театрѣ; театръ горитъ внутри, а я хладнокровно, какъ ни въ чемъ не бывало, поднимаю падающихъ и объясняю имъ, гдѣ выходъ, потомъ иду изъ театра домой, не возмущаюсь и не спрашиваю себя, по чьей винѣ произошелъ пожаръ — этакъ лучше.

— Все таки это хорошо, что слѣдователь отпустилъ ихъ, говорю я...

Я просыпаюсь отъ своего голоса, минуту съ недоумѣніемъ смотрю на широкую спину Соболя, на его жилетную пряжку и толстыя пятки, потомъ опять ложусь и засыпаю.

Когда я проснулся въ другой разъ, было уже темно. Соболя спалъ. На душѣ у меня было покойно и хотѣлось поскорѣе домой. Я одѣлся и вышелъ изъ диванной. Иванъ Ивановичъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ въ большомъ креслѣ

совершенно неподвижно и глядѣлъ въ одну точку, и видно было, что въ такомъ состояніи оцѣпененія онъ находился все время, пока я спалъ.

— Хорошо! сказалъ я, зѣвая. — У меня такое чувство, какъ будто я проснулся послѣ разговѣнья на Пасху. Я къ вамъ теперь часто буду ѣздить. Скажите, у васъ обѣдала жена когда нибудь?

— Бы... ба... бы... бываетъ, забормоталъ Иванъ Ивановичъ, дѣлая усиліе, чтобы пошевелиться. — Въ прошлую субботу обѣдала. Да... Она меня любитъ.

Послѣ нѣкотораго молчанія я сказалъ:

— Помните, Иванъ Ивановичъ, вы говорили, что у меня друной характеръ и что со мной тяжело? Я согласенъ съ вами. Но что надо сдѣлать, чтобы характеръ былъ другой?

— Не знаю, голубчикъ... Я человѣкъ сырой, обрюзгъ, совѣтовать уже не могу... Да... А сказалъ я вамъ тогда, потому что люблю васъ, и жену вашу люблю, и отца любилъ... Да. Я скоро помру и какая мнѣ надобность таиться отъ васъ, или врать? Такъ и говорю: люблю васъ крѣпко, но не уважаю. Да, не уважаю.

Онъ повернулся ко мнѣ и проговорилъ шепотомъ, задыхаясь:

— Невозможно васъ уважать, голубчикъ. Съ виду вы какъ будто и настоящій человѣкъ. Наружность у васъ и осанка, какъ у француз-

скаго президента Карно — въ иллюстраціи на-медни видѣль... да... Говорите вы высоко, и умны вы, и въ чинахъ, рукой до васъ не достанешь, но, голубчикъ, у васъ душа не настоящая. Силы въ ней нѣтъ... Да.

— Скифъ, однимъ словомъ, засмѣялся я. Но что жена? Разскажите мнѣ чтонибудь про жену. Вы ее больше знаете.

Мнѣ хотѣлось говорить про жену, но вошелъ Соболь и помѣшалъ.

— Поспалъ, умылся, сказалъ онъ, наивно глядя на меня, — попью чайку съ ромомъ и домой.

VII.

Быль уже восьмой часъ вечера. Изъ передней до крыльца, кромѣ Ивана Иваныча, провожали насъ съ причитываніями и пожеланіями всякихъ благъ бабы, старуха въ очкахъ, дѣвочки и мужикъ, а около лошадей въ потемкахъ стояли и бродили какіе-то люди съ фонарями учили нашихъ кучеровъ, какъ и гдѣ лучше проѣхать, и желали намъ добраго пути. Лошади, сани и люди были бѣлы.

— Откуда у него столько народу? спросилъ я, когда моя тройка и докторская пара шагомъ выѣзжали со двора.

— Это все его крепостные, сказалъ Соболю.
— До него еще не дошло положеніе. Кое-кто изъ старой прислуги свой вѣкъ доживаетъ, ну, сиротки разныя, которымъ дѣваться некуда, есть и такіе, что насильно живутъ, не выгонишь. Чудной старикъ!

Опять быстрая ѣзда, необыкновенный голосъ пьянаго Никанора, вѣтеръ и неотвязчивый снѣгъ, лѣзущій въ глаза, въ ротъ, во все складки шубы...

— Эка меня носить! думаю я, а мои колокольчики заливаются вмѣстѣ съ докторскими, вѣтеръ свиститъ, кучера гикаютъ, и подъ этотъ неистовый шумъ я вспоминаю все подробности этого страннаго, дикаго, единственнаго въ моей жизни дня, и мнѣ кажется, что я въ самомъ дѣлѣ съ ума сошелъ, или же сталъ другимъ человекомъ. Тотъ, кѣмъ я былъ до сегодняшняго дня, мнѣ чуждъ и глубоко противенъ.

Докторъ ѣхалъ позади и все время громко разговаривалъ со своимъ кучеромъ. Изрѣдка онъ догонялъ меня, ѣхалъ рядомъ и все съ тою же наивною увѣренностью, что для меня это очень пріятно, предлагалъ папиросъ, просилъ спичекъ, или говорилъ:

— А вы, экчеленца, простой человекъ, раньше я иначе васъ себѣ представлялъ.

А то, поравнявшись со мной, онъ вдругъ вытянулся въ саняхъ во весь ростъ, замахалъ

рукавами своей шубы, которые были у него чуть-ли не въ двое длиннѣе рукъ, и закричалъ:

— Лупи, Васька! Обгони-ка тысячныхъ! Эй, котята!

И докторскія котята при громкомъ, злорадномъ смѣхѣ Соболя и его Васьки понеслись впередъ. Мой Никаноръ обидѣлся и придержалъ тройку, но когда не стало уже слышно докторскихъ звонковъ, поднялъ локти, гикнулъ и моя тройка, какъ бѣшеная, понеслась въ догонку. Мы въѣхали въ какую-то деревню. Вотъ мелькнули огоньки, силуэты избъ, кто-то крикнулъ: — „Ишь, черти“! Проскакали, кажется, версты двѣ, а улица все еще тянется и конца ей не видно. Когда поравнялись съ докторомъ и поѣхали тише, онъ попросилъ спичекъ и сказалъ:

— Вотъ прокормите-ка эту улицу! А вѣдь здѣсь пять такихъ улицъ, сударь. Стой! Стой! закричалъ онъ. Къ трактиру поворачивай! Надо погрѣться и лошадямъ отдохнуть.

Остановились около трактира.

— У меня въ епархіи не одна такая деревенька, говорилъ докторъ, отворяя тяжелую дверь съ визжащимъ блокомъ и пропуская меня впередъ. — Среди бѣла дня взглянешь на такую улицу — конца не видать, а тутъ еще переулки, и только затылокъ почешешь. Трудно ориентироваться и что-нибудь сдѣлать.

Мы вошли въ „чистую“ комнату, гдѣ силь-

но пахло скатертями и при нашемъ входѣ вско-
чилъ съ лавки заспанный мужикъ въ жилеткѣ
и въ рубахѣ на выпускъ. Соболевъ попросилъ
пива, а я чаю.

— Трудно что-нибудь сдѣлать, говорилъ
Соболевъ. — Ваша супруга вѣрить, я преклоняюсь
передъ ней и уважаю, но самъ глубоко не вѣрю,
экшеленца. Пока наши отношенія къ народу
будутъ носить характеръ обычной благотвори-
тельности, какъ въ дѣтскихъ пріютахъ, или ин-
валидныхъ домахъ, до тѣхъ поръ мы будемъ
только хитрить, вилять, обманывать себя и боль-
ше ничего. Бррр! Это не пиво, а гадость ка-
кая-то! проворчалъ онъ, морщась и вздрагивая
всѣмъ тѣломъ, но все-таки стараясь выпить всю
бутылку до конца. — Отношенія наши должны
быть дѣловыя, основанныя на расчетѣ, знаніи
и справедливости. Мой Васька всю свою жизнь
былъ у меня работникомъ; у него не уродило,
онъ голоденъ и боленъ. Если я даю ему те-
перь по 15 коп. въ день, то этимъ я хочу вер-
нуть его въ прежнее положеніе работника, то
есть охраняю прежде всего свои интересы, а
между тѣмъ эти 15 коп. я почему-то называю
помощью, пособіемъ, добрымъ дѣломъ. Теперь
будемъ говорить такъ. По самому скромному
расчету, считая по 7 коп. на душу и по 5
душъ въ семьѣ, чтобы прокормить 1000 се-
мействъ, нужно 350 руб. въ день. Этою цифрою
опредѣляются наши дѣловыя обязательныя от-

ношенія къ 1000 семействъ. А между тѣмъ мы даемъ не 350 въ день, а только 10 и говоримъ, что это пособіе, помощь, что за это ваша супруга и всѣ мы исключительно прекрасные люди, и да здравствуетъ гуманность. Такъ-то, душа моя. Ахъ, если-бы мы поменьше толковали о гуманности, а побольше-бы считали, разсуждали, да совѣстливо относились къ своимъ обязательствамъ! Сколько среди насъ такихъ гуманныхъ, чувствительныхъ людей, которые искренно бѣгаютъ по дворамъ съ подписными листами, но не платятъ своимъ портнымъ и кухаркамъ. Логика въ нашей жизни нѣтъ, вотъ что! Логика!

Мы помолчали. Я мысленно сдѣлалъ расчетъ и сказалъ:

— Я буду кормить тысячу семействъ въ продолженіи двухсотъ дней. Вы пріѣзжайте завтра поговорить.

Я былъ доволенъ, что это вышло у меня просто, и былъ радъ, что Соболевъ отвѣтилъ мнѣ еще проще:

— Ладно.

— За обѣдомъ вы говорили о климатѣ, сказалъ я. — Да, при такомъ климатѣ, при такихъ пространствахъ, при неизбежно-жалкой культурѣ и при этой удивительной безчеловѣчности (я вспомнилъ, какимъ я былъ до сихъ поръ), къ которой я приглядѣлся въ своей жизни и особенно, когда былъ на службѣ, единственное

наше спасеніе — съ одной стороны простыя человѣческія отношенія, позволяющія говорить другъ другу правду, а съ другой — полнѣйшее равнодушіе. Страхъ, отчаяніе, наши постоянныя заботы о самосохраненіи — все это только осложняетъ опасность. Однако, поѣдемте. Пора.

— Мы заплатили, что нужно, и вышли изъ трактира.

— Люблю такъ путаться, сказалъ Соболевъ, садясь въ сани. — Эчеленца, одолжите спичку, я свои въ трактирѣ забылъ.

Черезъ четверть часа его пара отстала и сквозь шумъ метели уже не слышно было его звонковъ. Приѣхавъ домой, я прошелся по своимъ комнатамъ, стараясь обдумать и возможно яснѣе опредѣлить себѣ свое положеніе; у меня не было готово для жены ни одной фразы, ни одного слова. Но голова не работала.

Не придумавъ ни одной фразы, я отправился внизъ къ женѣ. Она стояла у себя въ комнатѣ все въ томъ-же розовомъ капотѣ и въ той-же позѣ, какъ-бы загораживая отъ меня свои бумаги. Лицо ея выражало недоумѣніе и насмѣшку. Видно было, что она, узнавъ о моемъ приѣздѣ, приготовилась не плакать, не просить и не защищать себя, какъ вчера, а смѣяться надо мной, отвѣчать мнѣ презрѣніемъ и поступать рѣшительно. Лицо ея говорило: если такъ, то прошайте.

— Natalie, я не уѣхалъ, сказалъ я, — но это не обманъ. Я съ ума сошелъ, постарѣлъ, болѣнъ, сталъ другимъ человѣкомъ — какъ хотите, думайте... Отъ прежняго самаго себя я отшатнулся съ ужасомъ, съ ужасомъ, презираю и стыжусь его, а тотъ новый человѣкъ, который во мнѣ со вчерашняго дня, не пускаетъ меня уѣхать. Не гоните меня, Natalie!

Она пристально посмотрѣла мнѣ въ лицо, повѣрила и въ ея глазахъ блеснуло безпокойство. Очарованный ея присутствіемъ, согрѣтый тепломъ ея комнаты, я бормоталъ, какъ въ бреду, протягивая къ ней руки:

— Я говорю вамъ: кромѣ васъ у меня никого нѣтъ близкихъ. Я ни на одну минуту не переставалъ скучать по васъ, и только упрямое самолюбіе мѣшало мнѣ сознаваться въ этомъ. Того прошлаго, когда мы жили, какъ мужъ и жена, не вернешь, и не нужно, но вы сдѣлайте меня вашимъ слугой, возьмите все мое состояніе и раздайте его, кому хотите. Я покоенъ, Natalie, я доволенъ... Я покоенъ...

Жена, пристально и съ любопытствомъ смотрѣвшая мнѣ въ лицо, вдругъ, тихо вскрикнула, заплакала и выбѣжала въ сосѣднюю комнату. Я пошелъ къ себѣ наверхъ.

Черезъ часъ я уже сидѣлъ за столомъ и писалъ „Исторію желѣзныхъ дорогъ“ и голодающіе не мѣшали мнѣ дѣлать это.

Теперь ужъ я не чувствую безпокойства.

Ни тѣ безпорядки, которые я видѣлъ, когда на-
дняхъ съ женою и съ Соболемъ обходилъ избы
въ Пестровѣ, ни зловѣщіе слухи, ни ошибки
окружающихъ людей, ни моя близкая старость
— ничто не беспокоитъ меня. Какъ летающія
ядра и пули на войнѣ не мѣшаютъ солдатамъ
говорить о своихъ дѣлахъ, ѣсть и починять обувь,
такъ и голодающіе не мѣшаютъ мнѣ покойно
спать и заниматься своими личными дѣлами. У
меня въ домѣ, во дворѣ и далеко кругомъ ки-
питъ работа, которую докторъ Соболевъ называетъ
„благотворительной оргіей“; жена часто входитъ
ко мнѣ и со своимъ монашескимъ выраженіемъ
безпокойно обводитъ глазами мои комнаты, какъ-
бы ища, что еще можно отдать голодающимъ,
чтобы „найти оправданіе своей жизни“, и я
вижу, что, благодаря ей, скоро отъ нашего со-
стоянія не останется ничего и мы будемъ бѣд-
ны, но это не волнуетъ меня и я весело улы-
баюсь ей. Съ тѣхъ поръ, какъ я пошелъ въ
одною полку съ равнодушными людьми, я сталъ
самъ равнодушенъ, и мнѣ хорошо. Что будетъ
дальше, не знаю.

Конецъ.

Издание Карла Малькомеса въ Стутгартѣ.

Am
Vierwaldstätter See.

Malerische Ansichten
von
Berg, Thal und See.

32 Aquarelle
nach Originalaufnahmen verschiedener Künstler mit
begleitendem Texte

von
Alfred Brennwald
unter Mitwirkung von Dr. W. Grothe.

Edition française:

Vues pittoresques du Lac des Quatre-Cantons et de ses environs.
32 aquarelles d'après les originaux de différents artistes. Texte
par Alfred Brennwald. Avec la collaboration du
Dr. W. Grothe. Traduit par Cl. Flamand de Buxy.

English edition:

The Lake of the Four Cantons.
Picturesque views. 32 water colors according to the original
drawings of different artists with accompanying texts by
Alfred Brennwald. Under cooperation of
Dr. W. Grothe.

Preis jeder Ausgabe elegant gebunden 10 Mark.

Издание Карла Малькомеса въ Стутгартѣ.

Въ Международной Беллетристической Библіотекѣ, на русскомъ языкѣ,

издаваемой

Карломъ Малькомесомъ,

до настоящаго времени отпечатаны слѣдующія
сочиненія:

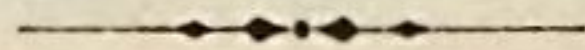
- Томъ I. I. Ясинскій, Петербургскіе Туманы. I. 192 стр.
„ II. I. Ясинскій, Петербургскіе Туманы. II. — Современникъ. 218 стр.
„ III. П. Боборыкинъ, Передъ чѣмъ-то. — Трупъ. 238 стр.
„ IV. А. Михайловъ, Изъ Трясины на Дорогу. 278 стр.
„ V. И. Н. Потапенко, Звѣзда. Романъ. — А. Чеховъ, Жена. Разсказъ. 259 стр.

Цѣна тому 2 марки, въ изящномъ переплетѣ
2¹/₂ марки.

Въ подготовкѣ къ печати находятся слѣдующія
сочиненія:

Фр. Шпильгагенъ, Безмолвіе Неба. Переводъ съ нѣмецкаго.
Послѣдній романъ. 2 тома.

Н. Бажинъ, Итоги. Романъ.

Изданіе Карла Малькомеса въ Стутгартѣ.

Русская Хрестоматія.

Отрывки изъ сочиненій лучшихъ русскихъ писателей
для чтенія и переводовъ съ русскаго языка на нѣ-
мецкій.

І. часть.

Текстъ съ удареніями, грамматическими примѣчаніями
и приложеніемъ полнаго словаря.

Составилъ

Алексѣй Марковъ,

докторъ государственныхъ наукъ Тюбингенскаго Университета.

11 печ. листовъ форм. 8⁰.

Цѣна въ переплетѣ 2 марки.

РУССКО-НѢМЕЦКІЙ И НѢМЕЦКО-РУССКІЙ ВОЕННЫЙ СЛОВАРЬ

составилъ

Б. Манасевичъ.

(8⁰. VIII, 400 стр.)

Цѣна въ переплетѣ 4 марки.

Графъ Л. Толстой. КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА,
съ послѣсловіемъ автора. (12⁰. 140 стр.)

Цѣна 2¹/₂ марки.

**ПОСЛѢСЛОВІЕ КЪ КРЕЙЦЕРОВОЙ СОНАТѢ ГРАФА
Л. ТОЛСТАГО.**

Цѣна 60 пф.

Segensreiche Wirksamkeit durch vier Generationen.

Vier Lebensbilder in Vorträgen:

Dorothea, Herzogin von Württemberg 1736—1798.

Maria Feodorowna, Kaiserin von Russland 1759—1828.

Katharina Pawlowna, Königin von Württemberg 1788—1819.

Olga Nikolajewna, Königin von Württemberg 1822—1892.

Von **J. Merkle**, Lehrer am Kgl. Katharinenstift in Stuttgart.

Preis broschirt 1 Mk. 50 Pf., elegant gebunden 2 Mk. 50 Pf.

Farbenspiele des Lebens. Roman aus der Gesellschaft. Von **F. Leoni (F. Lortsch, Libau)**.

Preis broschirt 3 Mk., elegant gebunden 4 Mk.

Ostrowsky, Alexander, Das Gewitter. Drama in fünf Aufzügen. Aus dem Russischen von Dr. **A. Markow** und Dr. **R. Zeyss**.

Mit dem Porträt Ostrowsky's.

Preis broschirt 1 Mk. 25 Pf., elegant gebunden 2 Mk. 25 Pf.

Kempner, Fr., Nettelbeck. — Miss Maria Brown. Historische Novellen. 2. Auflage.

Preis broschirt 3 Mk., elegant gebunden 4 Mk.

Kempner, Fr., Roger Bacon. Historische Novelle. 2. Auflage.

Preis broschirt 2½ Mk., elegant gebunden 3½ Mk.

Brennwald, A., Zur Lage des Welthandels. I. Teil: Die Aussichten des Kaufmanns im Welthandel. Illustriert durch 160 Konsulatsberichte der wichtigsten Handelsstädte der Welt.

Preis 2 Mk.

бѣлъ. — Книжки этой библіотеки выходятъ ежемѣсячно, отдѣльными изящно изданными томами. Каждый томъ содержитъ, по мѣрѣ возможности, не только оконченное лучшее произведеніе современнаго русскаго, но и таковое нѣмецкаго, французскаго и англійскаго писателя (на русскомъ языкѣ), и стоитъ всего:

2 марки, въ изящномъ переплетѣ 2½ марки.

— Такимъ образомъ читатели могутъ за весьма дешевую цѣну положить основаніе цѣнной домашней библіотекѣ,

въ которой будущія поколѣнія найдутъ для себя массу самыхъ интересныхъ произведеній.

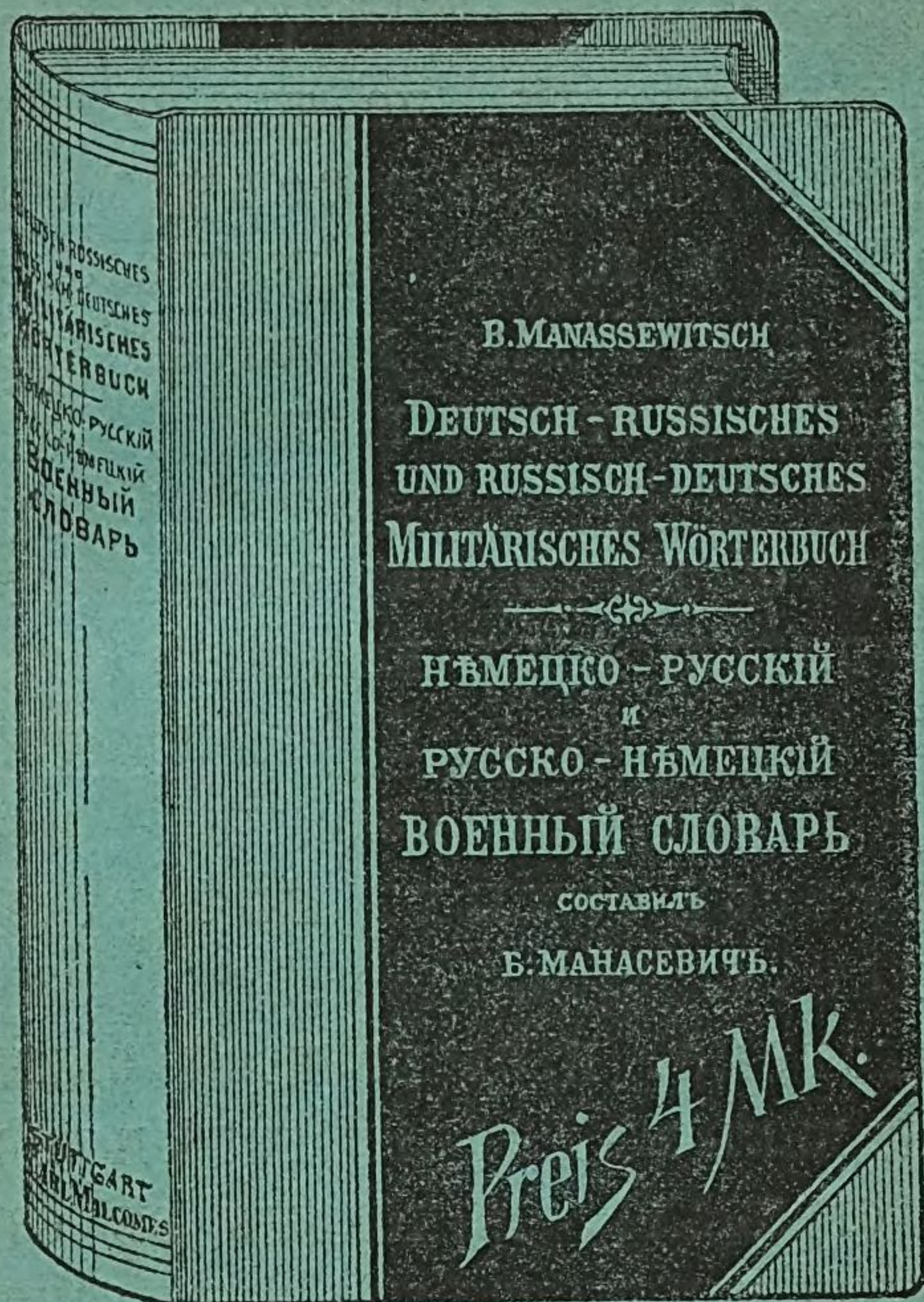
Библіотека, продажа коей одинаково разрѣшена какъ въ Россіи, такъ и во всѣхъ другихъ странахъ, выходитъ въ серіяхъ въ 12 томахъ и можетъ быть выписана какъ чрезъ всякую книжную торговлю внутри страны и заграницею, такъ и прямо отъ нижепоименованной фирмы.

Стутгартъ.

Карлъ Малькомесъ,
Издатель - Книгопродавецъ.

Изданіе Карла Малькомеса въ Стутгартѣ.

400 стр. Цѣна въ переплетѣ 4 марки.

400 стр. Цѣна въ переплетѣ 4 марки.

Международная Беллетристическая Библіотека на русскомъ языкѣ, издаваемая **Карломъ Малькомесомъ**. Собраніе романовъ, повѣстей и разсказовъ новѣйшихъ писателей всѣхъ странъ. Цѣна тому 2 марки, въ изящномъ переплетѣ 2¹/₂ марки.

До сихъ поръ вышли въ свѣтъ:

- Томъ I. I. Ясинскій, Петербургскіе Туманы. I.
 „ II. I. Ясинскій, Петербургскіе Туманы. II. — Современникъ.
 „ III. П. Боборыкинъ, Передъ чѣмъ-то. — Трупъ.
 „ IV. А. Михайловъ, Изъ Трясины на Дорогу.
 „ V. I. Н. Потапенко, Звѣзда. — А. Чеховъ, Жена.

Potapenko, Ignatij Nikolaevič,

Svezda

Stuttgart 1894

P.o.rel. 2908-5

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11678997-1